

АНДРЕЙ КОЧЕТКОВ

СОКРЫТОЕ ЦАРСТВО

*Если власть отделена от
мудрости — страна подобна
телу, у которого отрубили
голову*

ПОСОЛ ВЕЛИКОГО ВЛАДЫКИ

Мастера прозы

Андрей Кочетков

**Посол Великого владыки.
Сокрытое царство. Часть 1. Том 1**

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кочетков А. А.

Посол Великого владыки. Сокрытое царство. Часть 1. Том 1 /
А. А. Кочетков — «Эксмо», 2023 — (Мастера прозы)

ISBN 978-5-04-189302-6

Унизель Вирандо стал частью большой дипломатической миссии, цель которой — заключить мир и торговое соглашение с самым скрытным народом Обозримой земли, о котором вот уже много столетий никто ничего не слышал. Этот договор кардинально изменит расстановку сил в политике и экономике империи, может привести к гражданской войне и даже уничтожить само государство. Юноша втянут в масштабную политическую игру, ставки в которой высоки. Уни предстоит проявить сообразительность и разгадать особенности мышления загадочного народа, найти свое предназначение, любовь и стать тем, кто держит в своих руках судьбы великих империй. Первая книга тома.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189302-6

© Кочетков А. А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть I. Из мрака к свету	10
Глава 1. Отягощенный надеждой	11
Глава 2. Сердце вдребезги	20
Глава 3. Карьера насмарку	29
Глава 4. Работа по специальности	40
Глава 5. Необходимые формальности	55
Глава 6. Друзья	69
Глава 7. Нельзя просто взять и уехать	84
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Андрей Кочетков

Посол Великого владыки

Сокрытое царство. Часть 1. Том 1

© Андрей Кочетков, текст, 2023

© Юлия Щербина, иллюстрации, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Пролог

Наступал вечер, теплый и мягкий. Уставшее светило, раскинув вдоль горизонта свои огненные с золотым тиснением одеяния, готовилось к традиционному омовению в Безбрежном океане. Оказавшись без строгого присмотра Небесного владыки, красавицы клены во дворе дома принялись вовсю флиртовать с Энио, богиней прелестного заката, хвастая яркими красками своих осенних нарядов. Маленький лучик света, с трудом пробившись сквозь это сборище ветвистых франтов, коснулся лица молодого человека, согнувшегося над листом пергамента. Но посланец небес старался напрасно. Нет, он прекрасно подготовился к этой встрече и был бы рад поведать о широких лугах, где солнечная свита прогуливается напоследок перед приходом ночи, о полноводной реке, подмигивающей закату томным блеском своих освежающих вод, о запахе леса, где древние духи играют в прятки среди крон вековых деревьев. И даже о том, как далеко на юге стая дельфинов резвится в парном молоке моря Туманов, сопровождая идущее на запад капоштийское торговое судно. Однако молодой человек лишь в раздражении повел головой, прищурился и еще ниже склонился над столом из черного, как уголь, дерева. То, чем он был занят последние несколько месяцев, не оставляло времени на красоту жизни вокруг. Молодой человек писал традиционной герандийской скорописью, но без той доли небрежности и равнодушия к тексту, которая выдавала казенный стиль имперской бюрократии. Нет, каждая буква ложилась на бумагу размеренно и вдумчиво, а сам автор время от времени откладывал перо в сторону и, водрузив небритую щеку на кулак, тщательно перечитывал написанное.

* * *

В этой книге я хотел бы рассказать историю Унизеля Вирандо – моего отца. Сегодня он известен всем. Но знает ли кто-либо его как человека?

Человек есть в первую очередь его имя. Однако каждый читает его по-своему, вкладывает в имя собственный смысл, смотрит в него, как в зеркало, ожидая разглядеть знакомое глазу отражение собственных чувств и желаний. И потому я буду писать о том, что важнее всего именно для меня. Почему и как отец стал тем, кто он есть сегодня? Чем он жил, какие

мысли рождались в его сознании при взгляде на мир, который мы видим вокруг? Какие люди встретились ему на пути и как изменили его понимание природы вещей? Я постараюсь писать только о тех событиях, которые помогут мне ответить на эти вопросы. Ибо ответы дадут мне возможность обрести самого себя, найти свою дорогу в жизни. И помогут сделать это моим будущим детям.

Мы с отцом совсем разные люди. Но, когда я слушал его рассказы, меня не покидала мысль, что в похожих ситуациях я поступил бы точно так же. Я полагаю, что это дает мне право самому додумывать ход событий там, где в силу самых разных обстоятельств я не имею возможности узнать, как оно было на самом деле. Постараюсь сильно не злоупотреблять такой привилегией, хотя в некоторых случаях не пользоваться ею вовсе практически невозможно.

В книге встречаются описания людей не только из империи, но и из иных, далеких и чудесных, стран. Многое из того, что случалось с этими людьми, не затрагивало моего отца напрямую и происходило без его непосредственного участия. Тем не менее, как капельки пролитой ртуты в конце концов воссоединяются в едином порыве природного родства, так и линии жизни всех тех, с кем виделся, общался, сражался мой отец, образуют с ним то неразрывно общее, что можно было бы назвать Судьбой. Каждый персонаж этой летописи вложил в него свою крупицу знания, любви, ненависти и страданий, и все это теперь перешло ко мне. Впустив этих людей на страницы моей книги, я имел слабость дать им жить собственной жизнью, в связи с чем заранее приношу свои извинения на тот случай, если рассказ мой будет иногда уводить в ту или иную сторону.

Взявшись за перо, я понял: чтобы оживить мир моего отца, одних его рассказов и воспоминаний недостаточно. Если я хочу сам почти что прожить его жизнь – со своей точки зрения, – мне нужны такие же обширные знания о Дашторнисе, Обозримой земле – мире, в котором мы все живем. Конечно, архивы нашей столичной библиотеки пока еще только формируются, но они всегда открыты для меня, и я рад возможности приобщиться к хранимой в них мудрости.

Во избежание путаницы я буду стараться давать имена собственные и некоторые другие понятия в классической герандийской транскрипции. Оригинальный текст был бы, разумеется, более интересен для серьезного исследователя, но цель моей книги не строго научная, хотя и находится в области познания мира и самого себя. Предупреждаю сразу – не ищите буквального сходства в названиях. Вириланские имена, к примеру, на самом деле звучат несколько иначе. Кроме того, если для жителей империи естественным является носить имя и фамилию, то у вириланов вообще нет ни фамилии, ни отчества, но зато есть два имени, одно из которых дается родителями при рождении, а второе выбирается самостоятельно по достижении совершеннолетия. К тому же в вириланском языке нет целого ряда звуков (например, мягких «к» и «г»). Вириланы просто не в состоянии их произнести, так же как и мы, например, сломаем язык при попытке сказать любую фразу на аринцильском. То, что отец свободно владеет этими и многими другими языками, большинство из которых он изучил только по книгам, свидетельствует о его выдающихся способностях лингвиста, которые мне, увы, не передались.

И, наконец, самый главный вопрос – для кого пишется эта книга? Мой отец очень проницательный человек. За свою жизнь он изучил столько людей, что с пониманием собственного сына у него обычно не возникает никаких проблем. Вот почему Унизель Вирандо не стал допытываться у меня о содержании моих творений, а как-то раз совершенно неожиданно объявился в моей маленькой усадьбе, так что теперь мне было не отвертеться. Небрежно присев прямо на рабочий стол, отец вгрызался взглядом в пергамент с какой-то потаенной, отсутствующей усмешкой в своих васильковых глазах. Признаюсь, сердце мое в тот миг билось намного сильнее обычного, а внутренности почему-то овеяло легким холодком. Я ждал критики, указаний на ошибки, требований переделать или убрать какие-либо фрагменты. Но отцу, похоже, нравилось издеваться надо мной – солнце уже давно миновало полуденный пик, а он так и не произнес ни единого слова. Унизель Вирандо словно высасывал из меня жизненную силу,

которую я без остатка вложил в эти свитки, и ничего не давал взамен. Но всякое мучение когда-нибудь кончается, так было и в этот раз. Отец неожиданно оторвался от пергамента, посмотрел на меня преисполненным сочувствия взглядом и в своей вкрадчивой, идеально вежливой манере произнес:

– Ты ведь понимаешь, что публиковать это было бы не совсем разумно?

И я наконец выдохнул, – с колоссальным, совершенно нескрываемым облегчением. К такому вопросу я был готов уже давно.

– Разумеется, батюшка. Я...

– Но тогда ответь мне, с какой целью ты убил на это так много времени? Ты ведь не просто юноша, обдумывающий жите. На тебе лежит огромная ответственность, миссия, которая досталась тебе по праву моего единственного сына. Но чем же занимаешься ты вместо того, чтобы учиться в первую очередь тем вещам, которые тебе неизбежно понадобятся...

– Я сам постоянно думаю об этом! Но ведь ваша собственная судьба – что, как не она, есть самое яркое свидетельство того, что каждый, кто следует велению сердца, неизбежно дождется отведенного лишь ему Часа Истины? Я пишу эту книгу для своих детей, чтобы они знали историю главы семьи. Эти семена знаний, брошенные в будущее, произрастут плодами мудрости, на которой будет стоять сила и могущество нашего рода и нашей державы!

– Значит, ты хочешь сказать, что это будет что-то вроде... книги для домашнего чтения?

– Именно так, в точности. И книга, и учебник, и память – в одном-единственном экземпляре. Клянусь, все, что изложено в этих свитках, навечно останется нашей семейной тайной!

Отец недоверчиво хмыкнул, пожал плечами, и взгляд его устремился в открытое окно, где ветер трепал длинные руки деревьев принесенной с реки прохладой, а белки шустро воровали лакомства из алтаря предков под большим дубом.

* * *

Молодой человек понял, что отец не очень-то верит ему. Или верит, но втайне страстно желает оспорить свое же собственное решение. Нужно было что-то срочно делать, чтобы переломить ситуацию.

– Батюшка, я же во всем похож на вас. Вспомните, как все начиналось. Тридцать лет назад. Такой же вечер. Энтеверия – столица великой Герандийской империи, архив Солнцеподобного владыки, повелителя всего, что находится под небесами...

Часть I. Из мрака к свету

ЧАСТЬ I

ИЗ МРАКА К СВЕТУ

Глава 1. Отягощенный надеждой

Молодой сокол уже целый час виртуозно планировал в мягких объятьях вечернего майского ветра. Широко распластав пепельные крылья, он по-хозяйски сосредоточенно обозревал раскинувшийся внизу огромный город. Если бы жители бескрайней Герандийской империи поклонялись не Солнцу, а какому-нибудь более приземленному божеству, то они вряд ли бы окружили птиц – приближенных Ясноликого светила – таким вниманием и заботой. Убийство пернатых считалось вопиющей дикостью и святотатством, что, к сожалению, не отменяло необходимости защиты дворца Великого владыки, а также голов городских статуй и простых граждан от упивавшихся своей безнаказанностью голубей. И только сокол – священный страж Небесного престола – имел законное право сокращать популяцию этих сизокрылых бандитов, за что был вдвойне почитаем благодарными жителями Энтеверии.

Особенно часто от произвола голубей страдал Главный императорский архив. Приземистое, даже где-то мрачноватое здание было надежно укрыто от бесперых двуногих в первом круге Больших Державных чертогов, однако атаки с воздуха представляли собой постоянную угрозу внешнему виду этого самого крупного хранилища знаний во всем Дашторнисе. Ситуация значительно усугублялась тем, что архив был построен двести лет назад при императоре Назалио, который был помешан на архитектурных изысках и почти полностью перестроил исторический центр города. Его Солнцеподобное величество не упустил возможность указать своим приземленно мыслящим архитекторам на то очевидное обстоятельство, что вместители драгоценных летописей достославных деяний его божественных предков не может, попросту не имеет права иметь форму такого грубого, неотесанного параллелепипеда из серегадского мрамора, «при одном виде которого любого мало-мальски утонченного человека охватывают глубокая печаль и безысходная тоска».

С большим трудом удалось уговорить Владыку не сносить напрочь уже почти готовое здание, что неминуемо бы разрушило разветвленную систему подвалов с уникальными условиями хранения особо ценных манускриптов, дорогостоящими противопожарными механизмами и даже специальной системой зеркал, благодаря которой тусклый, но все же настоящий дневной свет мог проникать в самые отдаленные уголки этого незыблемого оплота мудрости прошлых веков. Главный архитектор Кордий Палио видел архив империи прежде всего как

крепость, тщательно охраняемую сокровищницу, способную выдержать ожесточенный штурм, наводнение, пламя и бесчинства толпы. «Это сооружение простоит тысячи лет, и наши далекие потомки с удивлением и восхищением смогут открыть для себя дорогу в мир тех, кто заложил фундамент нашей Вечной державы!» – не раз высокопарно повторял он. Впрочем, ругаться с императором было как-то не с руки, и Палио легко пошел на примитивное архитектурное мошенничество, пристроив к зданию фальшивую вычурную колоннаду и воздвигнув на крыше галерею статуй славнейших ученых мужей Герандии.

Вот за эти самые статуи современные работники архива сделали Палио самым популярным героем своих *эстевели* – бумажек с проклятиями в адрес недругов, которые за скромную

плату, используя примитивную линзу, можно торжественно скормить лучам Великого светила, чтобы таким образом проклинаясь был поражен всем могуществом небесного божества. Голуби гадили на головы статуй и сам архив с такой интенсивностью, что император, обзревающий здание, которое было отлично видно с его парадного балкона, каждый раз приходил в искреннее негодование в связи с таким вопиющим оскорблением царственного взора. «В народе говорят, что само Солнце сердится на Владыку и посылает своих слуг, чтобы показать это!» – доносили одни добрые советники. «Надо воззвать о помощи к Защитнику Небесного престола, это покажет, что Государь небес на вашей стороне!» – говорили другие.

В результате вот уже почти два века небо над архивом и всем дворцом регулярно патрулировали специально отобранные соколы, которые неумолимо рвали на части залетных нарушителей и тем самым на корню пресекали опасные брожения в умах подданных Солнцеподобного императора. Вот и сейчас жители города с восхищением наблюдали за парением хищного красавца. В их числе был и молодой человек, стоящий на ступенях главной лестницы архивного здания. Чтобы точно описать портрет этого ценителя свободного полета, достаточно представить старого, дряхлого и скукожившегося архивного служителя, чьи легкие изъедены вездесущей пылью, зрение ослаблено привычным полумраком, а сутулость стала неотъемлемым признаком принадлежности к угрюмой касте книжных червей. Если набраться воображения и допустить, что даже у такого не самого бравого индивида была когда-то своя цветущая молодость, то это в целом достаточно точно обрисует, каким люди видели со стороны Унизеля Вирандо. Хотя о том, что юношу зовут именно так, знали немногие. В архиве, где он числился помощником старшего смотрителя Отдела чужеземных манускриптов, молодого человека именovali просто Уни, а близкие друзья – «малыш Уни», из-за отнюдь не богатырского роста и, что не менее важно, наивно-рассеянного выражения унаследованных от матери голубых глаз и крайне вежливой, даже боязливой манеры общения.

Откинув со лба пшеничные вихры, Уни заворуженно провожал глазами гордого охотника, с печалью думая о необъятной свободе его грациозного полета. Для человека, который проводит большую часть времени в затхлых склепах архива, этот сокол был зримым символом чего-то большого и светлого, зовущего к себе, но при этом так фатально недостижимого.

– Уни, ну что ты опять ворон считаешь? Барко заждался тебя, иди скорей! – обильно лысеющий, кривоногий мужчина с видимым наслаждением вбирал в себя свежий воздух зрелой весны, окончательно распрощавшись на сегодня с пыльным духом покоев великодержавной мудрости.

– Уже бегу, смотритель Гергий! – и Уни, непроизвольно и печально вздохнув, преодолел остаток ступеней и вновь отдал свое тело на растерзание мрачным духам до боли знакомых подземелий. Наиболее «опасным» из этих жутких созданий был непосредственный начальник юноши, упомянутый старший смотритель Барко. Его «гнусная» сущность заключалась в упорном нежелании забыть о существовании своего молодого помощника на хоть сколько-нибудь долгий срок и тем самым дать ему больше возможностей на самостоятельное изучение архивных фондов.

Было бы в корне неверно полагать, что Уни и в самом деле искренне ненавидел эти старые и где-то даже унылые стены. Вовсе нет, когда он впервые попал в этот узкий мирок четыре года назад, то с восхищением понял, какой большой подарок преподнесла ему судьба. Архивные лабиринты, как тюрьма, заточили в себя его плоть, но дух, питаемый содержимым целой тьмы таинственных свитков и кодексов, открыл дорогу в совершенно новый и необъятный мир знаний. Книги обо всем. Все, что хоть в одном экземпляре где угодно в Дашторнисе выходило из-под натруженной руки писца или безжизненного пресса ксилографической доски, рано или поздно появлялось здесь, в Главном архиве Солнечной империи. Джунгли аринцилов и пустыни Мустобрима, дремучие леса Торгендама и многолюдные города Капошти – весь мир, что не объехать и за целую жизнь, был открыт нараспашку, со всеми его чудесами, опасностями

и диковинными нравами чужеземных народов. Уни учил по книгам языки самых разных, но одинаково интересных людей и мог в голове часами вести вымышленные беседы с ними, представляя себя то свирепым воином из аринцильского дома Орла, то отважным кормчим торгового флота из Капошти или даже шаманом совершенно диких варваров из степей Великой Шири.

Сама работа не требовала особенно много времени, однако являлась именно тем случаем, когда необходимая барщина, как плата за возможность заниматься любимым делом все оставшееся время, становилась вдвойне тяжелой обузой именно потому, что воспринималась как грубое вторжение в грандиозный и продуманный мир абсолютно иных масштабов. Ну в самом деле, составить каталог новых свитков или сделать выписку из столетнего трактата по кулинарии было не совсем адекватной задачей для человека, уже давно объявшего весь известный мир своим жадным до знаний разумом. Тем более что архивное начальство так и норовило придумывать для Уни все более и более примитивные поручения, откровенно злоупотребляя его незлобивой и безотказной натурой. Вот и сейчас, например, с тоской рассуждал он, какой смысл был посылать именно его отнести заказчику копию очередной бездарной баллады о любви? Нет, конечно, можно понять Гергия и всю прочую престарелую банду, которая откровенно экономит на курьерах, норовя положить себе в карман даже самую малую часть любых возможных доходов. Исключением был разве что старина Барко, с которым Уни родили такие уникальные для жителей империи качества, как любовь к иноземным языкам и

вопиющая непрактичность. Так что можно не сомневаться: если Барко ищет его для какой-то работы на закате дня, то с мелким услужением это едва ли как-то связано. А опять двигать куда-то на другой край города Уни не хотелось вдвойне, ибо на сегодня было твердо назначено одно из важнейших событий в его жизни.

Он подумал о Сиане. При мысли о ней молодой архивист словно позаимствовал у красавца сокола крылья и двинулся, нет, полетел сквозь знакомые коридоры, вслепую пронзая хитрый узор запутанных, но давно засевших в глубинах памяти поворотов, спусков и тяжелых, с вычурными литыми замками, дверей. Она была для него той единственной девушкой, чей мимолетный детский образ навсегда входит в сердца юношей с тонкой душевной натурой и чья мистическая недостижимость может годами будоражить разум, заставляя кровь в жилах бурлить от трепетного чувства непознанной, неземной, но всецело поглощающей любви. Впрочем, Уни был искренне горд за себя именно благодаря тому, что, в отличие от абстрактного сонма пустых воздыхателей, нашел в себе силы пойти значительно дальше по такому хрупкому пути сближения с объектом своей мечты. И вот после почти что двух лет увлекательной игры взглядов, внешне формальных приветствий, когда грудь рвалась от бешеного сердцебиения, и тонких намеков на не менее утонченные обстоятельства он все-таки собрал волю в кулак и (теперь или никогда!) назначил любимой девушке свидание в садах Архомены.

Излюбленное место гуляния горожан было спроектировано словно с таким расчетом, чтобы жаждущие общения молодые люди имели возможность встречаться в уединении, но в то же время – и у всех на виду. Это позволяло девушкам хранить чистоту своей репутации, а юношам – не ломать лишний раз голову над тем, куда повести еще не так хорошо знакомую подругу. Столичные нравы, формально более строгие из-за близости главных святынь Ясноликого божества, на деле были гораздо более благосклонны к естественным человеческим слабостям, нежели взгляды воспитанных в патриархальном стиле герандийских провинциалов. Первые десятилетия имперской истории придворные жрецы Солнца еще как-то пытались регулировать вопросы морали и взаимоотношения полов, однако стремительное превращение Энтеверии в крупнейший космополитический мегаполис Дашторниса накрыло эти потуги такой мощной волной ханжества, саботажа, а потом и откровенных протестов, что в конечном счете власть предпочла не вычерпывать реку ложкой и ограничиться одним: «Можно все, что не оскорбляет Небесного владыку». В переводе на простой язык это означало, что после захода солнца жизнь в столице преображалась до неузнаваемости. Особо догадливые граждане, правда, пришли к выводу, что ночь можно запросто организовать и в одной отдельно взятой комнате, если тщательно занавесить окна. Впрочем, Уни, как настоящему романтику, подобные вещи представлялись грубым покушением на мир его чистых мечтаний и потому решительно и с искренним негодованием отвергались. Для него отношения с возлюбленной были неким волшебным стремлением как раз таки, наоборот, к свету. И именно такой настрой и заставил его с устремленным прочь из мира архивной пыли взором буквально впечататься у двери в неожиданного посетителя, до сего момента так мирно беседовавшего со старшим смотрителем Барко.

– Ну что же ты, Уни! – в своей вдумчиво-снисходительной манере выразил недоумение начальник. – То тебя не дожدهшься день-деньской, то сразу с ног сбиваешь.

Уни скороговоркой пробормотал извинения, прижал кулаки к груди и вытянул вперед правую руку, поспешно поклонившись. Традиционное почтительное герандийское приветствие в его исполнении выглядело угловато и было напрочь лишено той отточенной элегантности, что требовалась в аналогичных случаях от императорских придворных. Стыдливо подняв глаза на жертву собственной оторванности от реального мира, он не смог сдержать вздох облегчения. Припозднившимся гостем оказался Манелий Ронко, советник Ясноликого престола и заядлый любитель древних рукописей. Его слегка прищуренные миндалевидные глаза смотрели на Уни с глумливой иронией, лишенной, впрочем, всякого намека на раздражение.

– Энель Ронко, это наш лучший и наиболее одаренный сотрудник, Унизель Вирандо. Кхм, да вы, впрочем, кажется, уже знакомы, да.

Ронко склонил голову в элегантном согласии:

– Дружище Барко, я буду вдвойне признателен, если вы укажете нам уголок для беседы в... – он слегка развел руки, словно только что обнаружил себя стоящим в коридоре, – более спокойной обстановке.

Ронко и молодой архивист проследовали в небольшой альков, предназначенный для рабочих пометок и каталогизации книг. Чиновник нес себя по темным коридорам с возвышенным достоинством и улыбчивым снисхождением во взгляде. Его длинная, до пят, пестроцветная палма с широкими рукавами диктовала именно такой стиль передвижения. Ронко поочередно вытягивал вперед и в стороны полусогнутые в локтях руки, будто предлагая своему спутнику лишний раз обратить внимание на все эти полки и ящики со свитками вековой мудрости. Впрочем, Уни не испытывал и тени иронии к этому невинному позерству. Впервые он познакомился с Ронко три года назад и с тех пор не переставал удивляться несвойственной для людей его круга тяге к индивидуальному просвещению.

Как правило, чиновники или просто эстетствующие богатеи обращались в архив, чтобы потом блеснуть эрудицией в очередном докладе, поразить прекрасных дам редкой цитатой в рифмованном послании либо раздобыть копию древнего трактата из серии «Стратегемы для сшибок с варварами и иным врагом», обязательного к хранению в домашней библиотеке для всех образованных мужчин империи. При этом мало кто из них приходил в архив лично – чаще всего дело ограничивалось курьером с соответствующим предписанием, а готовый заказ потом отправлялся прямо на дом. Уни и сам неоднократно исполнял роль посыльного, однако всегда стремился найти в этом светлую сторону – ну, хотя бы возможность лично посетить дома высокородных заказчиков и постичь все тайны их читательского выбора. Это было одним из его немногочисленных козырей в разговорах с друзьями. Ну кто бы мог подумать, что, скажем, мрачно-неприступный Ло Виньяки, секретарь Военной палаты, является тайным поклонником ульянской поэтессы Левию Сюй и собрал у себя полную коллекцию ее лирики о неразделенной любви? Или что удачливый купец Крамат Сегно, красавчик и признанный ловелас, буквально выдоил архив в поисках все новых средств для повышения потенции? Ну а то, что блестящие доклады Лицизия Дорго, одного из любимейших сановников императора, почти наполовину состоят из тщательно подобранных рукой Уни цитат из древних трудов по государственному управлению, так это просто классика жанра.

От всей этой блестящей публики Манелий Ронко отличался прежде всего тем, что в архив всегда приходил сам, от услуг библиографов отказывался наотрез, требовал свитки лично в руки и полного уединения. Уни был единственным счастливчиком, для которого в таких случаях делалось исключение. Прочитав гораздо больше книг, чем требовали его служебные обязанности, юноша мог незамедлительно посоветовать Ронко, где стоит искать ту или иную информацию по книгам практически всех разделов. А читал тот в весьма и весьма странной манере, словно высасывал из свитков нужные знания, не соблюдая очередности глав и порядка листов. Казалось, будто Ронко все время бранится от того, как неправильно записаны интересные ему сведения, и строит где-то внутри себя новый архив, где все разложено по полочкам в совершенно иной, на этот раз уже единственно верной последовательности. Его любопытство простиралось от жизнеописания дальних стран света до рецептов изготовления ядов, от особенностей системы государственного управления в доимперской Герандии до новейших трактатов по архитектуре. Уни как-то пришла в голову мысль, что Ронко чем-то неуловимо похож на него самого, каким он, возможно, при определенных обстоятельствах мог бы стать лет через тридцать. Мог бы? Кто его знает. Если для Ронко все это лишь экстравагантный каприз и еще один вид досуга, то для Уни – единственная работа, на которой он, похоже, весьма прочно увяз после выпуска из столичной академии без каких-либо перспектив продвижения вперед.

– Мой дорогой друг, – начал Ронко в своей изысканной манере, когда они остались наедине, – ты, кажется, уже говорил это мне, но позволь осведомиться еще раз: ты и правда так сильно интересуешься Вириланом, как мне только что настоятельно поведал твой убежденный сединами наставник? Барко тут просто огорошил меня идеей насчет того, что вы с ним – единственные носители вириланского языка в империи.

Ронко, похоже, начисто проигнорировал заботливо пододвинутое к нему кресло и просто устался на Уни с высоты своего внушительного роста. Его избыточно любезный взгляд казался в то же время необычайно пронзительным из-за красивых, редкой формы глаз, слегка изогнутых и опущенных к переносице, особенно когда их обладатель улыбался и мышцы на его щеках наливались. В такие моменты казалось, что лицо Ронко словно превращается в некую театральную маску, и добрую, и страшную одновременно.

Уни сцепил руки в замок на животе, вдохнул и, наконец, собрался с силами, чтобы ответить стройной и членораздельной фразой:

– Да, все именно так, как вы и сказали. То есть, – поспешил тут же добавить он, – мои познания в этом вопросе носят весьма скромный характер и совершенно не могут быть сравнимы с эрудицией энеля Барко. Это ведь именно он научил меня всему, что знает, показал редкие книги и нужные фрагменты из них. Да что тут говорить, старший смотритель Барко – вот кто главный и единственный знаток Вирилана в империи, ручаюсь вам!

– Я отдаю дань твоей искренней скромности, – Ронко понимающе кивнул и на мгновение прикрыл глаза, – но сейчас меня интересует вовсе не это. А человек, способный составить для императора емкую, но содержательную записку о Вирилане и его жителях, форме правления, обычаях – словом, обо всем, чтобы совершенно не сведущий в данном предмете человек смог за короткое время получить исчерпывающие представления об этой географической загадке, не подвергшись смертельному утомлению в процессе чтения документа. Барко сказал мне, что этим человеком можешь быть только ты.

– Я? – наивно растерялся Уни. – Нет, мне, разумеется, очень лестно слышать о себе столь высокий отзыв, несомненно, не вполне заслуженный, но при этом...

– Ты читаешь первоисточники? – немилосердно прервал этот поток самоуничижения Ронко.

– Разумеется! – словно спохватился Уни. – Изучать историю без первоисточников – это все равно, что петь песню без слов. А Вирилан – это ведь история, это страна без настоящего, я имею в виду – для нас, это закрытая страна, – зачистил он. – Никто не знает, что происходит там на самом деле, ну вы в курсе, они торгуют только с капоштийцами, да и то всего одна маленькая фактория на побережье, общение сведено к минимуму...

– Вот об этом ты и напишешь! – Ронко элегантно провел указательным пальцем по книжным футлярам лишь для того, чтобы затем демонстративно чувственным движением губ сдуть с него вековую пыль. – Только мой тебе совет – не пиши по-вирилански, а то увлечешься своими первоисточниками, а потом прочесть сие никто не сможет!

Уни непроизвольно улыбнулся этой неожиданной шутке и почувствовал себя уже не так напряженно.

– И скажи-ка еще вот что, мой друг, – продолжил допрос велеречивый Ронко. – А говорить по-вирилански ты не пробовал? Хотя прости, конечно – с кем тут разговаривать? И главное – о чем? Я все время забываю, что речь идет о мертвом для нас языке...

– Нет, отчего же! – распалился Уни. – Во-первых, старший смотритель Барко иногда имеет возможность обсудить со мной особо интересные места из древних текстов. А во-вторых, я и сам... Ну, то есть когда читаешь какую-нибудь хронику, представляешь все эти войны, древних героев, вживаешься в образы мудрецов, полководцев и владык...

– Да что ты говоришь? И ты вслух озвучиваешь их диалоги? Этакий театр теней в подвалах имперского архива? Очень, очень оригинальная находка!

Уни почувствовал, что краснеет до самых кончиков ушей. Но отступать было некуда, да и запал, разбуженный в нем неожиданным предложением, оказался слишком силен.

– Понимаете, дело не в этом. Когда вириланцы объединили пять царств под своей властью четыреста лет назад, отказавшиеся принять новые порядки сели на корабли и бежали прочь, в том числе и в империю. Они быстро растворились среди ее жителей, и книги, которые они привезли с собой, – это единственное, что может дать нам хоть какие-то знания о Вирилане.

– Я ни в коем случае не ставлю под сомнение твои методы обучения. Тем более что они могут оказаться для нас весьма и весьма полезными. Хмм... Я даже и представить не мог, что все будет складываться так благоприятно!

– Сделаю все, чтобы сполна оправдать ваше высокое доверие. К какой дате следует готовить документ?

– К завтрашнему полудню будет в самый раз, – Ронко равнодушно пожал плечами и беспечно оглядел книги вокруг.

Уни на мгновение показалось, что все его внутренности словно упали в пятки.

– Как? Простите, к полудню? – переспросил он. Голос, похоже, тоже рухнул в бездну, ибо звучал слабо и хрипло, словно из глубины.

– Ну да, – сочувственно протянул Ронко. – Теперь видишь, как мне повезло, что этим делом займешься именно ты? Ух! – и Ронко звонко щелкнул пальцами. – Воистину, если Владыка небесный уже решил чью-то судьбу, то проведет его даже по мосту толщиной с волос!

– А, конечно, – окончательно сник Уни, прямо противоположным образом реагируя на неожиданное веселье своего знатного собеседника. – Можете не беспокоиться, все будет готово в срок и в лучшем виде, – он попытался изобразить хотя бы вялый энтузиазм, но сник на первом же вдохе.

– Ну вот и замечательно, не буду тебя задерживать, увидимся завтра!

Уни даже не рассмешил откровенно детский восторг Ронко, который вмиг сделался похожим на ребенка, заполучившего давно желанную игрушку. Тот уже скрылся где-то в недрах архива, а Уни так и остался стоять, прижавшись спиной к книжным полкам, пытаясь осознать всю противоречивость и трагизм наступившего момента. Ну в самом деле, почему судьба стремится поиздеваться над ним даже тогда, когда, казалось бы, преподносит столь редкий набор радостных сюрпризов? После долгих лет пустого сидения в архиве на его таланты и умения обратили внимание при дворе, что может стать тем единственным шансом вырваться наконец из этих мрачных подвалов и проявить себя в настоящем деле. Если успешно справиться с этим заданием, то, может быть, со временем стоит рассчитывать на серьезную должность, где его уже никто не будет держать за мальчика на побегушках, а можно будет самому отдавать распоряжения подчиненным. Но почему эти столь желанные и долгожданные возможности появляются именно в такой момент, чтобы перекрыть собой наметившийся успех в другой, не менее важной сфере? Почему все знакомые и друзья так легко и непринужденно совмещают карьеру и личную жизнь, а его словно заставляют жертвовать одним ради другого? Ну уж нет! Уни сжал зубы и, откинувшись назад, гулко стукнулся головой о деревянную панель на стене. Пропустить свидание было бы так же немыслимо, как и чудесно свалившуюся на голову возможность показать себя с этой запиской по Вирилану. И что тогда остается? А остается только одно – делать все и сразу.

«Ну вот, – лихорадочно подсчитывал в уме Уни. – У меня, видать, всегда в жизни так – то густо, то пусто. Итак, вечер – прогулка с Сианой. Торжественное признание в любви на закате дня. Ха-ха, романтика по расписанию! Смех смехом, а так, может, даже лучше, меньше волнения будет, когда у тебя еще куча других важных дел. Извини, дорогая, у меня так много забот, нужно готовить доклад для императора... Хмм, ну, приврать тут тоже не такой уж грех великий, зато какой эффект! После неизбежного при таком блестящем раскладе успеха – рысью в архив, где ночное обострение творческих сил порождает гениальный шедевр, достойный

похвалы Великого владыки. О, какие точные сведения, что за широта познаний! А слог, язык, величественная, но емкая манера изложения! И никакой скорописи, все оформить строгой парадной вязью! Эх, когда я в последний раз практиковался в каллиграфии? Ну да ладно, в лепешку расшибусь, но я им такое сделаю, что ахнет вся Вельможная палата! Кто, вы говорите, автор этого уникального трактата? Унизель Вирандо? Всего лишь помощник старшего смотрителя? Какое упущение, вы совсем не умеете использовать людей в соответствии с их талантами! Срочно повесить его до смотрителя отдела! Нет, лучше назначить его личным советником императора! Кто еще обладает столь обширными знаниями обо всех иноземных державах?! Хмм, ну, это уже чересчур, но игнорировать меня дальше, после столь уникальной и воистину героической работы, будет уже совершенно невозможно. Главное – не забыть договориться с Барко, чтобы он разрешил посидеть в архиве этой ночью, – размышлял Уни, не замечая, что давно уже не просто идет, а будто парит над землей. – О сокол, сокол, дивный сокол, я скоро к тебе присоединюсь!»

Глава 2. Сердце вдребезги

Аринцилы поклоняются лишь двум богам, в отличие от других язычников. Первый – Пулиментель, бог смерти. Ибо смерть, как говорят они, есть единственная реальность, которая в равной степени касается каждого из нас. Будь ты сильный или слабый, красивый или урод, богатый или бедный – ты все равно умрешь, рано или поздно. Значит, именно смерть стоит над всеми, значит, именно она – повелитель всего живого. Лично я нахожу в этом много общего с нашей верой в Великое светило, которое одинаково дарит свет всему сущему. Однако если бог аринцилов олицетворяет страх и ужас перед неизбежным концом и в целом весьма образно отражает всю суть их жестокосердного общества, то наш Небесный властитель покровительствует светлым землям империи, где рождаются мудрые и человеколюбивые мужи. Второй бог – Алинтепель – покровитель воинской удачи. Будь ты хоть трижды силен, но если и враг твой тоже достойный боец, то победа будет за тем, кому благоволит удача. Порой исход сражения или поединка решает такая малость, что даже искушенный в единоборстве воин не может ничего противопоставить сокрушительной мощи этой досадной случайности, которая, словно меч, неумолимо перерезает линию его судьбы...

– Ты так интересно рассказываешь, просто заслушаться можно! – Аккуратная, ухоженная брюнетка с точеным профилем и необычайно красивыми глазами изумрудного цвета вот уже больше часа шла рядом с Уни по извилистым дорожкам Архомены, наслаждаясь теплым вечерним ветром, пригнавшим очаровательно алый закат и такого начитанного собеседника. А он даже и не предполагал, что увлечь эту недоступную героиню своих тайных мечтаний будет так легко – достаточно просто подряд рассказывать ей все, о чем пришлось читать в рамках курса свободного просвещения в архиве.

«Надо же, как все гладко идет! – подумал Уни. – Сейчас расскажу ей о ритуале выбора невесты в Торгендаме, а потом можно будет приступать к основному пункту программы. О моя дорогая Сиана, я знавал так много красавиц заморских и прочих прелестных созданий Творца, но с тобой не сравнится никто из живущих ни в империи, ни в самых отдаленных уголках света, ни даже среди принцесс прошлого, ибо ты есть принцесса моей души, ты поселилась там навечно, и мой трепетный взор прикован к тебе навсегда...»

– Я так рада, что, хоть ты и состоишь на ответственной императорской службе, все равно нашел время встретиться со мной!

– Ну, – Уни даже несколько смутился, – я действительно испытываю некоторую нехватку времени. Вот завтра, к примеру, я должен буду представить очень важный доклад самому Великому владыке. Секретный доклад, между прочим. Да, есть вещи, которые его величество может доверить только мне. А что делать? Простых исполнителей пруд пруди, а вот людей с истинным пониманием сути вещей...

– Ой, прав ты, еще как прав! Мой отец тоже все время жалуется на то, что работать просто некому. И это у него-то, в святая святых, Фискальной палате Ясноликого престола! Все же жулики, все думают только о том, где удобней украсть, представляешь? Накупят себе домов, лодок, помпезных экипажей, картины коллекционируют, статуи, а в голове-то пусто!

– Ну так, – тяжело вздохнул Уни, – это же вообще примета нашего времени – деньги без культуры и культура без денег. Вот в древности – там да, там были просвещенные правители, которые брали на службу мудрецов, государство богатело, а народ жил спокойно и счастливо. Когда мудрость отделена от власти, а власть от мудрости, то страна подобна телу, у которого отрубили голову!

– Ах, как ты красиво говоришь!

– Я всего лишь скромный рыбак, что ловит истину в дырявую сеть своих мимолетных размышлений. И это не я первый придумал, что образованных, знающих науки людей нельзя обделять вниманием власть имущих. Не найдя сочувствия и понимания в обществе лучших мира сего, они неизбежно обратят свой голос к черни, станут вождями безумной толпы, для которой страсть к разрушению и ниспровержению основ благопристойного общества есть логическое продолжение ее животной, низшей духовной природы. Как жаль, что наша напыщенная бюрократия не желает видеть очевидного – лучше потратить сто *леро* сейчас, чтобы собрать носителей мудрости, чем тысячу – завтра, когда бунт начнется!

– Я согласна с тобой. Но не все так слепы и безрассудны. Мой будущий муж Семлий Торви очень любит и ценит талантливых молодых людей! Он говорит, что они – опора империи.

– Твой... будущий муж? – Уни показалось, что вся кровь разом прилила к его голове и глаза словно застилают черный туман. Юноша встал как вкопанный и поднес руки к вискам.

– Ну... да. Конечно, правильнее было бы сказать – жених, но ведь вопрос уже решенный. А ты разве не знаком с ним? Мой Семлий – один из высших командиров Солнечной стражи, вы должны были видаться с ним во дворце.

– Нет. Э-э-э... не приходилось. Ну, то есть я, конечно, слышал о нем. И давно вы знакомы?

– Уже три месяца. Помнишь, когда ты встретил меня на площади перед Имперским судом, он еще стоял рядом с моим отцом? Такой высокий, сильный, и лицо – жесткий, мужественный профиль! Ты знаешь, я ведь никогда не считала себя особо чувственной девушкой, но когда увидела его в первый раз, у меня словно волна внутри поднялась. Так потянуло к нему, только держи!

– Ага, – с каменным лицом произнес Уни. Он глубоко вздохнул, заложил руки за спину и вновь двинулся вперед, пытаясь изобразить равнодушно-беспечную походку. – Ну, идеальный герой, в общем. Все девушки спят и видят, как такой бравый парень спасает их от какого-нибудь дракона!

– Э-э-э... не то чтобы парень, он ведь все-таки на пятнадцать лет меня старше. Скорее мужчина в самом расцвете сил. И тоже – очень, очень умный. Я ведь тебе не до конца рассказывала. Семлий как-то говорил, что, когда мы поженимся, обязательно создадим дома кружок из самых выдающихся ученых людей империи. Ты сейчас в точности повторил его слова – образованным книжникам не стоит общаться с чернью. Должно быть такое место, куда они могут прийти, обсудить всякие интересные идеи, выпить, закусить, развлечься. Мы будем устраивать

такие красивые вечера, только представь: философы с венками на головах, жаркие дискуссии, аплодисменты! И я очень хочу, чтобы ты тоже обязательно во всем этом участвовал.

– Я? Хмм... большое спасибо.

– Ну что ты, Уни? Ты ведь такой милый мальчик, тебе нужно сделать карьеру, получить солидную должность. А так тебя быстрее заметят, ты войдешь в круг общения лучших людей империи. Мудрецы и правители – за одним столом! Это ведь как раз то, о чем ты сам только что так красиво говорил, разве нет?

– Все так, Сиана. Только... Ты вот назвала меня умным, но на самом деле это вовсе не так. Я сегодня понял, что по-настоящему умна ты, а я... я просто дурак, вот и все! – дрожащим голосом произнес Уни, безразлично устремив взгляд куда-то вдаль.

– Ах, какой ты все-таки забавный! Ну подумай, разве я могу и впрямь быть умнее тебя? Ты столько книг прочитал, столько знаешь всего, что мне и не снилось! А я так – по верхам нахваталась, одна надежда на общение с такими, как ты!

– Я тебя еще когда-нибудь увижу? – все больше входил в роль страдальца Уни.

– Конечно! Заходи на недельке – расскажешь мне еще про аринцилов! Отец говорит, что с ними война скоро будет, а Семлий в это не верит. Кто из них прав, как ты думаешь?

– Я думаю, что, скорее всего, ближе к истине твой многоуважаемый батюшка, – Уни, наконец, собрал волю в кулак и остановил рвущиеся наружу волны отчаяния.

– Вот и я того же мнения, – доверительно наклонилась к нему девушка. – Но умоляю, не выдавай меня Семлию, он так не любит, когда я с ним в чем-то не согласна! Ну ладно, я побежала. Солнце уже почти село, а время с тобой бежит так быстро!

– Я провожу тебя.

– Не надо, у входа в парк меня ждет паланкин. До свидания, Уни, очень рада была с тобой пообщаться! – и девушка, элегантно помахав тонкой ручкой с изящным золотым браслетиком в виде виноградной лозы, оставила молодого архивиста одного на развалинах его несбывшихся надежд.

* * *

– Милый мой, я вот совсем как-то не пойму, а на что ты вообще там мог надеяться? – идущий по левую руку от Уни слегка полноватый молодой человек был само воплощение сарказма. Свой весьма немногим больший, чем у опечаленного спутника, рост он с лихвой компенсировал горделивой осанкой, кричащей роскошью разноцветной парчой и глумливым выражением холеного лица. – Ты вообще хоть знаешь, кто у нее отец? Это ж Отоний Зайни, правая рука начальника Фискальной палаты! Тебе до этой ласточки в жизни не долететь, соображаешь?

– Ой, да не в этом дело, Соргий! – потрянул густыми черными кудрями идущий с другой стороны от Уни крепко сложенный парень, выглядевший на фоне двух других своих спутников настоящим великаном. – Вечно ты все меряешь деньгами и чинами! Тут ведь в другом дело – наш юный герой месяцами грезил о свидании с девушкой, которая уже в паре шагов от супружеского очага!

– Да, я юный, очень юный, но я родился в один год с вами, однако чуть что – почему-то всегда «малыш Уни». Достали уже – Светило свидетель!

– Ой, сейчас он будет возмущаться и говорить о своих правах! – начал кривляться Соргий. – Нет, мой мальчик, чтобы быть мужчиной, недостаточно просто глядеть на красавиц. Нужно еще иметь немного мозгов, не вашей этой архивной пыли в головах, а обычного такого житейского разума, и вообще почаще выбираться на белый свет! Ты там, в своих подвалах, как в материнской утробе, считай, что и не рождался вовсе, ты даже не юноша, ты младенец, у-сю-сю-сю!

– Да, я не знаю жизни, если под этим понимать твои грязные попойки, всех этих грязных шлюх, все эти парады чревоугодия и ярмарки разврата, вонь этой вашей травы и вообще! Человек создан для чистоты, для света, чтобы с равным жаром постигать тайны мира и зов трепетной любви! И я никогда не буду таким, как вы! Что вы теперь, затравите меня, да?!

– Кстати, насчет грязных попоек, – прервал Уни спутник справа. – Может, в «Зайца», а? Что думаете? По-моему, идеальное заведение, чтобы вдрызг напиться с горя от утраченной трепетной любви!

– Ну знаешь, Вордий, я думал, хоть ты меня понимаешь! Встретил, значит, свою любовь, а на друга начхать, да? Забыл, как сам страдал, а мы тебя пивом отпаивали?

– Еще как отпаивали, только блевал почему-то я, – вернулся к приятным воспоминаниям Соргий. – Да, умеют пить эти ваши головорезы из гвардии. Как раз в «Жареном зайце» все и было. Так что, собственно, почему бы и нет, место проверенное!

– Я к вам как к своим лучшим друзьям – за советом, а вы вместо этого только смеетесь, и ни одного слова поддержки! Да еще и опять пить, мне завтра к полудню доклад для императора готовить, не пойду я никуда, буду страдать в одиночестве!

– О, слышал? Пишет для Великого владыки, а выпить за него отказывается? Непорядок. Я тебя, можно сказать, в силу данных мне полномочий официально арестовываю вплоть до исправления этой святотатственной ситуации, – Вордий Онато стиснул успевшего только пискнуть Уни своей львиной хваткой и втолкнул его тщедушное тело в горнило любимого питейного заведения.

«Жареный заяц» был, безусловно, не самым известным, но зато одним из самых веселых кабаков Энтеверии. Собственно, по-другому и быть не могло, когда в таком небольшом помещении одновременно собиралось такое число любителей хорошенько промочить горло. Как можно было догадаться по названию, место славилось блюдами из дичи, чем заслужило уважение «настоящих мужчин». Тем более что приобщиться к этому достойному кругу можно было не за самые большие, по столичным меркам, деньги.

Свободных мест не было, однако Вордий решил эту проблему традиционно – отшвыривая в сторону особо захмелевших посетителей.

– Эй, человек, а ну быстро сюда! Гвардия императора – понял, кто пришел? Давай, чтоб все как положено: зайца там своего, овощей, булок, орешков, – и чтоб не лежалого!

– Что пить будете – вино, пиво?

– Ты все носи, и то и другое.

– А вино какое? Есть серегадское крепленое, очень хорошее!

– Я сказал, тащи!

– Слушаюсь!

Мужчина быстро поклонился и засеменил между рядами, огибая пирующие компании.

– Ничего себе! – подивился Уни. – Ты ведь *никорх* без году неделя, а уже так распоряжаешься. Что же будет, когда ты в старшие командиры выйдешь?

– А ничего, нормально. Так ведь можно битый час просидеть, пока эти бездельники тебя заметят. А у нас на столе уже – опа, и смотри, какое изобилие!

– Дивно. А платить за все это кто будет?

– Он! – и Вордий многозначительно выставил свой мощный палец в сторону оживившегося при запахе пива Соргия. – Пусть заплатит за каждое подлое слово, сказанное в адрес моего любимого друга, – могучий воин сжал мощной пятерней голову Уни и чмокнул его в макушку.

– Ну, конечно, вы ведь меня с собой как кошелек водите, да? – стал возмущаться Соргий. – Ну кто бы знал, что я, выросший с вами в одном дворе, буду покупать дружбу за выпивку, когда вырасту!

– Да ты сам себя так поставил, дурашка! Я тебе сколько раз говорил – кончай все мерить деньгами. Тебя ж просили, как бабника со стажем – дай совет, что делать-то, а? А ты чего – «да

я вообще не пойму», «ой, да ну как же». Кому это надо?! Тут человек погибает, не видишь, что ли?

– Ну, раз погибает, тогда первый тост – за дружбу! Чтоб всегда было кому из петли вынуть!

– За дружбу! – и члены маленькой компании, по традиции плеснув по кругу немного вина в бокал соседа, разом осушили кубки.

– Видишь ли, Уни, – обратился наконец к слегка порозовевшему собеседнику Соргий, – твоя основная ошибка, приведшая к сегодняшней неудаче, до крайности банальна и потому имеет столь трагичные последствия. Все дело в том, как ты смотришь на женщину.

– И откуда же ты знаешь, как я на нее смотрю?

– Ха! Ты думаешь, что уникален? А между тем в свое время через это прошли практически все. Понимаешь, ты смотришь на нее как на... ну, на некую святыню, возвышенное существо, богиню... Вот в этом и есть корень всех твоих бед.

– Да, ну и что? Как я еще могу смотреть на любимого человека? Это ведь нормально.

– Нормально? Ха! Нормально – это видеть в женщине ту, кто она есть. На самом деле. А есть всего лишь красивая оболочка, за которой скрыто до крайности приземленное и отнюдь не возвышенное существо, весьма далекое от всякой романтической чепухи и, как правило, весьма хорошо представляющее себе, чего оно хочет от жизни.

– И чего же «оно» хочет?

– Внимания и заботы. Со стороны мужчины. Все остальное крутится вокруг этих слов. То есть, во-первых, ты должен выглядеть в ее глазах мужчиной, а во-вторых, оказывать ей внимание и заботу. Все остальное совершенно не имеет значения.

– И что же должен делать с женщиной такой мужчина?

– О-о-о, это Вордий тебе расскажет! Давай, как там у вас с Лювией?

– Не тронь, скотина, мою девочку своим грязными, потными лапами, – бравый гвардеец одной рукой схватил Соргия за грудки и принялся с рычанием мотать из стороны в сторону.

– Что? Еще ничего не было? Ты врешь, Ворик! Врешь, ха-ха, – болтался, захлебываясь от смеха, Соргий.

– Лювия не из таких. До свадьбы у нас ничего не будет, я решил!

– О, свадьба? Это что-то новое. Хотя, если подумать, зря ты, что ли, искал себе такую хорошую девочку, – деловито рассуждал отпущенный наконец на свободу Соргий. – Только до нее-то у тебя сколько их было? Давай поделись секретами со своим любимчиком.

– Видишь ли, Уни... – начал было излагать Вордий, небрежными движениями состругивая зайчатику себе на тарелку.

– Малыш Уни! – язвительно напомнил Соргий.

– Да, малыш Уни. Видишь ли, малыш... – Вордий отвлекся от еды и с ехидным выражением оглядел своего несчастного друга.

Порыв негодования и натянутая ухмылка смешались на лице Уни в трудночитаемую гримасу. Сейчас ему очень не хватало Дагения Вандея – четвертого члена их славной компании, пока что не вернувшегося из своей поездки в деревню. В его присутствии на молодого архивиста каким-то мистическим образом сыпалось меньше покровительственных острот.

– На самом деле, тебе ведь сейчас не о девушках думать надо, если уж совсем честно.

– То есть как? Вам, значит, можно, а мне – и вдруг нельзя?

– Да нет, ты совсем не так меня понял. Я имел в виду, что для успеха у противоположного пола тебе требуется сперва серьезно измениться самому.

– Знаю, знаю. Сiju в подвале, реальной жизни не знаю, слышал все это сто раз.

– Да тут даже не в конкретном знании дело. Понимаешь, внутренний стержень у мужчины должен быть, проявлять себя нужно. Причем тут твой архив? Какое имеет значение, чем ты

там вообще занимаешься? Лицизий Дорго в молодости торговал лепешками на улице, а теперь он ближайший советник императора.

– Ну да, – Соргий откинулся на спинку стула и витиевато почесал себя за ухом. – Другой, хоть в твоём архиве, знаешь как развернулся бы? У-у-у... дай только волю!

– Да? И как же это? Свитками приторговывать? Может, сведениями из закрытого доступа, а? Вот что, Соргий, если ты сам подонок без чести и совести, это твоё дело, мне всё равно. Но хоть других-то с грязью не мешай, ладно?

– Кто подонок? Я без чести и совести? А ты забыл, как в прошлом году по своей цыплячьей рассеянности посеял свиток сказаний Эридо Мортими? А я, дурак, за свои деньги купил тебе копию, отвалил за неё три сотни леро, и всё для того, чтобы теперь...

– Соргий, прости! Я неправильно выразился.

– А, неправильно, ну, разумеется! Вот тогда тебе лучше просто сидеть и слушать, а не хвастать знанием никому не нужных здесь баек о далёких странах.

– Ну, знаешь, это совсем не байки...

– Все, хватит! – рявкнул Вордий и вмиг прервал этот не к месту возникший спор. – Я вижу, одного раза за дружбу выпить было мало. Давай ещё, теперь крепленого плеснем, и чтоб до дна!

– Нет, я так точно сопьюсь, – покрасневшийся Уни вытер губы рукавом своей лучшей пальмы, надетой по случаю провалившегося свидания.

– А ты закусывай больше и слушай, – продолжил Вордий. – Знаешь, в чём твоё основная ошибка? Ты слишком много времени уделяешь накоплению абстрактных знаний. Но для успеха – в любой сфере – по-настоящему полезно только одно знание, совсем другого свойства.

– Очень любопытно, Мрак меня поглотит. И какое, скажи на милость?

– О том, как правильно ставить себя с людьми, дурашка! Вот ты, положим, бегаешь в своём архиве по щелчку. Почему, спрашивается? Потому что ты дурак или совсем не имеешь собственного достоинства? Нет?

– Естественно, нет. Тут имеет место холодный расчёт. Дай-ка я тебе объясню...

– Да к бесам Тьмы твои объяснения! Уж что-что, а понимать людей за годы службы я как-то научился. Ты ведь самым умным себя возомнил, да? «Откуплюсь малой кровью, пусть дураки думают, что я на них пашу, а я им фигу в кармане?» Нет, дурак в этой ситуации ты! Запомни: что ты там внутри себя думаешь – никогда никого не волнует! Важно лишь одно – твой образ в глазах людей. Взятся ты играть роль скромного служаки, вошёл в неё, потом не отмоешься – не докажешь, что это вовсе не ты! Привыкнули люди тебя таким видеть, и пиши пропало! И не надо тешить себя надеждами, что случится чудо и всё изменится. Не бывает чудес в этом суровом мире, и чем раньше ты это осознаешь, тем больше времени у тебя останется, чтобы построить светлое будущее, – для себя самого, заметь. Многие и за всю жизнь не успевают, а ты так бездарно тратишь свои лучшие годы!

– Ну, не знаю. Тебе легко говорить, ты с детства такой грубый и мужественный. Я ведь совсем другой, смешно мне будет тебя копировать. Тот же театр получится, фарс, комедия самого низкого пошиба, – и Уни с горя отправил в рот целую горсть гладких кедровых орешков.

– При чём тут мужественность, это здесь вообще не играет роли! Вот Соргий, он что – такой же, как я? – глянул в сторону полноватого друга Вордий. Тот с преувеличенно жалобным выражением лица уставился на него снизу вверх. – Нет, разумеется. Но если человек хорошо соображает, где у кого взять и что куда толкнуть, то уж точно не пропадёт, даже если по росту ниже большинства энтеверийских красоток!

Соргий сбросил жалобную гримасу и ловким движением заткнул рот своему не в меру «деликатному» товарищу круглой сдобой из рисовой муки со сладким жирным творогом внутри. Вордий зашелся возмущённым мычанием, а в это время маленький стервец не торопясь перехватил у него лавры главного ментора для неопытного юношества.

– Видишь ли, это он так хочет тебе сказать, что то, чем ты занимаешься по жизни, не имеет равным счетом никакого значения. Важно, как ты этим занимаешься и чего достиг в этом направлении. Если ты яркая, сильная личность, то уважать тебя будут вне зависимости от сферы занятий. И женщины, хе-хе, в том числе. Они ведь так любят успешных, состоявшихся мужчин. И, по-моему, это ты уже успел заметить!

– Да уж, – горестно вздохнул Уни. – В этот раз даже такой дурак, как я, обратил внимание на это очевидное обстоятельство.

– Слушай, – Соргий оперся подбородком на ладонь и основательно оглядел Уни. – Ты ведь даже пьяный так витиевато выражаешься, да? Из тебя бы вышел неплохой составитель государственных указов и других важных писул. Нет, Вордий, ты не находишь, а? Вот где ему надо делать карьеру!

– Кстати, касательно документов, – немедленно приободрился Уни. – Я ведь вам тут все хочу сказать, как мне повезло. Заходит, значит, в конце дня Манелий Ронко, советник императора. Между прочим, целый час ждет именно меня, никто не знает зачем, все в панике...

– Так-так-так... Именно тебя ждет? Очень интересно. А он что, не женат?

– Заткнись, Соргий! Так вот, и что бы вы думали? Речь шла ни больше ни меньше о секретной записке для самого Великого владыки! Государю срочно понадобилось подробное описание Вирилана, все, что только есть в архивах об этом загадочном, таинственном царстве!

– Ну, признаться, я вовсе не удивлен в свете последних событий, – впервые за вечер Вордий напряг извилины. – А, ты ведь не в курсе, да? Преследуя банды кочевников, наши впервые так далеко углубились в Великую Ширь и совершенно неожиданно наткнулись на вириланский лагерь в степи.

– Да что ты? Быть такого не может! Вириланы практически не покидают своих земель. Что они там забыли, можешь сказать?

– Не знаю, клянусь всеми бесами Страшного сумрака! Доклад о встрече был немедленно засекречен. У военных там какие-то свои игры, я лишь краем уха слышал. Но, сам понимаешь, слухи-то пошли...

– Ага, так сами вот взяли и пошли, – вмешался Соргий. – Нет, ребята, вы хоть и возвращаетесь якобы где-то во дворец, а без меня все равно что клуши слепые.

– Ой, а тебе-то кто об этом рассказал? – Уни уже перестал что-либо понимать. – Нет, скажи, ну откуда ты можешь знать о таких вещах?

– Ну, я, может, и ниоткуда. Вордий тут прав – со всех участвовавших в рейде воинов взяли письменную клятву хранить молчание. Но вот незадача – некоторые из них решили, что на жен это не распространяется.

– Ну, а дальше?

– А что дальше? У жен ведь есть подруги, любовники...

– Нет, ну как же так можно? Если это государственная тайна...

– Уни, не переживай – все строго засекречено! Вот мне, когда рассказывали, так прямо и обозначили – ты, мол, понимаешь, что это большой секрет? Голову снимут, и все такое.

– Издеваешься, да?

– Нет, мой милый. Это просто еще одна правда жизни, которую тебе предстоит постичь. А звучит она так: тот, кто все время играет по правилам, всегда в конечном счете оказывается в хвосте. А я бы сказал еще проще – под хвостом. Так что мотай на ус, дружище, и заметь – абсолютно бесплатно. Более того, я вас еще и вином угощаю. Так что не ерепенься ты, давай лучше вздрогнули!

Друзья разом осушили кубки с «мужским» серегадским пойлом. Уни небрежно облокотился на край стола, помутневшим взглядом покровительственно обзоревая кабак. Все эти торговцы, мелкий чиновный люд и масса сомнительных личностей совершенно непредсказуемого призвания, что в таком изобилии притягивает столица со всех концов обширной империи,

теперь казались ему родными и понятными. И если, будучи трезвым, он частенько вздрагивал от резкого слова или грязной ругани, то теперь грубоватая обстановка ничуть не тревожила его хрупкую душу. «А что, нормально так сидим», – непринужденно подумал он.

– А ты это, доклад свой, ну и используй его по назначению, – продолжил свое наставление Вордий. – Как таран то есть. «Я самый умный», «никто, кроме нас», и все дела.

– Ну так я о чем и говорю! Битый час вам обоим втолковать пытаюсь, что у меня уже давно созрел замечательный план. Тем более что мыслю в этот раз строго корректно, ибо никто, кроме вашего покорного слуги, и впрямь в этом Вирилане не разбирается!

– Да ладно, что там! – скептически прищурился Соргий, аккуратно пытаясь поддеть ногтем захлебнувшуюся в его вине мошку. – Я в твоём Вирилане больше вашего разбираюсь, только что обсуждали!

– А язык? Ты языка не знаешь! А это главное, ибо никто из чужеземцев в стране ранее не был!

– Ой, ну вот скажи, Уни, ты всерьёз полагаешь, что по книгам четырехсотлетней давности можно изучать язык и нынешний быт страны?

– Во-первых, можно. Вириланы – очень консервативный народ. А во-вторых, других источников у нас все равно нет. Так что без языка – иди-ка ты погуляй, подучись немножко, малыш!

– Да, Соргий, иди гуляй! – и Вордий, облизав заячью косточку, выразительно постучал ею себе по лбу. – Заполни голову чем-нибудь более полезным, чем этот недобродивший отстой из серегадской кислятины!

Соргий не растерялся и сопроводил красноречивый жест друга глухим постукиванием по дубовому столу. Вордий запустил в него злополучную косточку, и сраженный насмерть шутник картинно сполз на пол со стула.

– Друг Уни, как по-вирилански будет «смерть»? Я еще так многого не успел в этом мире!

– Да ладно. По счету уплатил, так подыхай на здоровье! – элегантно пошутил Вордий. – Ну что, Уни, картина ясная? Вперед и за работу?

Уни решительно поднялся из-за стола, но вдруг понял, что движения его тела существенно отстают от хода мыслей. «Я думал, что главная задача будет справиться с мыслями после пьянки. Ха! Я ошибался. Главная задача сейчас – просто дойти до архива. Причем желательно – на двух ногах. Ну, хотя бы миновать дворцовые ворота!»

Уни живо представил себя вползающим во дворец мимо грозной стражи на четвереньках в середине ночи и с пропуском в зубах и рассмеялся, уткнувшись в мощное плечо Вордия.

– Скажи, нет, скажи, ты ведь всегда мечтал об этом?! – чуть ли не подпрыгивал в сторонке буквально захлебывающийся от восторга Соргий.

Похоже, что разговаривал Уни отнюдь не сам с собой и не только в мыслях.

– А что, это идея, – басовито поддержал Вордий. – Поможем другу влезть на карьерную лестницу. Без отца рос, кто ж ему еще дорогу-то верную укажет?

– Во дворец ночью? Класс! Я в деле. А что твоя Лювия скажет? Не боишься ее одну оставлять, а?

– Уймись, скотина! – беззлобно бросил Вордий и, поддерживая за плечи Уни, увлек компанию на выход из заведения.

Глава 3. Карьера насмарку

Огромная синяя муха молниеносно опустилась вниз и теперь с фантастической быстротой перебирала лапками по раскинувшейся под ногами Уни роскошной мозаике пола. Молодой архивист настолько боялся шелохнуться, что, похоже, даже чувствительные к малейшим колебаниям воздуха насекомые упрямо принимали его за неодушевленный предмет.

– Мда-а... Я это все очень хорошо понимаю, молодой человек, но все же хотелось бы услышать более внятное объяснение произошедшего этой ночью, – и смотритель архива Маргио хмыкнул на бедного юношу с такой угрюмостью, что у того рухнули последние надежды на какое-либо благоприятное завершение всей этой истории. – Вы хоть сами-то понимаете, что натворили?

– Я... Мне очень стыдно, энель Маргио. Честное слово, я и думать не смел, что все может... закончиться именно так. Правда, я даже не знаю...

– Не знаете. Ох, Уни, вы четыре года имеете честь работать в нашем достославном заведении. Четыре года вы состоите на государственной службе и имеете уникальную возможность вносить свой, пусть скромный, но все-таки вклад в общее дело накопления и преумножения великой сокровищницы знаний нашей империи. А ведь еще сам Саптий Астольдо говорил, что «знаний суть есть высшая мудрость, величайшее могущество, богатство и бремя». И вы, энель Вирандо, как ни печально это признавать, оказались не готовы именно к бремени, что несем все мы – наиболее знающие и образованные люди Дашторниса. А ведь так все хорошо начиналось... В двадцать лет – уже помощник смотрителя отдела. Да какого отдела – чужеземных манускриптов! Одно из самых сложных, самых почетных направлений работы. А какие блестящие перспективы еще недавно открывались перед вами! Ведь не далее как в прошлом месяце я имел обстоятельный разговор с энелем Барко, и он со всей ответственностью заявил мне, что уже через пару лет вы вполне могли бы дозреть и до старшего помощника смотрителя! А там, глядишь, еще через десять лет, когда энель Герзио отправится на заслуженный отдых, и до библиографа рукой подать! Но нет, вы предпочли все это разрушить, сровнять с землей! Ну скажите на милость, какого беса вас занесло в архив этой ночью?

– Понимаете, именно это я и пытаюсь вам рассказать. Дело в том, что я договорился со смотрителем Барко о возможности немного поработать в ночное время...

– Значит, вы договорились с ним?

– Ну, точнее, собирался договориться.

– Ах, собирались? Очень хорошо.

– Ну да. Я вообще-то не в первый раз так делаю, если честно...

– Простите, вы хотите сказать, что уже не в первый раз врываетесь в охраняемое государственное учреждение на территории дворца в пьяном виде? Я уже не говорю про ваших друзей, ведущих себя подобно степным варварам и использующих служебное положение для того, чтобы покрывать эти возмутительные безобразия!

– Ну, признаться, я не мог видеть, как это смотрится со стороны...

– Конечно, вы не могли видеть, вы даже на самостоятельное передвижение были не способны! Вас буквально внесли под руки эти два урода, один из которых показал жетон офицера императорской гвардии и угрожал охране физической расправой, а второй не только не имел пропуска, но и возмутительнейшим образом швырял монеты горстями в разные стороны, что практически полностью парализовало работу всей obsługi сегодня утром. Из-за этого происшествия я был вынужден отдать приказ ограничить допуск людей на территорию и лично, ползая на коленях, изымать все преступным образом разбросанные денежные средства! Нет нужды говорить о том, что сегодня же мною будет составлен подробнейший отчет в канцелярию императора с целью установления виновных и направления соответствующих писем их непосредственному руководству. Что же касается вас, молодой человек, то боюсь, нам придется распрощаться с вами раз и навсегда!

Энель Маргио откинулся на резную спинку широкого деревянного кресла торгендамской работы, уставив взгляд куда-то в пустоту, словно краснофигурная ваза в углу с изображением этапов изготовления пергамента интересовала его гораздо больше, чем этот ничтожный нарушитель спокойствия вверенного ему учреждения.

– Мне искренне жаль того времени, которое мы, по нашей наивности и вере в светлое начало человеческое, потратили на ваше обучение! – произнес он наставительным, полным наигранного сожаления тоном.

У Уни все буквально сжалось внутри. Еще вчера работа в архиве казалась ему вечной и неизбежной данностью, которой он всей душой тяготился, умоляя судьбу вытащить его из этого застойного болота. Теперь же его, казалось бы, навсегда устоявшийся мир грозил обрушиться самым позорным и драматическим образом, похоронив под своими обломками великолепные мечты о светлом будущем и блестящей карьере. Вдруг ему страстно захотелось немедленно спрятаться от этого давящего жизненного испытания и в то же время – в диком крике вопросить у Светила: за что, как, почему именно сейчас оно посылает ему столь тяжкую кару?

– Простите, энель Маргио. Я... я не знаю, что сказать. Но я ведь не виноват, просто все так совпало в один день... У меня было поручение от советника императора, очень срочное поручение. Я должен был его выполнить, должен, понимаете? Ну что я мог поделать, если в один день! – Уни ясно ощутил, как плотный ком подкатывает к его горлу и, если все так продолжится и дальше, он самым позорным образом разрыдается, полностью утопив свою и без того растоптанную в прах репутацию.

– Не понял. Что ты там несешь? Какой еще советник?! – от внезапного волнения энель Маргио, похоже, враз потерял остатки учтивости и подскочил с кресла. Он стал похож на жирного, разомлевшего кота, как если бы того в ходе очередной игры с мышкой ужалила змея.

– Манелий Ронко попросил меня подготовить один очень важный документ, – тихо произнес Уни, смутно понимая, что говорить этого, возможно, и не следовало. Однако был ли у него другой выход в этой ситуации? Обстоятельства, да и собственная глупость, похоже, прочно загнали его в тупик.

– Манелий Ронко... – и Маргио, изогнув спину и взявшись за подбородок, сделал пару шагов в сторону, став похожим на нахохлившуюся птицу, грифа или другого стервятника, в

равной степени зловещего и отталкивающего. – И что это должен быть за документ? – гриф резко обернулся к своей жертве.

– Ну... сведения о Вирилане. В общем... Я его сделал, кстати, несмотря ни на что! – тонким голосом последней надежды попытался переиграть судьбу Уни. – То есть можно сказать, что все это было по служебной необходимости...

– Я сам буду судить об этом, понял? – резко оборвал его Маргио. – Ты можешь как-либо доказать свои слова?

Уни возвращался за свитком на совершенно деревянных ногах, но что гораздо хуже – почти совсем не соображая, что делает. Словно в каком-то сне или тумане, окутавшем его разум, он автоматически выполнял действия, продиктованные чужим, подавившим его волю разумом.

«Вот теперь точно конец», – промелькнуло у него в голове после того, как рожденный в сумраке пьяной ночи трактат оказался в руках строгого начальника.

И предчувствие не обмануло. Все эти минуты, пока его не было, Маргио, похоже, пребывал в ничуть не меньшем эмоциональном возбуждении, чем сам Уни. Резко вырвав свиток, смотритель архива раскрыл его движением, похожим на то, каким окруженные врагами воины древности перерезали себе горло. Едва пробежав глазами содержимое, он неторопливо свернул манускрипт и вернулся на свое место с блеском холодной усмешки в глазах.

Маргио вновь откинулся на спинку кресла, его лицо осветилось зловещей улыбкой.

– А тебе известно, мой мальчик, что о всех подобного рода «поручениях» требуется немедленно ставить в известность руководство архива? Нет? А, понимаю. Ты, конечно же, трагичешь гораздо больше времени на чтение древних книг, нежели на изучение правил внутреннего распорядка учреждения, в котором работаешь. Или, что будет точнее, работал, – улыбка Маргио приобрела воистину змеиный оттенок. – Но даже если ты такой книжный червь, то не должен, не должен был делать подобные вещи через мою голову! – резко проорал он. – И мне плевать, кто он и какая у него должность, любая справка, любая выдача – только с моего личного разрешения! – Маргио бросил свиток на стол и резко ударил локтем в висевший рядом бронзовый гонг. – С этого дня он у нас не работает, – брезгливо промолвил он вбежавшему в помещение секретарю. – Проводите его прямо до выхода. В здание архива больше не впускать. Никогда, – затем Маргио перевел взгляд на неподвижного Уни: – Пойдите вон, милейший!

* * *

Несмотря на огромные размеры, Энтеверия представляла собой по-своему уникальный образец архитектурной гармонии. После того как Норей Основатель провозгласил создание великой Герандийской империи, древняя столица была фактически разрушена до основания и построена заново, но уже по четкому, геометрически выверенному плану. Разумеется, столь грандиозный проект потребовал немало времени и еще больше упорного труда сотен тысяч людей, однако затраты эти полностью окупили себя в глазах благодарных потомков.

Старый город, по сути, представлял собой беспорядочное скопление каменных, но чаще деревянных домов вокруг укрепленного острова на Феле, где располагались царский дворец и покои наиболее родовитой знати. Владыки новой империи подарили своим подданным огромный город, разделенный на аккуратные жилые районы, а также отдельные зоны – дворцовую, храмовую, жилую, ремесленную, торговую и зону развлечений. Императорский дворец из скромного замка превратился в целый квартал непревзойденных в своем величии строений, а многообразие строительных материалов и причудливо сочетающихся архитектурных стилей представляло собой застывшую в камне огромную энциклопедию по всем провинциям обширной державы.

Были построены два новых акведука и большая клоака для стока нечистот. Город утопал в зелени садов и парков, а слух его жителей услаждал плеск десятков больших и малых фонтанов, выдававших причудливые мелодии благодаря хитроумным водяным органам. Столица могла позволить себе неслыханную роскошь – отдать треть своей земли под территорию, не имеющую никакого отношения ни к жилью, ни к каким-либо производственным нуждам. Это был огромный организм, который вбирал в себя людей и товары и тут же обменивал их на шикарную, беспечную жизнь или хотя бы чувство приобщенности к ее главному центру в Дашторнисе. Энтеверия имела пару речных гаваней, которые благодаря полноводным рекам превратили ее в порт двух морей. На севере пузатые торговые корабли могли свободно подниматься по руслу Фелы вплоть до моря Драконов, через которое лежал путь к варварам Великой Шири и в Торгендам. По многочисленным притокам Великой реки можно было свободно добраться до большинства северных и западных провинций империи.

На юге при императоре Лекции был прорыт Солнцелестный канал, получивший свое название из-за бликов щедрого Светила на его бурных волнах. Впрочем, волны в канале поднимались отнюдь не из-за плохой погоды, а от многочисленных купеческих судов, шедших с грузами из южных морей. Если северный речной путь был для империи в большей степени внутренней транспортной артерией, то юг открывал обширные возможности для внешней политики и торговли. Именно с юга в империю попадали новые товары, люди, знания и... угрозы. Религиозные фанатики Мустобрима состязались в настойчивости с капоштийскими торговцами, чье первенство в этом ремесле давно и прочно было признано всеми окрестными народами. И лишь теплое, неглубокое море Туманов с россыпью тысяч островов отделяло империю от кровожадных аринцилов, которые возвели в культ убийство, насилие и жестокость. А дальше на юг лежала Унгуру – таинственная страна колдунов, способных общаться с духами из другого мира и даже мертвых превращать в своих рабов.

Среди этих ярких, притягательных, но полных опасностей земель столица Герандии казалась средоточием многовекового мира и порядка, что и являлось главной заслугой империи в глазах сорока миллионов ее подданных. Город без крепостных стен, Энтеверия должна была олицетворять «покой и достаток» – именно так звучит девиз правления герандийских императоров. На ее широких улицах даже иноземцу было сложно затеряться, однако именно это умудрился сделать Уни Вирандо, не имеющий ни малейшего представления о том, где находится, после целого часа бесцельного блуждания по мощенной гладким вуравийским камнем мостовой.

Впрочем, какое значение имели такого рода мелочи для человека, жизнь которого и так на полном основании могла считаться законченной?

«А что от меня, собственно, сейчас осталось? – отстраненно думал Уни. – Ни должности, ни положения, ни личной жизни, ни денег – вообще ничего. Одно брэнное тело с ворохом ненужных познаний в голове и представлением о жизни уровня пятилетнего ребенка. Если сигану с моста – никто и не заметит. Кому я вообще нужен? Светило свидетель, только родной матушке. А что я ей скажу? Что ее единственный сын, в котором была вся ее жизнь, которого она одна воспитала, скопила денег на академию, которым гордилась и на которого уповала как на последнюю надежду собственной старости, вдруг умудрился в один день потерять все то, к чему шел годами? Нет, даже представить такой разговор противно, уж лучше и впрямь под мост, пускай вообще без сына, чем и дальше будет такой никчемный, жалкий человек! А что скажут друзья? “Малыш Уни” опять обделался! Ну разумеется, что они еще могут сказать? Соргий тут уж даст волю своему остроумию. А Вордий лишь пожмет могучими плечами, вздохнет грустно, хлопнет по спине и посмотрит как на неразумное дитя, которое даже учить чему-либо теперь бессмысленно. Нет, уж лучше под мост, только бы не видеть всего этого! Какие возможности подарила мне судьба, а я так бездарно, так глупо их упустил! И если я такой редкий дурак, который не может нормально жить в этом мире, то мне только одна дорога. Так, сейчас главное – набраться смелости. Спокойно. О Солнце, как колотит в груди! Итак, глубокий вдох, рывком через перила...»

– Здравствуй, Уни! – голос из застывшей на мосту крытой колесницы прозвучал вроде бы не резко, но мышцы начинающего самоубийцы словно сковало стальной цепью. Тонкая рука с правильными, идеально гладкими ногтями элегантно откинула в сторону шелковый полог, и Манелий Ронко уставился на юношу, изобразив уже знакомую ему ироничную полуулыбку. – Собрался искупаться в жаркий полдень?

На мгновение Уни показалось, что он отобедал сырым, холодным осьминогом, чьи склизкие и противные щупальца застряли у него в пищеводе, кишках, желудке и во всех прочих внутренностях. Где-то в глубинах затуманенного сознания пронеслась мысль о том, что Солнечный владыка вовсе не хочет его смерти. Нет, он в силу каких-то ему одному ведомых обстоятельств так сильно прогневался на несчастного Уни, что решил обречь его на вечные, нескончаемые мучения, где одна пытка будет тут же сменяться другой, еще более жуткого свойства, и так до самого окончания века, когда Небесное божество вновь, как и много раз до того, спалит своими лучами все живое, чтобы затем из сего благодатного пепла создать новый мир и новых людей – чище, светлее и лучше прежних.

– Мда... Судя по твоему виду, говорить сейчас о судьбе моей рукописи явно дурной тон, – понимающе качнул головой Ронко. – Давай сюда, – он изобразил приглашающий жест. – Осторожнее, голову береги. Да не надо так убиваться, во имя Лучезарного владыки! Немного хорошего вина сейчас тебе будет в самый раз. У меня дома вроде еще есть небольшой запас.

Уни с трудом втиснул внутрь такое чужое и «деревянное» тело.

– Советник Ронко, – наконец нашелся он. – Я... чрезвычайно рад видеть вас. Ваш документ готов, только я... не имею возможности лично передать его вам в руки. Вы, наверное,

можете забрать его у верховного смотрителя Маргио. Так получилось, что я больше не работаю в архиве и не в состоянии ничего с этим поделаться, к великому моему сожалению. Мне стоило с самого начала пойти и сказать вам об этом, я пытался, но... я просто не знаю, где вы имеете честь проживать. Мне назвали один адрес, но там никого, совсем никого не оказалось. Мне так стыдно, я просто не знал, что же делать. Моему малодушию нет прощения!

Ронко слушал юношу, задумчиво шлифуя тонкими губами свои холеные ногти. Его цвета мокрого щавеля холодные глаза смотрели куда-то вдаль, словно их обладатель пребывал в своем, отрешенном от окружающих забот, мире.

– Трогай! – слегка щелкнул пальцами он. – А здесь ты прав, – наконец вернувшись к Уни, Ронко вновь подарил ему ободряющую улыбку. – Я привык сам находить людей и не очень люблю, когда они пытаются найти меня без моего на то предварительного согласия. А вот с рукописью твоей, честно говоря, вышла промашка. Не видать ее нам теперь как своих ушей.

– Как? – Холодный моллюск внутри Уни вновь подал признаки жизни, но на этот раз похолодела даже макушка головы. – Но разве верховный смотритель может отказать вам? Вот прямо так взять и...

– Ну нет, конечно! – поджав губы, рассмеялся Ронко. – Вот прям так взять и послать меня в чертоги Мрака он никогда бы не осмелился. Но... Маргио работает на Лицизия Дорго, и сейчас он как раз на пути в его виллу, чтобы порадовать своего покровителя редким трофеем. Ха-ха, в кой-то веки и от такой крысы, как Маргио, тоже может быть своя польза!

– Это полностью моя вина, энель Ронко. Если бы не мой глупый поступок...

– Ты о чем? А впрочем, теперь это уже не имеет никакого значения. Я обратился к тебе напрямую, потому что знал тебя лично и наивно полагал, что ты сможешь провернуть это дело без участия своего руководства. Что бы там ни было, но твоей вины здесь нет. Есть ошибка в расчетах, моих расчетах. Хотя теперь это тоже не очень-то и важно.

* * *

Колесница Фергия Маргио совершала чудеса эквилибристики, грациозно виляя вдоль широкого проспекта Солнечной щедрости и уверенно обгоняя медлительные паланкины скупающих снобов. Впрочем, нервное состояние пассажира не могли развеять даже высокие ездовые качества его любимой повозки – он судорожно прижимал к груди кожаный футляр для рукописей, словно боялся выронить сей драгоценный предмет в ходе этой бешеной скачки с препятствиями. К какому-то подобию душевного спокойствия Маргио смог прийти лишь тогда, когда частая брусчатка городских улиц сменилась ровно подогнанными друг к другу разноцветными плитами Триказинцо и экипаж наконец съехал на узкую декоративную дорожку, ведущую к искусно спрятанной в тени платанов шикарной белокаменной вилле.

С момента своего основания почти триста лет тому назад район Триказинцо был особым местом, закрытым кварталом, городом в городе, где текла совершенно другая жизнь совершенно особых людей. После основания империи великий Норей задумал переселить в новую столицу всю знать покоренных царств. Неизвестно, какие хитроумные соображения двигали им в тот момент, но задача оказалась достаточно сложной с точки зрения ее практического воплощения. Большинство потенциальных переселенцев не горело желанием расставаться с родными краями, отрывать от своих корней, поколениями выстраиваемых связей и различного рода взаимных обязательств. К тому же требования комфорта у бывших безраздельных властителей были весьма и весьма высоки, особенно по меркам периферийной еще в недавнем прошлом Герандии. В результате только при императоре Назалио, великом градостроителе, который и привел Энтеверию в нынешний законченный вид, квартал Триказинцо открыл свои объятия новым жителям. Да и бывшие правители, ставшие к тому моменту почти заурядной провинциальной аристократией, сами активно тянулись в столицу за близостью к монарху,

чинами и званиями. Так что переезд прошел спокойно и, более того, превратился в настоящий праздник, увековеченный в ежегодном Фестивале Летающих фонарей. Десятки шелковых шариков с гербами знатных семей, влекомые вверх потоками горячего воздуха, возвестили о рождении нового сословия законодателей шикарной столичной жизни.

За прошедшие три сотни лет их число неуклонно возрастало за счет крупных чиновников, иерархов Солнечного культа, военачальников, членов купеческой и ремесленной верхушки, но Триказинцо по-прежнему оставался закрытым островком непоколебимого процветания, скрытым от посторонних глаз шелестящей зеленью садов и парков с декоративными прудами, каналом, беседками и гротами для уединенного размышления. По неписаному правилу, которое соблюдалось веками, между вилами не было никакой ограды и любой из обитателей квартала мог свободно перемещаться по всей территории. Согласно высочайшему замыслу, это должно было способствовать сближению представителей различных народов и даже наиболее яростных политических противников. Впрочем, на остальные семьсот тысяч жителей Энтеверии подобная свобода ни в коей мере не распространялась: специальное подразделение Солнечной стражи надежно защищало избранных от любых любопытных глаз и непрошенных гостей.

Молчаливый привратник провел Маргио вдоль длинной колоннады со статуями – в образах которых угадывались двенадцать человеческих пороков и столько же добродетелей, – стоящими друг напротив друга. Затем хозяин императорского архива оказался в саду, имевшем форму огромного пятиугольника, в центре которого на небольшом возвышении красовался аккуратный чайный домик. Строение также имело пять стен, над которыми возвышалась пятискатная крыша с искусно вырезанной из слоновой кости фигуркой лесной нимфы на самой вершине. Маргио словно помолодел и весьма стремительной для своего более чем полувекового возраста походкой буквально влетел в помещение.

– Так-так, ну и что такого страшного произошло в вашей пыльной дыре за это время? – расположившиеся в домике двое мужчин были явно не в восторге от того, что их уединенная беседа была нарушена таким резким вторжением. Один из них, худощавый и нервный, тут же заерзал на пышной шелковой подушке с узорными красными цветами на черном фоне. Второй больше напоминал холеную, но страдавшую неудержимым ожирением матрону, несколько лет до этого отработавшую грузчиком в порту. Именно он, уставившись на вошедшего с ленивой спесью, низким и грубым голосом спросил его о цели визита.

Рассыпавшись в изысканных приветствиях, Маргио чуть ли не в лицах изложил суть произошедших с утра событий. Под конец этой захватывающей и, откровенно говоря, изрядно приправленной личными домыслами истории он торжественно передал из рук в руки драгоценный свиток. Хозяин беседки развернул его своими короткими, похожими на свиные сосиски пальцами. Сделал он это весьма небрежно и даже умудрился слегка порвать пергамент. Да и в целом в действиях этого человека чувствовалась какая-то вульгарная, грубоватая сила, агрессивно равнодушная к различного рода утонченным изыскам, жестоко срывающая покровы изящества со всех вещей, к которым прикасалась. Склонившись в почтительном полупоклоне, Маргио не мог про себя не отметить, как смешно шевелятся губы у толстого мужчины, читающего документ, словно это полуграмотный сельский жрец Солнца накануне праздника Весеннего равноденствия пытается по слогам разобрать полузабытый текст хвалебного гимна Светилу.

– Глянь-ка, Форзи, эти сказки по твоей части, – толстый кинул своему собеседнику свиток, как кость собаке. Тот нервно дернул обеими руками, но все равно поймал только воздух – манускрипт глухо утонул в пушистом мустобримском ковре. Форзи робко ругнулся и с кряхтением потянул пальцы к полу, стараясь при этом сохранить хотя бы видимость достоинства. В это время вальяжный хозяин задрал подбородок и сальной пятерней от души почесал кадык.

– Ну ладно, Фергий, я тобой доволен. В кои-то веки и от твоей пыльной норы есть польза. Поговорю с Владыкой, чтобы дал вам еще денег на реконструкцию хранилища. А теперь иди, а то мы тоже скоро во дворец собираемся.

Проводив Маргио косым взглядом, Форзи тут же перестал читать свиток и вновь постарался завладеть вниманием собеседника:

– Ну? И что ты обо всем этом думаешь?

– Да что тут думать! – толстяк неожиданно легко для его габаритов поднялся с места и с кубком улиньского вина в волосатой руке подошел к резному окошку. – Везунчик! – он пригубил напиток и покровительственно похлопал Форзи по плечу, отчего мужчину как будто передернуло изнутри. – Теперь тебе и делать-то особенно ничего не надо. Ха-ха. Только вот не думай, что я тебя из-за этого так сразу поддерживать буду.

– Ну, Лизи, это уже просто хамство! – Форзи вскочил с места и напряженно сжал кулачки перед собой. – Ты же обещал подумать, обещал, что взвесишь все! И теперь ты вдруг решил бросить меня одного, да? Подставить меня захотел? Словно это не тебе надо! Может, возьмешь прямо сейчас и отнесешь этот свиток Ронко?

– Ну нет! – усмехнулся его дородный собеседник. – Свиток, положим, остается твоей добычей. Так и быть, дарю. А вот с Ронко на совете разбирайся сам. Тем более что без своих основных аргументов он вряд ли будет тебе серьезным противником. И вообще, хватит ныть! Скажи спасибо, что я посоветовал перенести заседание на неделю раньше срока. Он, естественно, стал дергаться и допустил массу ошибок. С мальчишкой этим связался ведь не от хорошей жизни, а?

– Послушай, Дорго, ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что будет, если этим сумасшедшим удастся подписать прямой торговый договор? Нет, они что, и правда не соображают, что творят? Кроме мощны своей дурацкой, видеть ничего не хотят.

– Да нет, они просто упорно продолжают считать себя спасителями отечества и императора. От нас с тобой, – и Дорго пару раз выдал зычное простецкое «ха-ха». – И ради этого готовы пойти на все, не считаясь с последствиями.

– Так, значит, ты со мной все-таки согласен?

– Ладно, увидим. И мой тебе совет, Форзи, никогда не руби с плеча. Политика этого не любит. И запомни: выигрывает не тот, кто делает правильный ход, а тот, кто способен извлечь из него выгоду.

– Не люблю, когда ты начинаешь темнить. Встретимся сегодня на заседании совета. И пойми наконец – мне нужна твоя открытая поддержка!

После того как Форзи стремительно вышел из помещения, Дорго еще ненадолго задержался у окна, пристально разглядывая удаляющуюся слегка нервным шагом фигурку. Довольно улыбнувшись, он поставил полупустой бокал на восьмиугольный деревянный стол и в бодром настроении двинулся через ажурный мостик на другой бережок извилистого ручья, где в уютном павильоне из красного дерева заботливые слуги уже приготовили для него ароматную, дышащую густым запахом хвои, ванну.

«К бесам все дела! – весело подумал Дорго. – Этим вечером их и так будет через край».

* * *

Уни с комфортом расположился в дальнем углу просторной, но в то же время уютной и поистине роскошно убранной купальни. Дно бассейна было покрыто салатного цвета мозаикой, изображающей моллюсков, морских ежей и прочих обитателей таинственных глубин. Солнечный свет, проникая через большое отверстие в потолке, создавал иллюзию сказочного золотого сияния, в котором с детской непосредственностью плескался Манелий Ронко. Уни не переставал удивляться этому человеку, с такой жадностью ловившему всю полноту удоволь-

ствия буквально от каждого мгновения собственной жизни. Его словно и не беспокоил пропавший документ, а в равной степени – и все те жизненные неприятности, о которых сбивчиво поведал бывший архивный служитель. И Уни невольно заразился этой беззаботностью, а может, свой вклад внесло вино, но теперь он точно так же жил лишь моментом, словно не было ни трагического краха всех надежд, ни позорного увольнения, ни моста через Фелу, где – разве можно теперь в это поверить – чуть было не оборвалась его жизнь. А Ронко между тем, крутанувшись в воде пару раз, как мельница, с наслаждением откинул руки назад и положил обильно поседевшую голову на колени прекрасной мраморной нимфы, которая так кстати задумала полюбоваться своим отражением в воде.

– Ну-с, в общем, дела наши в действительности идут не так уж плохо, – оптимистично промурлыкал он.

Уни, изрядно разомлевший от запаха ароматических трав, идущего от воды, перестал клевать носом и сфокусировал взгляд на собеседнике.

– Наши враги получили незначительное тактическое преимущество и на том успокоились, расслабились. В этом их ошибка. Точнее, нет. Знаешь, в чем их самый большой недостаток? В слишком практичном подходе к полученным знаниям.

– Простите, что вы имеете в виду?

– Ха! Я имею в виду, что Лицизий Дорго – просто безграмотный оборванец, плебей, и он остался таким, даже поднявшись до столь высокого поста. И не смотри на меня так, я ведь ум имею в виду. Тем, кто поднялся наверх с улицы, присущ излишний практицизм. И это легко объяснимо. Когда нужно выжить, то накапливать лишние знания – себе дороже. Поневоле приходится жить сегодняшним днем и мыслить категориями текущего момента. Все лишнее, в чем нет видимой ценности, при таком подходе просто игнорируется.

– Вы хотите сказать, что разностороннее развитие человека – это роскошь?

– Ну разумеется! И ты даже не представляешь какая. Ты загружаешь в свою голову море не востребуемых сейчас вещей просто ради удовольствия или с надеждой, что когда-нибудь в будущем, может быть, тебе все это пригодится, а может быть, и нет. Но в результате ты, как правило, забываешь о самых элементарных, необходимых для повседневной жизни вещах, то есть отрываешься от реального мира. Вот почему ученые мужи, несмотря на всю свою мудрость, никогда сами не становятся правителями, определяющими судьбы других людей.

– Прямо как я, – вновь загрустил Уни. – Уж лучше сначала добиться чего-то в обществе, а потом накапливать знания. Как жаль, что понял я это только теперь.

– Не скажи! К тому моменту, когда ты добьешься высокого положения, твой ум уже не сможет мыслить по-другому. Это войдет в привычку, станет вторым «я», ты просто потеряешь контроль над тем, чему будет уделять внимание твой разум. А обращаться он будет лишь к тому, что так или иначе касается вопросов твоего выживания.

– Выживания? Но ведь мы говорим о том, что я уже поднялся наверх.

– А ты как думал? Тогда самая борьба и начинается. Или ты решил, что, получив высокий пост и различные блага, сможешь расслабиться и просто плевать в потолок? Вот уж точно – опасное заблуждение! Закон общества состоит в том, что хлебных мест в нем гораздо меньше энергичных людей, желающих любыми путями занять их. Тебе только и придется, что думать о том, как бы удержать завоеванную деланку, и чем выше ты поднимаешься, тем острее будет стоять этот вопрос. Где уж там найти время для самообразования? Про желание я уже и не говорю, одно желание будет в свободное время – отдохнуть хорошенько, чтобы мозги не загружать вовсе. Что же касается всех этих благ, – Ронко лениво повел в воздухе тонким запястьем, – то их вкус ох как бледнеет на фоне ежесекундных переживаний о своей дальнейшей судьбе!

– А вы? Разве ваша жизнь не есть прямое опровержение того, о чем вы сейчас говорите? Вы столько времени проводите в архиве, столько всего знаете – и в то же время занимаете высокий пост при дворе императора! Как такое возможно?

– Я? Ну, я здесь скорее исключение. Во-первых, мне повезло родиться в богатой семье потомственных аристократов. Мне не нужно было прилагать усилий для того, чтобы выйти в люди, как тому же Дорго. Во-вторых, я занимаю слишком уникальную нишу в нашей запутанной паутине власти, чтобы кто-то реально мог претендовать на мое место. Знаешь, каков лучший рецепт выживания при дворе? Не стремись занять уже готовое место, на него всегда найдутся другие претенденты. Стань в чем-то незаменимым, создай место лично под себя. Тогда другой при всем желании не сможет претендовать на него. Ну, а в-третьих... Зря ты себя так коришь, мой мальчик! У твоего мировосприятия есть масса преимуществ, которые с успехом можно обратить себе на пользу.

– Вам, конечно, виднее, энель Ронко. Но я что-то не совсем пойму, о чем идет речь. Пока что меня просто обыграли по всем фронтам, и я ничего, вообще ничего не смог этому противопоставить! Да еще и вас подвел, что уж там говорить, – и Уни печально вздохнул.

– Ну, кто кого обыграл, мы еще посмотрим, – усмехнулся Ронко, выходя из бассейна. Широко расставив руки в стороны, он откинул голову назад, давая застывшим на холеной коже каплям свободно стечь вниз. Неслышно, как кошка, подошедшая сзади черноволосая капотийка стрельнула в Уни сочными миндалинами красиво подведенных глаз и осторожно, как фарфоровую статуэтку, стала обтирать хозяина мягким хлопковым полотенцем. Ронко бодро заулыбался ей, и девушка с игривой застенчивостью опустила глаза. Уни вдруг почувствовал себя как-то не совсем уютно, но его собеседник словно прочитал его мысли и взмахом головы отпустил служанку.

– Видишь ли, в чем дело... – продолжил он, обвязав вокруг талии полосу белого полотна.

Уни знал, что Ронко где-то около пятидесяти, но только сейчас с восхищением и завистью обратил внимание на то, как великолепно он выглядит для своего уже весьма зрелого возраста. Два цельных кирпича мышц на груди, рифленый пресс и широкие крылья спины могли бы сделать честь даже профессиональному атлету из императорского цирка.

Ронко взял с декоративного столика из чистого золота красивый кубок в форме сложенных вместе ладоней, налил в него вина из стоящего рядом чеканного мустобримского кувшинчика с длинным носиком и по-соседски пристроился на скамью рядом с Уни.

– Наша жизнь – это не спринт, а марафонский забег. До финиша в конечном счете доходит именно тот, кто готовит победу заранее. А это значит, что и ворох бесполезных с точки зрения сиюминутной выгоды знаний когда-нибудь, при благоприятных обстоятельствах, можно будет использовать для обретения неоспоримого преимущества над соперниками.

– Я, кажется, вас понимаю. Но ведь такого момента можно ждать очень долго, он может вообще не настать. Как заранее знать, что может пригодиться, а что нет?

– Слышал поговорку: «Даже если меч может понадобиться тебе лишь раз, все равно непременно носи его с собой»?

– Конечно. Но это ведь просто красивая фраза. Даже самый умный человек не в состоянии быть специалистом во всем. Да и потом, разве можно добиться успеха в том, что тебе вовсе не интересно? Такое знание все равно останется для тебя чужим, и вряд ли получится использовать его во благо.

– Ну кто бы спорил! Каждый должен быть специалистом в том, к чему имеет склонность.

– Да, я вот стал специалистом по древним языкам, и чем все это кончилось?

– О, не скажи. Это как раз то, что Дорго, в силу своей ограниченности, так и не смог разглядеть. Ты ведь, похоже, едва ли не единственный знаток вириланского в империи? Вот то-то и оно. Помнишь, что я говорил о незаменимости?

– Вы имеете в виду...

– Скоро ты об этом узнаешь. У меня тут родилась очень простая, хотя и немного дерзкая идея. Сейчас тебе принесут парадную палму, прогуляешься со мной на одно помпезное собрание. Пусть рукопись у нас выкрали, но ты-то ведь не успел сигануть с моста?

Глава 4. Работа по специальности

Несмотря на то что архив был расположен на территории дворца, он до сих пор оставался единственным зданием огромного комплекса, в котором Уни посчастливилось побывать. Это был даже не отдельный город, а государство в государстве, со своим постоянным населением, армией в лице императорской гвардии и всем необходимым для того, чтобы в случае опасности как минимум два года безбедно существовать в полной изоляции от остального мира. Уни искренне восхищался и удивлялся тому, как, а главное – зачем строили такие грандиозные здания, внутри которых ничтожные на фоне мраморных громад людюшки ощущали себя как мухи на дне бездонного каньона.

«Если таким образом строители хотели подчеркнуть величие императорской власти, то здесь они добились обратного эффекта, – размышлял Уни. – Владыки ведь тоже люди – как же они сами будут смотреться во дворце, построенном скорее для каких-то гигантов?»

Ронко и его юный спутник миновали череду внушительных залов, каждый из которых был оформлен в архитектурном стиле той или иной провинции империи. Открытая и хлебосольная Некреданса, мрачный в своей внушительности Серегад, утонченный, несмотря на кажущуюся простоту, Улинь и еще девять земель, о былой независимости которых теперь было известно разве что из исторических книг. Даже летоисчисление в Герандии велось со дня основания империи, сейчас, к примеру, шел 403 год новой Светодержавной эры. Пользуясь благоприятным поводом, Уни не удержался и задал Ронко вопрос, который мучил юношу довольно давно. Почему империя, везде установившая новый порядок, сохранила старое территориальное деление по границам поверженных держав? Не разумней ли было создать новые провинции, разделив старые царства и перемешав некогда враждовавшие народы?

Впрочем, Ронко лишь посмеялся над этой идеей:

– Ты, Уни, мыслишь традиционно, руководствуясь логикой иных правителей, а не тем, как подобает вести себя владыкам нашей неповторимой страны. Солнечная империя – уникальное государство, такого не было, нет и не будет больше никогда. Мы не завоевывали людей одной лишь силой. Тогда мы были бы ничем не лучше тех многочисленных и заурядных правителей, которые вели на этой земле бесконечные войны и тысячу лет назад. Мы не отнимали у людей их имущество, свободу, родину. Мы дарили им то, чего не хватало каждому из этих

народов. Вуравия была богаче всех, но ее жители не любили войну и тяжело страдали от необходимости каждый раз подниматься против врага. Мы дали им защиту, ничего не прося взамен. Серегад же, наоборот, самый воинственный из двенадцати царств, хотел всех покорить, однако сам очаровался нашей культурой. Семерия была дикой и отсталой, мы познакомили ее жителей с хорошим железом, помогли осушить вонючие болота, построить города, научили эффективнее обрабатывать землю. Секрет империи был в том, что мы давали больше, чем получали, но в конечном счете все присоединились к нам.

– И тем не менее многих пришлось покорять силой оружия?

– Разумеется. Знать никогда просто так не расстанется со своими привилегиями. Однако насколько мужественно воевали за эти привилегии их подданные? Вспомни битву при Муде, когда превосходившие нас союзные армии трех держав побросали оружие и сдались. Никто не хотел умирать за старый мир, в котором, что ни день – войны, голод, нищета и нет разницы между жестокостью собственных правителей и внешнего врага. Нореи поклялся, что все народы станут единой семьей, но каждый обязательно сохранит то, чем наделил его Лучезарный владыка со дня рождения. Он говорил, что земля – это плоть и тело народа и величайшим преступлением будет разлучать его с ней.

– Это великие слова. Но как же тогда получилось, что сегодня, скажем, в Вуравии две трети всей земли скуплены теми же местными богатеями, с которыми когда-то боролся Нореи? А несчастные крестьяне вынуждены по кусочку арендовать собственную родину, чтобы не дать семье умереть с голоду!

– Забавные речи ты умудряешься говорить в императорском дворце! Солнечная стража повсюду рассылает своих шпионов, чтобы пресекать подобные разговоры в тавернах, на зрелищах и даже в банях. А ты, можно сказать, в самом сердце нашей Ясновеликой власти...

– Простите, советник, я и сам не ведаю, что несу...

– Да нет, со мной можно, а вот с другими будь осторожней. А что до твоих крестьян, то... так ли уж все плохо на самом деле? Да, им живется нелегко, но это ведь так видится нам с тобой, избалованным столичным жителям. А их предки веками жили в еще более худших условиях. Ты не думай, что в этом дворце сидят бездушные и зажавшиеся монстры с сердцами, покрытыми инеем. Ну, может быть, и правда бездушные, но уж никак не глупые, это я тебе точно говорю. Мы прекрасно понимаем, что крестьянам, всем бедным людям нужна поддержка, и император постоянно осыпает их своей милостью. Раз в пять лет регулярно прощаются все долги и недоимки. Ну, разумеется, тем, кто сможет доказать, что не имел никакой реальной возможности их выплатить. Снижаются налоги. Вот, в прошлом году плата за пользование государственными амбарами упала почти на одну сотую. Мало, конечно, но хоть что-то. Важна сама тенденция, благодаря чему люди могут на себе ощутить, что перемены к лучшему действительно возможны. Пусть не так быстро, как им хотелось бы, но все-таки. Что? Нет, не смотри на меня такими глазами. Я и сам понимаю, что, может быть, слова мои звучат не совсем убедительно, но... Ты ведь знаешь, что чем богаче люди, тем сильнее они не хотят расставаться со своим деньгами и тем больше у них возможностей оградить свою мощь от налогов двора. Вот и приходится императору поневоле рассчитывать в основном на сознательность простых людей.

– Выходит, через четыреста лет все вернулось на круги своя, к естественному положению вещей?

– Это... очень долгий разговор, Уни. И не все так просто, как тебе кажется. Продолжим в следующий раз, мы уже почти на месте.

Они вошли в небольшое, слегка вытянутое помещение где-то в стороне от основных дворцовых покоев. Солнечный свет еле пробивался через фигурные оконные решетки, это место сильно отличалось от ярких и просторных главных императорских залов. Уни ощутил знакомый запах лака, тянувшийся от небольшой двери за толстыми зелеными портьерами, и

только потом разглядел рядом одетого в парадную золоченую кирасу императорского гвардейца, которому по-свойски кивнул Ронко.

– Ну, ты пока жди здесь, – бросил он Уни, слегка закусив губу и оглядываясь по сторонам, словно прикидывая напоследок, не забыл ли чего важного. Наконец, собравшись с духом, Ронко стремительно нырнул за портьеру, оставив Уни в тревожном ожидании дальнейшей судьбы.

Еще раз осмотревшись по сторонам, юноша обратил внимание на гладкую деревянную скамейку вдоль оконной стены и, замаявшись, вполголоса осведомился у охранника, можно ли ему присесть. Поскольку ответа не последовало, а повторить попытку Уни не решился, то он так и остался стоять посередине комнаты, не зная, куда деть мокрые от волнения ладони.

«Да, в надменности с этими парадными куклами могут потягаться разве что статуи на крыше императорского архива, – подумал Уни. – Правда, те даже на голубей, которые гадят им на головы, не реагируют. Любопытно, а вот если с этим бравым рубакой провести такой эксперимент, сохранит ли он свою невозмутимость? Хотя если Вордий не врет про то, как их тут муштруют... Да, Вордий, Вордий, жаль, что не встретился ты нам с Ронко по пути. Как бы ты посмотрел на меня, что бы сказал? Ну, “малыш Уни” здесь уже явно было бы неуместно!»

Стена на противоположном конце комнаты пришла в движение, и Уни вздрогнул. Через образовавшийся проем в помещение вошли двое. Один – юркий и безликий дворцовый служитель в желтой накидке с рифлеными узорами в виде ветвей дерева. Другой – коричневая гора, закутанная в плащ с капюшоном. Комната была явно маловата для такого исполина. Разогнувшись после низкой секретной двери, он на мгновение приоткрыл свой клобук, хищно осмотревшись по сторонам. Орлиный нос и медно-оливковая кожа... Ничего себе! Уни первый раз в жизни видел живого аринцила, больше и нечем ему быть, слишком узнаваемый облик.

Неожиданные гости, в свою очередь, с удивлением уставились на Уни, как будто он не запуганный недавний самоубийца, а сидящий в засаде охотник, отслеживающий такие вот шастающие окольными путями непонятные компании. Потом дворецкий что-то шепнул аринцилу, и оба без лишних слов покинули помещение, в этот раз через нормальную дверь.

«Привидится же такое, – опасливо подумал Уни. – Аринцил в императорском дворце. Секретные переговоры? Может быть. Спросить у Ронко? Да нет, пожалуй, не стоит. Мне лучше в эти дела не соваться. А то не ровен час! Своих забот по горло. Да и вообще...»

Еще какое-то время юноша пытался справиться с мыслями, предательски разбегаясь в разные стороны. Зачем Ронко его сюда затащил? Чтобы выступить на коллегии Посольской палаты и своим присутствием, так сказать, непосредственно компенсировать досадный провал? С чего вдруг вообще империю так срочно заинтересовал Вирилан? Может, и впрямь слухи не врут и между обеими странами будет установлен прямой контакт?

Эти сумбурные размышления прервал неожиданно прорезавшийся лучик света из-за портьеры, еще через мгновение вновь появился Ронко, быстро поманивший Уни пальцем.

– Ну все, сейчас иди, – прошептал он. – Да не тушуйся ты так! Просто несколько давних друзей собрались поговорить о нашей заморской политике. Войдешь – поклонись вежливо, а там води себя непринужденно, а то засмеют.

Не очень хорошо соображая, как ему все-таки следует себя вести, Уни робко подался за портьеру и очутился в чуть большей по размеру, почти круглой комнате. Искусно выложенный панелями из торгендамского дуба пол почти не скрипел под ногами, и Уни сам не заметил, как оказался в самом центре помещения, под перекрестными взглядами присутствующих. Растерявшись и не зная, в какую сторону полагается кланяться в таких ситуациях, он постарался выказать почтение максимальному числу людей. Смотрелось это, видимо, весьма забавно, ибо лица собравшихся тронула легкая усмешка.

«По крайней мере, меня заметили», – подбодрил сам себя Уни.

Впрочем, когда он поднял глаза на окружающих, его спокойствие вновь испарилась без следа. Прямо перед собой юноша узрел худую фигуру Дигения Форзи, бывшего воспитателя Великого владыки, а теперь главу его личной канцелярии и секретаря императорского совета. Взгляд его колючих глаз подтверждал слухи о том, что угодить этому человеку в чем-либо было весьма и весьма непросто.

Дородного мужчину рядом с ним Уни видел всего один раз, но и этого хватило на всю оставшуюся жизнь. Когда Лицизия Дорго каким-то чудом занесло в императорский архив, он запомнился всем диким ором на энеля Маргио только за то, что тот недостаточно быстро соизволил подняться из подвала для личной встречи с неожиданно нагрянувшим высоким гостем. Впрочем, орать Дорго мог позволить себе практически на кого угодно. Уни гораздо больше занимала мысль, каким образом этот практически необразованный и вульгарный мужлан умудрился опутать своими сетями всю столичную бюрократию и буквально за пять лет стать одной из наиболее влиятельных фигур при дворе.

«Ничего себе! – похолодел Уни. – Я должен был догадаться. Мой свиток, наверное, сейчас тоже у него. Ну, спасибо тебе, Ронко, удружил!»

– И все-таки я не понимаю, Мани, что такого интересного может нам сообщить этот юноша, – скрипучим голосом с ходу выразил свое недовольство Форзи. – Ты, помнится, обещал представить совету подробный документ, а вместо этого предлагаешь нам выслушивать сказки какого-то неоперившегося птенца!

– В самом деле, Ронко, – резкий голос сзади и справа заставил Уни вздрогнуть. – Ты и правда хочешь сказать, что твой уникальный источник – этот пугающийся каждого шороха щенок? А я-то думал, что в твои руки попал живой вирилан или на худой конец некто, кто сумел пробраться вглубь этой страны!

На эти презрительные и до крайности обидные для Уни реплики Ронко только слегка усмехнулся. Юноша же невольно повернул голову, чтобы узреть своего второго хулителя. Им оказался на удивление необычный человек. Длинные волосы, собранные на макушке в пучок и черным потоком ниспадающие сзади на плечи. Вместо длинной палмы – желто-красная военная туника с короткими, широкими рукавами, в которой можно с легкостью орудовать мечом. Орлиный с горбинкой нос агрессивно предвещал холод серых глаз, которыми спокойно можно было бы сверлить дыры в гранитной стене.

– Дружище Мани, – резанул своим грубым басом Дорго. – Я весьма удивлен, что ты вообще решился привести его к нам. Да будет известно всем присутствующим, что этот человек не далее как сегодня утром был с позором изгнан из императорского архива за учиненный там прошлой ночью пьяный дебош. Да это форменное издевательство и оскорбление Солнцеликого величия!

– Я уже говорил вам, друзья, что мой источник информации по-своему уникален, и это действительно так, – с азартной хитринкой в глазах начал свою речь Ронко. – Вирилан в течение столь долгого времени был отрезан от общения с остальным миром, что даже язык его был практически забыт в империи. Я навел тщательнейшие справки и установил, что на сегодняшний день в живых остались только два носителя, и один из них сейчас перед вами.

– Это ложь, Ронко! – грубо прервал его Форзи. – Единственным носителем вириланского языка является Лиментий Барко, работающий в императорском архиве. Но ему уже за семьдесят, он почти слеп и с трудом передвигается. А этот...

– А этот юноша – его единственный ученик! И автор того самого манускрипта, о котором здесь не так давно изволили говорить.

– Спьяну он его, что ли, писал? – тут же нашелся Дорго.

– В таком случае где же все-таки сам манускрипт? – Форзи было не остановить. – Хватит заговаривать нам зубы, Ронко, лучше скажите честно, что в имперских архивах не сохранилось никакой стоящей информации о Вирилане. Учитывая это, я не могу согласиться на отправку

посольства в страну, о которой у нас нет вообще никаких сведений. Это слишком опасно и может привести к непредсказуемым последствиям, вплоть до войны!

– Что значит – никаких сведений?! – в возмущении едва ли не зарычал горбоносый. – А то, что именно мои люди на триста *хенов* углубились в эту мертвую степь и, рискуя жизнью, обнаружили их отряд в самом сердце Великой Шири? Значит, мы опять будем подыхать у Мрака в заднице во славу империи, а вы и дальше будете делать вид, что это никому не нужно?

– Достопочтимый Тамето! Мы все здесь очень уважаем и ценим все ваши заслуги, но не стоит и вам забывать о том, что речь сейчас идет о мире и покое на границах нашей державы, а значит, и внутри нее. Я прекрасно понимаю, как бы вы обрадовались любой возможности развязать новое побоище, но только не уверен, что это именно то, что нужно всем остальным жителям нашей империи. И думаю, все присутствующие здесь склонны в этом со мной согласиться.

Взгляд Тамето приобрел уже совсем недобрый оттенок, но, к удивлению Уни, он ничего больше не сказал, а только скрестил руки на груди, как будто выжидая чего-то.

– И правда, Мани, ты нас заинтриговал, но всему есть предел. Я уже слышал десятки аргументов за и против посольства, но для начала нужно хотя бы просто решить, способны ли мы вообще выносить обоснованные суждения по этому вопросу.

Сидящий слева от Дорго зеленоглазый мужчина говорил спокойным, уверенным голосом человека, который не привык куда-либо торопиться и сейчас выступал в роли прокуратора императорской академии, чьей задачей было останавливать ученых мужей, не в меру разгорячившихся в ходе публичных дискуссий. При этом выглядел он заметно моложе всех присутствующих, исключая Уни, лет на тридцать, и обладал на редкость доброй, какой-то отеческой улыбкой, которую парадоксальным образом дарил сейчас отягощенным возрастом и должностями патриархам имперской политики. Он был единственным, кто легким кивком головы ответил на боязливое приветствие юноши, за что тот сразу же проникся к нему симпатией.

– Я, безусловно, не решился бы выносить такой важный документ на ваше обсуждение, не согласовав его предварительно с энелем Дорго. Мы и правда тратим столь много времени на споры о деталях, что мне показалось правильным заранее узнать его мнение и получить необходимые замечания, – по количеству елая голос Ронко уступал разве что самым дорогим гетерам на Риксе. – Вот почему я сразу же, как только был готов трактат, попросил смотрителя Маргио лично передать одну копию моему дорогому другу Лицизию. Надеюсь, – и Ронко трогательно заглянул ему в глаза, – вы уже успели составить собственное мнение о Вирилане? Умоляю, не говорите «да», а то наш милый Форзи на всю жизнь затаит на меня обиду!

Уни с восхищением посмотрел на своего покровителя, хотя взгляды всех остальных тут же быстро переметнулись на Дорго. То ли от такой неслыханной наглости, то ли от фантастической осведомленности оппонента тот буквально застыл с полуоткрытым ртом и какое-то время не мог выдавить из себя ни звука.

– Это так, Лизи? – понравившийся Уни сосед Дорго прикрыл кулаком рот, но глаза его все равно сощурились в усмешке. У него были изумительно гармоничные черты лица, которые так некстати портили предательские морщины на лбу и по бокам носа. – Что же ты все это время молчал? Так ли уж плох на самом деле этот «пьяный трактат»?

Дорго, надо отдать ему должное, довольно быстро пришел в себя:

– Ну, я, безусловно, имел честь ознакомиться с его содержимым. Конечно, сведения, представленные там, заслуживают внимания, хотя, несомненно, не всегда полны и порой слишком запутанно изложены... Я попросил Форзи прокомментировать некоторые детали. Полагаю, он мог бы подробнее ответить на все вопросы.

– Да это просто заговор! – вскочил со своего места разъяренный Тамето. – Владыка милосердный, они нас тут всех за дураков держат! Все знают, Форзи, что ты против этого посоль-

ства, но это еще не повод заниматься грязными интригами и нарушать прямое распоряжение императора!

Форзи чуть ли не зашипел в бессильной ярости, а молодежавый сосед Дорго изобразил на своем лице смесь усмешки и сожаления.

– Да, друзья мои, вижу, что у нас с вами так ничего и не меняется. Ну да ладно, Светило все видит и в конце концов все расставит на свои места. Благодарю тебя, Ронко, ты, как всегда, глубоко проработал вопрос. Вижу, что из присутствующих только я и Тамето еще, похоже, не удосужились прочесть сей мудрый опус. Так что, раз этот молодой человек здесь... как вас, кстати, зовут?

– Уни. То есть Унизель. Унизель Вирандо.

– Унизель. Это... не герандийское имя.

– Да. Меня называли в честь деда по линии матери, а он был родом из Серегата.

– В самом деле? Значит, и в тебе течет кровь великих воинов? Выходит, мы с тобой в чем-то похожи – моя мать тоже была родом из этих земель. Ну так коли ты все равно здесь, может, просто ответишь на наши вопросы?

– Конечно, – Уни на мгновение развел в стороны растопыренные ладони, а потом снова свел их вместе. – Я готов! – сказал он уже окрепшим голосом. – Можете начинать.

Грозный Тамето с трудом спрятал улыбку за своим орлиным носом, а Дорго и Форзи еще не закончили латать дыры на своих масках неприступных и всезнающих сановников. Впрочем, Ронко с готовностью пришел на помощь своему выдвиженцу и первым спросил:

– Напомни нам, пожалуйста, ведь Вирилан, если не ошибаюсь, второе по величине государство после нашей империи?

– Да, и такая точка зрения тоже существует, – настроился на привычный лад Уни. – Дело в том, что, насколько велик Вирилан сейчас, в точности сказать нельзя. Чуть меньше четырехсот лет назад на его территории существовали пять самостоятельных царств, каждое из которых было отнюдь не малых размеров. На западе границы страны проходят по хребту Сандомар Кай, через который есть лишь один проход – легендарный перевал Туэта, погребенный ныне под гигантским ледником. Давным-давно, еще на заре эры вириланов, Волшебный лучник Эневир Ченис в одиночку сдержал там натиск целой армии, которую послали уничтожить монастырь в горах. На севере с Вириланом граничит Великая Ширь, но об этих землях вообще мало что известно. С востока страну омывает Танцующий океан, но из-за бурных течений эти воды непригодны для мореплавания. На юге плещется... хмм, простите – расположено Зеркальное море, на берегу которого построена капоштийская торговая фактория Манибортиш. Через нее идет вся торговля Вирилана с внешним миром, а внутри страны иноземцы не допускаются.

– Ну, это мы и так знаем, – надменно подал голос Дорго. – Ты лучше расскажи подробнее о самой стране, кто там правит, каковы порядки и законы, много ли людей, богатства, какова воинская сила?

– Про воинскую силу давай подробнее! – подключился Тамето. – Я потом добавлю – есть сведения из первых рук.

– Да, конечно, я постараюсь, – попытался не сбиться с мысли Уни. – Итак, порядки в этой земле сильно отличаются от наших. Правит ими мудрый император, постоянно пребывающий в прекрасном дворце и лишь изредка являющий лик собственным подданным. Законы их настолько суровы, что диктуют даже то, как правильно вставать утром с постели. Бежавшие от зверств вириланов в империю несчастные жители истребленных царств рассказывали страшные вещи. Будто бы вириланы никогда не испытывают ни радости, ни печали, не ведают ни страха, ни жалости, не боятся холода и могут неделями питаться лишь собственным дыханием. Говорят, что лица их словно мертвые маски с холодными, как лед, глазами. Некоторые утверждают, что они лишь обличьем люди, а внутри – бездушные и кровожадные демоны! Жители этой страны целиком лишены родительского инстинкта. Детей забирают у них в самом нежном

возрасте, а дальше воспитывают их специальные наставники. И мужчины, и женщины с детства неразлучны с оружием и все споры привыкли разрешать в поединке. На весь Дашторнис известны вириланские мечи, коим нет равных в прочности. Войска их неутомимы и свирепы, а их дисциплина выше всяких похвал. В бою неустойчивы и отважны, никогда не показывают спину и упорно бьются даже против превосходящих сил противника. Верят в чудовищных, страшных богов, которым приносят в жертву детей покоренных народов.

– И часто Вирилан воюет с соседями?

– К сожалению, нам это неизвестно. Поймите меня правильно, мы можем опираться только на хроники Виаду, в которых описывается война Пятого царства. После того как вириланы изгнали со своей земли всех, кто не принял их порядков, никаких сведений о внутренней жизни этого народа более не поступало.

– Я подробно расспросил капоштийских купцов, – пришел на помощь Уни Ронко. – Разумеется, они весьма неохотно делились своими познаниями. Но, как выяснилось, знают они еще меньше нашего. В основном они просто сгружают товар в Манибортише, забирают вириланское оружие и зерно, а потом сразу же возвращаются обратно. Да и сами вириланы бывают в городке не так уж часто. Они с большим подозрением относятся к чужакам.

– Да, конечно, я забыл добавить, – тут же заторопился Уни. – Всех иноземцев они считают как бы второго сорта, относятся к ним с большим презрением, можно сказать, и за людей-то не держат.

– Ну, господа, кто еще желает отправить туда посольство? – и Форзи торжественно оглядел присутствующих. – Совершенно очевидно, что ни на какие цивилизованные переговоры эти варвары просто не способны.

– Не вижу в этом ничего особенного, – взял неожиданно лояльный тон Дорго. – Все варвары считают себя исключительными, но это очень быстро лечится при более близком знакомстве с нашей культурой.

– Но вириланы сами по себе достаточно культурный народ, – вступился за своих подопечных Уни. – Я бы даже сказал, слишком культурный, если брать буквальное значение этого слова. Они настолько учтивы в обращении, что даже... даже нашим правилам придворного церемониала до их манер весьма далеко.

– Я вижу, что молодому человеку сильно вскружила голову сама возможность держать ответ перед столь высоким собранием, – ощутило занервничал Форзи из-за предательской позиции своего друга. – Иначе ему, конечно, не пришлось бы в голову подвергать сомнению принципы высочайшего этикета, тем более в присутствии... К тому же вы лишь мгновение назад утверждали, будто вириланы свирепы и не имеют ни малейшего представления о нормальном общении. А ведь любому образованному человеку должно быть известно, что это есть черта варваров, у которых лишь обличье, как у людей, а сердца – как у диких зверей. Только в великой Солнечной империи, земли которой щедро одарены теплом и заботой Ясноликого светила, рождаются по-настоящему мудрые и учтивые мужи. Те же государства, что лежат на краю земли, страдают от нехватки лучей Дарителя жизни, отчего люди там неотесанны, грубы и склонны к насилию. Там крайне редко можно встретить действительно культурного человека.

– Ну знаешь, Форзи, империя отправляла послов и к варварам пострашнее вириланов, – вмешался Ронко. – Сейчас мы говорим о высоком понятии государственной необходимости, а не пытаемся найти сомнительные предлоги для того, чтобы уклониться от давно назревшего решения.

– Назревшего решения! – не смог сдержать себя Форзи. – Я вам целый час в подробностях рассказывал о том, к каким катастрофическим последствиям это приведет, а ты опять за свое. А что касается государственной необходимости, то имеет ли право говорить о ней человек, помышляющий лишь о наполнении собственных карманов и готовый из-за этого утянуть в пропасть всю империю!

Ронко так же хотел что-то горячо возразить, но тут в разговор вмешался так понравившийся Уни молодой мужчина.

– Вы двое все время норовите превратить совет в какой-то хаос. Если мы собираемся узким кругом, чтобы, забыв о чинах, спокойно обсудить будущее державы, это еще не значит, что мы должны скатываться до базарных распрей. Лучше скажи-ка нам, Уни, – обратился он к вновь оробевшему юноше, – правильно ли я понял, что все наши знания относятся к тому давнему периоду, когда империя принимала беглецов с территории бывших Пяти царств, что стояли некогда на месте нынешней Вириланской державы?

– Абсолютно так, как вы говорите. Именно тогда были записаны те исторические хроники, на основе которых я и подготовил доклад для высокочтимого собрания.

– И вот мы вернулись к тому, с чего начали, – оживился Тамето. – Эта архивная труха не стоит и пучка жухлой травы! А у меня между тем...

– Помолчи, Неций! Тебя мы еще успеем выслушать, – спокойный мужчина слегка подался вперед так, что его изумрудного цвета глаза в какой-то печальной задумчивости полностью сконцентрировались на Уни. – Но в таком случае насколько устарели, по-твоему, имеющиеся у нас сведения?

– Я полагаю, что если и устарели, то ненамного. Видите ли, в чем дело, вириланы – чрезвычайно консервативный народ. Я хочу сказать, что при таком отличном от многих образе жизни судьба не оставляет им иного выхода, кроме как неусыпно хранить традиции, ибо только так можно оставить в неизменности все то, ради чего они с таким упорством сражались. Нет, я думаю, что изменений произошло совсем мало, а если они и были, то лишь в лучшую сторону. Годы мира и неизменности правления смягчают нравы и делают душу народа более податливой для соблазнов извне.

– Вот! – неожиданно прервал его зеленоглазый мужчина. – Ты сказал то, о чем я так долго думал все это время. Заприте наиболее презирающего общество человека в одиночной камере, и через десяток лет он гарантированно сойдет с ума. Но ведь народы – ты ведь сам говорил об этом, Форзи, – они такие же живые организмы, как и отдельные люди. Они рождаются, растут, борются с другими народами за место под солнцем – и точно так же не могут вынести долгого одиночества. Убежден, что Вирилан уже давно созрел для общения с нами. Нужно лишь помочь ему сделать первый шаг, и тогда мы сможем извлечь из этого максимальную пользу для империи.

– Ну разумеется! – обрадовался такой поддержке Ронко. – В результате прямого торгового договора доходы казны могут вырасти практически вдвое. Всем известно, – Ронко вывернул руку ладонью вверх и обвел элегантным жестом присутствующих, – что с каждым годом империя потребляет все больше и больше пшеницы, однако наши внутренние посевы неуклонно сокращаются. Магнаты всеми правдами и неправдами прибирают к рукам крестьянские земли, но затем предпочитают отдавать их под пастбища и виноградники, а не под выращивание зерновых. Мы все больше и больше закупаем пшеницу у капоштийцев, но сами они – лишь перекупщики торгендамского и вириланского зерна. Почему города Капошти до сих пор обладают монополией на торговлю с Вириланом? На каком основании подданные Солнцеликого владыки должны терпеть этих нахлебников-спекулянтов?

– Ну, ты сам знаешь ответ на этот вопрос, – деловито прогудел Дорго. – Вириланы просто отказываются торговать с кем-либо другим.

– А так ли это? – Ронко патетически развел в стороны руки и вопрошающе оглядел членов собрания. – Они тебе об этом сами сказали, да? Я убежден, что единственный способ проверить это – направить в Вирилан посольство и установить прямой контакт с их правителем. Бьюсь об заклад, что и ему будет выгоднее иметь дело с нами напрямую. Капоштийцы наживают на нас миллионы леро ежегодно. Миллионы леро, которых недосчитывается императорская казна.

– Ты недалновиден, Ронко, – и Форзи с жаром оглядел зал, ища поддержки остальных собравшихся. – Чтобы наполнить казну, не нужно отправлять людей на гибель в страну, где правят бездушные демоны. Нам следует навести порядок в нашем собственном доме, обуздать местных магнатов и заставить их нормально платить налоги. А твой план чреват не просто позором для нашего императора, если вириланы откажутся иметь с нами дело. Будут последствия и пострашней. Ты что, думаешь, будто капоштийцы останутся довольны, если ты лишишь их такой доли ежегодного дохода? Да они просто откажутся дальше признавать протекторат империи, вот и все!

– Пусть только попробуют! – угрожающе прогудел Тамето. – Моя конница давно застыла без дела.

– Вот, смотрите! – Форзи с несвойственным для его возраста пылом вскочил с места и указал на полководца пронзительным жестом: – Наши военные постоянно скулят от того, что гражданские власти связали их по рукам и ногам. Представьте теперь, что будет, если дать им волю вершить дела по собственному разумению. Да пойми ты наконец, бронзовая башка, – воззвал он к заскрипевшему зубами Тамето, – что Солнечная империя не может, не имеет права вот так взять и объявить войну кому угодно!

– Эти гражданские сопли совсем застилают вам взор! – Тамето был почти готов взорваться. – Для чего же еще существует армия, как не для того, чтобы хранить единство державы Великого владыки?!

– Ну что ж, если людям военным для понимания очевидных истин необходимо повторять их по несколько раз кряду, то я готов пойти даже на такие жертвы. Солнечная империя держит воедино народы не на страхе, а на осознании взаимной выгоды единого мира, торговли и процветания. Мы провозгласили отказ от грубого принуждения к тому, чтобы быть с нами, и именно благодаря этому народы двенадцати царств избрали Герандию в качестве символа их добровольного объединения. Сколько империй было на этих землях за последние две тысячи лет? И тут же исчезло, да так, что о них никто и не вспомнит. Все они держались на грубой силе, которой покоряются по необходимости, но против которой восстают, как только появляется малейшая возможность. Наша держава, как гранитный обелиск, стоит уже более четырехсот лет и будет стоять вечно, ибо мы впервые осознали, что выгода скрепляет людей надежнее, чем страх наказания. Уясни же наконец, Тамето, что мы не можем вот так взять и напасть на Капошти, даже если они откажутся признавать наше господство. Речь ведь не о варварах, закон по отношению к которым не писан. Это станет предательством всех идеалов нашей империи и сигналом к восстанию в наших собственных провинциях! К тому же капоштийцы могут попросить о помощи аринцилов, которые давно уже с алчностью посматривают на наши земли. Так что ты лучше подсчитай, Ронко, сколько денег мы потеряем в результате откола Капошти и какого союзника в результате мы сами толкнем в объятия нашего самого опасного врага! Нет, уважаемые, посольство в Вирилан – это преступная глупость, способная поставить империю на грань гибели!

Голова Уни пошла кругом от буквально захлестнувшего его потока разноречивой информации. Неожиданно для себя он оказался в самой гуще высокой имперской политики, где решалась не просто судьба одного дипломатического предприятия, а будущее миллионов населяющих страну людей.

«Еще бы разобраться, кто действительно прав, – подумал он. Изначально Уни сам был горячим сторонником посольства в далекие и такие загадочные земли его мечты, но потом после убедительной речи Форзи в душе юноши зародилось сомнение. – Ну скажи на милость, кому верить в ситуации, когда каждая сторона приводит такие глубокие и обоснованные аргументы?»

– Ты, Форзи, послушал бы себя со стороны, – неожиданно тихим голосом возразил Дорго. – Что же это выходит, мы теперь по рукам и ногам связаны собственными вассалами?

И наш Владыка – Ясновеликий господин, державный местоблюститель Небесного престола – и шагу не может ступить, потому что спутан какими-то унижительными обязательствами перед горсткой торгашей, держащей за горло всю империю? Нет, это решительно недопустимая постановка вопроса, с которой я никак не могу согласиться!

– Я внимательно тебя слушал, Форзи, и не могу понять только одного, – зеленоглазый мужчина смотрел на секретаря императорского совета доверительно, почти интимно. – С чего ты вообще решил, что империя нуждается в каких-либо союзниках? Это они должны искать нашего расположения, а не мы униженно стараться угодить им. Ты правильно говорил о замысле Основателя и идеалах нашей Светлодержавной власти. Но мы не должны впадать и в другую крайность – плодить паразитизм и потворствовать иждивенческим устремлениям малых держав.

– Правильно! – воскликнул Ронко. – Коли хочешь пользоваться расположением империи, вступай в ее ряды! Капоштийцы думают, что самые умные. С комфортом устроились на нашей шее, да еще и погоняют! Я бы тоже не отказался побыть таким вассалом. Вся дань, которую они нам платят, возвращается обратно из-за переплаты за вириланское зерно, но и после этого им еще остается полная мошна прибыли! А у нас что? Проценты по займам на зерно для собственных крестьян растут каждый год, крестьяне разоряются и уходят в кабалу к сильным домам. А с них разве налоги соберешь? Каждый правдами и неправдами пробивает себе иммунитет. Еще с десяток лет такой заботы о союзнике, и императорская казна просто опустеет!

– Если говорить о союзниках, то уж лучше обрести их в лице вириланов, – дорвался наконец до своего Тамето. – В степи мои люди смогли лично убедиться в эффективности вириланского оружия. Мы пришли на выручку их отряду, на который напали кочевники. Точнее сказать, хотели прийти на помощь, но они прекрасно управились и без нас. Что и говорить, бойцы они отменные, а оружие... Мне привезли кирасу из кованой бронзы, пробитую с двух сторон. Клинок легко прошел через толстенную грудную пластину, потом сквозь тело, а затем и через пластину на спине! Про силу удара я и не говорю, но что это должен быть за клинок, который не сломался после всего этого?

– Разве ты видел его, Неций, чтобы утверждать? – заинтересованно спросил зеленоглазый.

– В том-то и дело, что да! Видимо, в пылу схватки вириланский воин просто не успел вынуть клинок и вынужден был оставить его в трупе.

– А меня больше интересует, какая сволочь в нарушение закона толкает варварам такие панцири! – проворчал Форзи и красноречиво посмотрел на Ронко, но его уже никто не слушал.

– Как бы то ни было, но события уже развиваются по воле Великого светила, хотим мы того или нет, – поспешил резюмировать затянувшееся обсуждение Дорго. – Империя и Вирилан неудержимо сближаются, и в этих условиях отправка посольства становится лишь делом времени.

– И это время настало! – поддержал его мужчина с зелеными глазами. – Неопределенность не может длиться вечно. Если существует возможность подписать прямой торговый договор, то сейчас наилучший момент, чтобы ее использовать. Если предположить худшее: что вириланцы готовы проявить враждебность, нам также следует знать об этом заблаговременно. Я голосую за то, чтобы незамедлительно отправить посольство в Вирилан с предоставлением всех необходимых полномочий, – и он медленно согнул руку в локте, словно заранее заслоняясь холеной ладонью от шквала любой возможной критики.

Впрочем, особых возражений не последовало. Ронко и Дорго с удивительным единодушием проголосовали «за». Секундой позже к ним присоединился и Тамето, сопроводив это сакраментальной фразой: «Врага нужно знать в лицо, а такой союзник тоже не помешает». Форзи, взглянув на Дорго с холодной ненавистью, отвернулся и тоже нехотя поднял руку.

Ответственным за подготовку миссии был назначен Дорго. Уни весьма удивился этому обстоятельству, но потом вспомнил, что именно он негласно отвечает в империи за международные дела.

– А кого вы рекомендуете назначить на должность посла? – задал вопрос зеленоглазый.

– Полагаю, что лучше, чем Онтий Санери, кандидатуры не найти. Он неоднократно выезжал с миссиями в Мустобрим и к аринцилам, так что с вириланами наверняка также сможет найти общий язык!

Дорго неожиданно быстро вошел в роль организатора, словно сама идея посольства изначально принадлежала ему. Уни даже стало немного обидно за Ронко, так легко оттесненного от мероприятия, которое, похоже, изначально готовилось и пробивалось именно благодаря его энергии и уму.

– Да, я помню его. И правда опытный дипломат. Только вот насчет языка не совсем уверен. Нам ведь еще понадобится переводчик, и желательно не один.

– У капоштийских купцов найдем, тоже мне трудность, – проворчал Форзи.

– Ага, чтобы они переводили смертный приговор для собственных барышей? – вмешался Ронко. – Ну уж нет, здесь речь идет о судьбе империи. Переводчиком должен быть только наш соотечественник, в преданности которого нет никаких сомнений.

– Это он, что ли? – и Дорго мотнул в сторону Уни жирным двойным подбородком.

– Боюсь, у нас просто нет других кандидатур, – со сладкой улыбкой ответил ему Ронко. – И он будет один. Во-первых, чем меньше людей знают о содержании переговоров, тем лучше. Ну, а во-вторых, энель Вирандо здесь по-своему уникален.

– Значит, решено! – улыбнулся зеленоглазый. – Надеюсь, молодой человек, вы осознаете, какая на вас ложится ответственность? Малейшая ошибка или неточность могут привести к срыву переговоров. В худшем случае – к войне. – При этом слове Тамето заметно оживился. – Так что советую потратить оставшееся до отплытия время с максимальной пользой, совершенствуя свои познания.

– Так получилось, что в настоящее время энель Вирандо не может пользоваться фондами нашего архива, – предупредительно вмешался Ронко. – Я думаю, что было бы правильно, наряду с указом о его зачислении в состав посольства, также определить ему чиновничий ранг, позволяющий иметь доступ к любым необходимым для успеха миссии документам.

– Это мы решим, – сухо сказал Дорго. – У меня есть более важный вопрос – каким путем отправится посольство?

– Я предлагаю через северную границу, – произнес Тамето. – У меня есть подготовленные люди, которые выведут на лагерь вириланов. Ну, а те уже проводят в свою столицу. Надеюсь.

– Мне кажется, морской путь был бы надежнее, – возразил Ронко. – Во-первых, в степи небезопасно. Во-вторых, нам все равно необходимо посетить Манибортиш, чтобы получить представление о том, как идет торговля, собрать предварительную информацию. В-третьих...

– По морю – это под носом у капоштийцев! – фыркнул Тамето. – Манибортиш ведь их фактория. Твое предложение просто глупо! – и он в возбуждении мотнул головой в сторону.

– И потом, у нас нет никаких гарантий, что капоштийцы вообще захотят пропустить посольство вглубь Вирилана, – пробормотал Форзи.

– Нет, вы вообще соображаете, что несете?! – зеленоглазый, похоже, резко потерял терпение. – Что значит – не захотят? Капоштийские города заключили соглашение о протекторате с империей! – В запале он вскочил с места и энергично прошелся по комнате, слегка задев плечом не успевшего отшатнуться Уни. – Совсем обнаглели эти торгаши! Нет, мы подпишем прямой договор, подпишем его просто для того, чтобы поставить на место эту алчную, распоясавшуюся мразь! – Таким же быстрым шагом он вернулся на место, резко помотал головой и в ярости сжал тонкие губы.

Уни подумал, что после подобной эмоциональной атаки Форзи будет окончательно сломлен, но тот в очередной раз просто отвернулся в сторону, демонстрируя крайнюю степень безразличия к событиям, на развитие которых уже никак не мог повлиять.

Только выйдя за пределы дворца на знакомые улицы вокруг Дворца тысячи изобилий, Уни смог осознать, что же с ним сегодня произошло. В тот момент, когда он стоял в центре круглой комнаты совета, спасительный поворот судьбы удивительным образом воспринимался им как нечто само собой разумеющееся, словно он наконец очнулся от страшного сна и реальный мир вновь засиял сочными красками майского дня. Вирилан! Вирилан! Это слово эхом отдавалось у него в голове, он повторял его снова и снова, будто не веря собственному счастью. Да, стоило побывать на краю пропасти, почти проститься со всем, что есть в этой жизни, чтобы потом словно в награду за перенесенные страдания открыть путь в страну своей мечты. Мир, такой знакомый и загадочный, известный только по книгам, дополненный силами собственного воображения настолько, что действительность начинает неразрывно сливаться со сказкой.

«Душой и сердцем я уже давно там, – подумал Уни. – Ну а теперь осталось перенести туда свое брненное тело. Подумать только – переводчик посольства! От моих слов зависит судьба империи! Я увижу императора Вирилана, которому подвластны силы природы и божественные стихии. Интересно, он и впрямь бессмертен? Насколько удобно будет спросить его об этом? Ну да ладно, шутки в сторону. Хотя после сегодняшнего я бы уже ничему не удивился».

Уни вспомнил свой разговор с Ронко после выхода из зала совета, и тревожный холодок снова пробежал у него внутри. «Нет, ну сколько можно быть таким растяпой!»

Ронко, похоже, был и вправду несколько расстроен тем, что организацию посольства поручили его политическому оппоненту, однако по-прежнему не утратил своей традиционной веселости духа. Пока они шли длинными коридорами дворца, Ронко немного просветил Уни о нынешней расстановке сил в окружении императора.

– Видишь ли, я не очень-то удивлен принятым решением. В окружении императора есть два типа людей. Первые – те, кто служил его отцу. Например, я, а также Форзи, бывший воспитатель нашего Владыки. Хотя мы с ним далеко не всегда приходим к согласию, но для императора мы старичье, от опеки которого он всеми силами старается избавиться.

– Старается? Разве для него это так сложно?

– А ты как думаешь? Императорский совет фактически управлял страной, пока император был еще слишком молод и неопытен. Впрочем, его величество очень быстро стал показывать норы и тут же вывел из совета тех, кто стал особенно зарываться. Кроме того, он добился включения в состав совета своего личного ставленника. Дорго он зачастую доверяет больше, чем мне, именно по этой причине – потому что тот зависит только от него и не имел радости лицеизреть его детские шалости. Для Форзи же он всегда в чем-то останется ребенком, да и для меня тоже. Знал бы ты, как его это бесит!

– Могу себе представить. А правда, что Дорго когда-то торговал пирожками на улице?

– Хмм! Ну да. Другое дело, что долго он там не задержался, надо отдать ему должное. Сколотил команду таких же торговцев, затем открыл собственную пекарню. К тому времени, как он попал в поле зрения Форзи, Дорго снабжал своим хлебом лучшие дома Триказинцо. Работал с капоштийцами, на вириланской муке себе состояние и сделал.

– Так что выходит, это он Форзи обязан всем, что имеет?

– А то! Но дело ведь вот в чем. Форзи был воспитателем императора, но сам по себе ничего особенного не представлял. Как не представляет и сейчас, если уж совсем честно. У Дорго были деньги, но не было вообще никаких концов наверху. Хлеб-то у него брали, но на том все и заканчивалось. Вот он и решил использовать Форзи в своих целях.

– Но как он приобрел такое влияние? То есть я хочу спросить, как получилось, что чиновники империи пляшут под дудку какого-то пекаря?

– Будь он простым пекарем, ничего бы, конечно, не вышло. Дорго и впрямь весьма ограниченный человек, но он обладает способностью с необыкновенной точностью просчитывать поведение людей. А затем, узнав их истинные потребности и желания, быстро и эффективно удовлетворять их. Сначала он научил Форзи, как правильно использовать его единственный ресурс – доступ к телу властителя. Влияние Форзи резко возросло, но он оказался явно не готов к такой обузе. В результате воспитатель не нашел ничего лучше, как порекомендовать императору непосредственно Дорго. В том, что Владыка сумел в значительной степени освободиться от опеки совета, заслуга Дорго. Вроде бы и не разрушая сложившейся системы управления, он умудрился так перестроить отношения внутри правящей верхушки, что император вновь вернул себе реальную власть!

– То есть вы с Дорго враги, потому что он отнял у вас, людей предыдущего императора, власть и передал ее нынешнему Владыке?

Ронко усмехнулся и скептически посмотрел куда-то вдаль.

– Я всегда знал, что ты умный парень. Иногда даже слишком умный. Видишь ли, кому на самом деле принадлежит власть в империи, не могу сказать даже я. Когда столько разных интересов сплетается в один клубок, ситуация может в любой момент измениться до неузнаваемости. Это ведь только иллюзия, что император всемогущ. На самом деле он буквально связан по рукам и ногам. Мы установили жесткий гражданский контроль над военными, децентрализовали командование, приставили ко всем полководцам надзирателей из Солнечной стражи. В результате вероятность мятежей ничтожна, но реальная боеспособность армии сильно упала. А это означает, что мы уже не можем свободно использовать войска для сдерживания амбиций местных магнатов. Да и с кочевниками тоже приходится искать мира и дружбы. Мы боимся шелохнуться, сделать лишнее движение из-за жуткого страха, что любые изменения приведут к печальным последствиям.

– Но разве все эти силы не уравнивают друг друга?

– О, равновесие – это главный конек Дорго. Это магическое слово, которое открыло ему дорогу во власть. Дорго сплел такие кружева взаимных обязательств, в которых, кроме него, никто разобраться не в силах. Вот он и сидит, как паук в паутине: у одних берет, другим дает, потом наоборот... И все для того, чтобы ни одна группировка – военные, местные магнаты, столичная бюрократия, – упаси Светило, не получила хотя бы временного преимущества. Император без него, выходит, все равно как без рук.

– А разве он сам не боится такого усиления своего фаворита?

– Владыка знает, что, выйди Дорго из милости, мы съедим его быстрее, чем утренняя роса исчезает под солнцем. Нет, Дорго, конечно, весьма могуществен, но положение его крайне шаткое. Временщик, выскочка, одним словом. Пока существует имперский совет, он никогда не сможет обрести реальную власть.

Собеседники остановились возле великолепного музыкального фонтана, исполняющего легкую переливчатую мелодию. Солнечный свет, проходя через цветные витражи на крыше зала, окрашивал струи воды во все цвета радуги, что создавало удивительную атмосферу радости и беззаботного веселья. Ронко вытянул руку и провел ладонью по водной глади, словно проверяя, взаправду это или всего лишь чудесная иллюзия.

– Я думал, он поддержит Форзи, – Уни был полностью захвачен сплетнями о дворцовых интригах и не заметил, что Ронко, похоже, уже слегка утомлен его вопросами. – Вы его буквально стерли в порошок с этим документом! Будет знать теперь, как брать чужое.

– Ох, ну ты и развоевался... А с документом? Да ерунда все это на самом деле. Дорго никогда прямо не выступал против посольства. Он слишком хитер для этого и мгновенно считывает настроение императора. Меня больше удивил Тамето. Сколько его помню еще по войне с торгами, он признает только политику большой дубины! Эти вирилань, похоже, чем-то очень впечатлили его, и не только пробитым панцирем. Мда. Ну ладно, Уни, меня ждут еще кое-какие

дела. Да и твоя безработная жизнь, похоже, завершилась раньше, чем ты мог себе представить. Дорго, может быть, и мутный тип, но свое дело знает. Думаю, в ближайшее время тебя известят о необходимости предстать пред светлые очи главы новоиспеченной дипломатической миссии.

– Огромное вам спасибо, энель Ронко. Если бы не ваша милость, меня... меня вообще бы сейчас не было. Не знаю, смогу ли когда-нибудь отблагодарить вас за доброту...

– Да брось ты. И уясни хорошенько – никогда не преклоняйся перед человеком, если ваши отношения носят характер взаимной выгоды. А ты помог мне гораздо больше, чем можешь себе представить. Впрочем, не стоит тебе сейчас забивать голову – впечатлений и так было через край.

– Позвольте еще спросить вас, напоследок, – и Уни неожиданно сам для себя по-детски всплеснул руками. – А кто был тот четвертый мужчина? Он ведь тоже наш, то есть, простите, ваш союзник?

Во вздохе Ронко одновременно можно было прочесть умиление и легкую усмешку:

– Ну знаешь, Уни, тут ты превзошел даже самого себя! Я, конечно, понимаю, что скромные служители архивной мудрости редко держат в руках золотые монеты, но не узнать Владыку нашего, Солнцеподобного властелина Герандийской империи Кергеня – это уже слишком!

После этих слов Уни смог только широко раскрыть рот и уставиться на Ронко с мольбой о милосердии в жалобных голубых глазах.

– Простите, как же я мог... Я даже не смел подумать, что удостоюсь столь великой чести...

– Ерунда! Все эти пышные ритуалы для развлечения толпы и воспитания знати, чтобы места своего не забывали. По-настоящему важные государственные решения всегда принимаются в ходе свободного обсуждения, где каждый имеет право голоса и возможность отстаивать свою точку зрения даже перед самим императором. А наш совет – это одна большая семья, где все давно друг друга знают, ссорятся, мирятся, интригуют, но все равно упорно продолжают трудиться на благо державы. Если бы я предупредил заранее, перед кем тебе предстоит держать ответ, то, клянусь Светилом, все пошло бы насмарку. Ты бы так разволновался, что просто утратил бы дар речи! Ну да ладно, дело сделано. Иди домой, отсыпайся. Надеюсь, сегодня ты все-таки уяснил, что и абстрактные знания могут быть крайне полезными в этом мире. Да, и не пей больше так много вина! Как носитель государственных секретов ты отныне будешь держать ответ за каждое сказанное тобой слово, – и Ронко, весело помахав рукой, беззаботно скрылся между колоннами.

«Мда, – подумал Уни. – Всего один день прошел, а так оглянешься – на полжизни ощущений хватило. Ну что же, пойду обрадую матушку. В кой-то веки у нее есть повод мною гордиться!»

Глава 5. Необходимые формальности

Если Уни по итогам прошедшего совета считал себя счастливее всех, то здесь он явно ошибался. Лицизий Дорго возвращался к себе в «Кипарисовый рай» в гораздо более приподнятом настроении. По большому счету, ощущение развивающихся в полном соответствии с изначальным замыслом событий было одним из немногих реальных удовольствий, которые он умел получать. Буквально ворвавшись на своей отделанной бархатом колеснице в ворота виллы, он без посторонней помощи и с удивительной прытью вывалил свое тучное тело наружу и без промедления понес его вглубь сада.

– Уже прибыл? – в веселом возбуждении бросил он Жосло, своему управляющему.

– Дождается ваше почтение в Голубой беседке, – вкрадчиво ответил тот.

– Недоволен сильно?

Жосло невозмутимо пожал плечами.

– А разве варвар наделен правом выражать недовольство ясновельможным господином?

– Правильный ответ, – одобрительно прогудел Дорго и, воспарив еще больше, устремился навстречу очередному посетителю.

Голубая беседка получила свое название по двум причинам. Во-первых, вокруг нее, благодаря умелым рукам садовника, цвело немалое количество растений, имеющих голубой или приближенный к нему цвет, как то: голубая жемчужина, бессмертник, бронзовая красавица и вербена. Через месяц в эту компанию должны были также влиться падуб и васильки, однако пока что они лишь ждали своего часа. Во-вторых, стены самой беседки были выложены мелкой голубой мозаикой с изображением волн, лодок, рыбаков и прочих милых сердцу каждого заботящегося о народе чиновника картин из жизни простых людей, кормящихся благами Великой реки. Утонченные улиныцы часто вздыхали о том, что герандийские архитекторы грубо извратили саму идею беседки как легкого, почти невесомого сооружения, призванного оттенить сугубо призрачные границы между миром человека и его природным окружением. Бедняги, они до сих пор так и не поняли, что у имперского стиля свои законы – солидность и монументальность должно приобретать все, чего он только соизволил коснуться.

Протиснувшись вглубь беседки сквозь синие резные дверки, Дорго по-хозяйски стал озираться, ища долгожданного гостя. Но и уютный диванчик, и оба маленьких стульчика рядом

с низеньким столиком для легкой трапезы были пусты, как остались нетронутыми вино и маленькие орешки в застывшем сиропе, изготовленные в качестве сладкой компенсации за долгое ожидание. Дорго от удивления хотел было уже разразиться проклятиями, как неожиданно почувствовал странный холод где-то глубоко в прожилках. Последний раз такое ощущение посещало его лет десять назад, за мгновение до страшного удара кинжалом в ходе очередной драки в портовом квартале. Медленно, словно его ударили и в этот раз, он развернул грузное тело. Сбоку от двери, в тени, на низком табурете сидел завернувшийся в коричневый плащ человек. Его взглядом можно было бы спокойно забить гвоздь в бревно толщиной в руку, и тот бы еще легко вышел с обратной стороны.

– Г-господин посол? – Дорго вдруг понял, что самым примитивным образом теряет самообладание и фактически не способен успешно противостоять тому безмолвному давлению, которое волнами исходит от гостя. – Что же вы... здесь-то вдруг сели?

Выражение лица чужеземца не изменилось ни на секунду. Он напоминал статую какого-то из древних богов Серегата, воинственного и жестокого, разве что скульптор-экспериментатор выкрасил физиономию в медно-коричневый цвет. Большой нос, выгнутый, как у хищной птицы, смотрелся весьма симметрично на гладко выбритом лице с мощными челюстями и упрямым, волевым подбородком. Когда гость выпрямился во весь рост, оказалось, что он чуть выше Дорго, который во дворце слыл великаном.

– Так удобней убить вошедшего, – равнодушно подал голос посол.

Дорго вздрогнул – он вдруг ощутил, будто кто-то в кованых сапогах прошелся у него под черепной коробкой.

– Но мне показалось, что мы встречаемся как раз для другого – чтобы избежать убийств! Прошу, здесь вам будет удобнее, – и Дорго изогнулся в сторону диванчика и столика с яствами.

«Интересно, рискнет ли он сесть на такую хрупкую с виду мебель, – подумал он. – Если замешкается, то смогу отыграть потерянные очки».

Но гость не заставил себя ждать и невозмутимо принял приглашение. Естественным образом стремившийся свеситься вниз длинный плащ беспомощно обмякал на его мощных, округлых плечах, почти на треть не дотягивая снизу до своей обычной длины. Посол выбрал диван, а Дорго не рискнул потеснить гостя со своего любимого места и с трудом уместил себя на одном из стульчиков, придвинув его к противоположной стороне стола.

– Я еще раз приношу свои извинения. Заседание совета затянулось, и я не смог принять вас во дворце, как было обещано. Но это ничего, многие важные дела я предпочитаю решать именно здесь. Вас же свободно провели во внутренние покои императора, и вы, таким образом, смогли убедиться, что степень моего влияния... – Дорго наткнулся на стену отчуждения в ореховых глазах собеседника и осознал, что все эти объяснения тут совершенно ни к месту. – Ну, с этим ясно, перейдем к делам. Мне донесли, что вы представляете хозяина дома Ягуара и имеете все необходимые полномочия для ведения переговоров. Я вынужден задать чисто формальный вопрос, есть ли...

Гость едва уловимо провел рукой над столом, и на нем возник оранжево-черный округлый предмет с хищными проблесками драгоценных камней. Дорго осторожно взял его в руки и повертел перед глазами:

– Личная печать Аринцитека, Свирепого Ягуара, владыки могущественнейшего из домов аринцилов. – Дорго уважительно выпятил вперед нижнюю губу. – Да, приходилось мне видеть ее отпечаток на одном договоре. Солидно, солидно. Ну что же, – и он пододвинул перстень обратно к гостю, – будем считать, что с формальностями улажено, уважаемый посол. К слову, как мне следует произносить ваше имя и титул?

– Господин Ягуар, – весомо подчеркнул гость.

– А-а-а... Хм. Ну, хорошо. Может быть, так даже лучше. Я, как вам, разумеется, известно, Лицизий Дорго. Член императорского совета, блюститель воли Великого владыки в огромном

множестве государственных вопросов, включая и заморские дела. Ни один внешний договор империи не может быть подписан без моего участия. Так что вы со своей просьбой пришли по адресу, уважаемый господин Ягуар.

– Просят – о пощаде! – и посол глянул на Дорго так, что тот невольно отпрянул в сторону. – Желаете продолжения разговора – говорите со мной достойно!

– Д-даа? Ну простите, мне передали, что...

– Империя хочет мира?

– А вы что, желаете назвать свою цену?

– Она вас устроит.

– Господин Ягуар привез нам мир. Но с чего это я должен ему верить?

– У вас нет иного выхода. Четыре дома аринцилов борются за власть. Глава дома Змея Серпинцитль слишком молод и слаб, его можно не принимать в расчет. Правитель дома Крокодила мудр, но увяз в войнах с Мустобримом и не может поднять головы. Кучинкапак из дома Орла храбр и жесток. Воины охотно идут за таким, ибо это – честь. Чтобы собрать аринцилов под своей рукой, он поведет их против общего врага. Этим врагом может быть только империя.

– Складно. Я наслышан о Кучинкапаке. И впрямь безумец полный. Но где гарантии, что Аринцитек будет лучше? И что он сможет одолеть такого опасного противника?

– Аринцитек способен говорить с империей. Доказательство – то, что я здесь. Кучинкапак умеет разговаривать лишь на языке меча. И понимает он только силу. Если у империи достаточно силы, чтобы сломать крылья Орлу, тогда нам нечего больше обсуждать.

– У империи достаточно силы. Но мы не считаем нужным тратить ее впустую. У вас есть что конкретно предложить взамен?

– Вы вступили в контакт с вириланами. Проведите меня к ним. Когда я вернусь, Аринцитек станет вождем всех аринцилов, а империя обретет спокойствие.

От возбуждения Дорго вскочил с места. Стул, на котором он сидел, со стуком грохнулся на мраморный пол.

– А ты неблагодарный человек, Ягуар! Я протащил тебя во дворец не за тем, чтобы ты подслушивал секретные разговоры. Хотя, Мрак меня побери, как тебе удалось это сделать?!

– Мы прощаем нашим женщинам многие дерзости, за которые мужчина давно заплатил бы жизнью, – аринцил неподвижно уставился в одну точку. – Потому что женщина не способна сдерживать собственные чувства. Как ты сейчас. Поэтому я пропущу мимо ушей то, что ты сказал. Воины Неция Тамето тоже похожи на женщин. Они разболтали о встрече с вириланами в степи все и даже приплели кое-что от себя. И их тоже нельзя винить. А от тебя я хотел бы получить четкий ответ на мое предложение.

– Четкий ответ? – Дорго все-таки сел на место, но продолжал нервно водить пятерней по своей бычьей ляжке. – Да это глупость просто! Какой смысл империи пускать своего самого страшного врага в Вирилан? Чтобы вы заключили с ним союз против нас? Нет, ваш правитель явно не в себе или совсем нас за дураков держит! Вот вы лично, господин Ягуар, признайтесь, вам ведь в какой-нибудь портовой таверне небось наплели, что старина Лицизий – круглый идиот, да?

– Вирилан никогда не станет нападать на империю. Им не нужны ни вы, ни ваши земли, ни ваши богатства, – мрачно выдавил из себя аринцил. Было видно, что ему очень не хочется делиться своими познаниями в этом вопросе, но иного выбора просто не было. – Если Герандия установит с ними дипломатические отношения, вы поймете, что я говорю правду.

– Очень может быть, – прищурился Дорго. – Допустим, что вы и в самом деле честны со мной. Хотя, ослепи меня демоны Мрака, я ума не приложу, откуда у вас такие познания. Но каковы тогда истинные цели вашей миссии? Я должен знать это, иначе любые договоренности между нами бессмысленны.

– Это не вопрос политики, – отстраненно произнес аринцил. – Это дело чести! Длинная история. Вам будет трудно понять. Еще труднее – поверить. Цена того, что я сейчас скажу, крайне велика. Это знак доверия к вам и залог нашей будущей дружбы.

– Ах, говорите, – и Дорго томно подпер двойной подбородок своей бесформенной лапой. – Иногда я бываю таким легковым!

Дружелюбный майский ветерок заглянул в беседку через решетчатые ставни, но его деликатные попытки обратить внимание на легендарные красоты герандийского заката натолкнулись на глухую стену равнодушия собеседников. Аринцил говорил неторопливо, и его краткие, емкие фразы удачно сочетались с немного отстраненной манерой изложения. Дорго так и не изменил своего положения, возвышаясь согбенной горой на миниатюрном стульчике и в упор разглядывая своего собеседника. И только хитрый селянский прищур искажал его лицо в те редкие моменты, когда он прерывал посла уточняющим вопросом.

– Все это, конечно, очень любопытно, – в конце концов произнес Дорго и почесал проплешины в волосах. – О многом, разумеется, я и сам догадывался. Мда. Но вот что касается вашего плана, то выглядит он полной авантюрой.

– На том, что вы называете авантурой, уже сотни лет держится могущество аринцилов. Я уже говорил, вам трудно будет это понять. Риск занимает слишком ничтожное место в вашей жизни.

– О, я даже не знаю, кто здесь больше рискует – я или ваш пятнистый повелитель. Хотя я очень хорошо понимаю его в данной ситуации. Он фактически прижат к стенке и хочет теперь и меня сделать своим заложником. Молодец, очень хорошо придумано!

– Личные соображения не имеют значения. Уясните главное – это единственный шанс предотвратить полномасштабную войну между нашими народами.

– Ха, я скорее поверю в то, что волк станет есть траву, а ягненок на него охотиться, чем в миролюбие аринцилов. С другой стороны – и Дорго причмокнул сырыми губами – иногда война с другом может оказаться выгоднее, чем мир с врагом. Ну что ж, позвольте мне поднять тост. Ваше здоровье, господин Ягуар! И пусть каждый истово молит своих богов за успех этого сумасшедшего предприятия!

* * *

– У-уни! Уни! – Севелия Вирандо сложила вместе натруженные ладони и предприняла еще одну попытку докричаться до сына. – Ну что ты как вареный рак переваливаешься? Опоздаешь на свое собеседование – то-то страху будет!

До того момента, как его мать узнала о предстоящем заморском путешествии, Уни полагал, что сие известие ее обрадует. Впрочем, довольно скоро он сумел убедиться, что напрочь лишен каких-либо серьезных способностей предсказывать поведение даже самых близких людей.

Разумеется, эмель Вирандо искренне возликовала, узнав о блестящих перспективах своего единственного сына, которого она не зря на последние деньги пристроила в академию и потом лично следила, чтобы «мальчик хорошо учился». Однако сама мысль о том, что ее драгоценное чадо будет на долгие месяцы оторвано от родного дома, да еще и отправится в страну, населенную не то людьми, не то демонами, ввела Севелию в состояние плохо контролируемой паники, которой она умудрялась заражать всех вокруг. Ее подруги, гарпиеподобные жены лавочников и ремесленной верхушки, втайне завидовали такому «горю» и наперебой расписывали опасности дальних странствий:

– А у нас-то на тот год приказчик отправился за лесом в Торгендам, да и сгинул вконец. Говорят, не то медведь задрал, не то леший унес! А вон о прошлом годе купцы из Аркенчифа, что в Капошти, сказывали, что на большом имперском тракте, в западной стороне, разбойники

людей воруют и продают унгуру, а те их едят! А что эти вирилань подлые выдумают, одному Светилу известно. Купцы шепчутся, что и не люди они вовсе, а мертвецы ходячие. За руку возьмешь – могильный холод! Как такому сына отдавать? Ты бы уж побереглась, соседка! Дитя-то родное, единственное. На своем горбу вырастила, воспитала, а тут... Ох, Ясноликий господин наш, храни вовек от таких напастей!

Севелия уже была сама не рада, что все так обернулось. Она чуть ли не в отчаянии проклинала Ронко, совратившего сына с намеченного пути, Онтия Санери, который, разумеется, будет третировать бедного ребенка, и даже (шепотом) самого императора, у которого не хватило твердости сказать решительное «нет» окончательно выжившей из ума престарелой камарилье. Уни, сжав зубы, почти полдня выслушивал все эти стенания, в очередной раз убеждаясь, что его отточенные аргументы о грандиозной возможности проявить себя разбиваются об элементарное: «Как ты не можешь понять сердца матери!»

В конце концов он не выдержал и сбежал в свой еще такой родной архив, благо, что император лично поручил ему основательно подготовиться к предстоящему путешествию. Что скрывать, пройти сквозь знакомые ворота, выполненные в форме разворачивающегося свитка, стоило Уни немалых душевных усилий. Слишком живы были еще вчерашние впечатления о том, как его буквально за шиворот вышвырнули из этих дверей. Охрану, видимо, уже предупредили насчет него, так что гвардейцы лишь дружелюбно кивнули, словно ничего и не изменилось. Уни с некоторым восхищением отметил про себя, что Дорго, при всей его непривлекательности, способен добиваться выполнения данных ему поручений в кратчайшие сроки, не забывая даже о таких мелких деталях.

Архивные коридоры встретили юношу желанной прохладой и знакомым запахом кожаных футляров для свитков. Попадавшиеся изредка служащие приветствовали его с опасливой вежливостью, из чего Уни заключил, что ветер внутри явно переменился в его сторону. Как всегда, радушным и искренним был только энель Барко, встретивший Уни с распростертыми объятиями.

Новоиспеченный дипломат низким поклоном поблагодарил учителя за науку и пообещал, что не подведет его в ходе своей ответственной миссии. Как выяснилось, в архиве уже успел побывать посланник энеля Форзи, потребовавший от имени его ясновельможного господина проэкзаменовать Уни на предмет знания разговорной вириланской речи, а результат запротоколировать и выслать во дворец. По словам Барко, энель Маргио дал ему особые указания насчет выполнения этого распоряжения, суть которого была весьма простой: престарелый смотритель либо письменно подтверждает полную некомпетентность своего подопечного в языковом вопросе, либо катится из архива на все четыре стороны.

– Они не посмеют! – закричал Уни. – Я все расскажу энелю Ронко. Это не просто подлость, а прямое нарушение воли Лучезарноподобного владыки!

– У-у-у! Подлость, говоришь, нарушение. Воля, говоришь... А что им эта воля твоя, скажи на милость? Все же прекрасно знают, кто сейчас правит во дворце. Вот, помню, старый владыка... Да, он был суров, но и нравы при нем были совсем другими. Такого безобразия и представить было невозможно! А новый император другой. Нет, он не плохой, очень умен. Еще когда рос, говорили – такой добрый мальчик! А возмужал – и что толку? Мягок, ленив, зависим от мнения советников и перемен настроения. Думаешь, ему есть дело до каких-то там ничтожеств вроде меня? Да он забудет об этом на следующий день, даже если твой Ронко и правда осмелится замолвить за меня словечко. Но он, безусловно, отличный император по сравнению с теми чудовищами, которых империя повидала на своем веку. Правление его величества Кергения будут вспоминать как «золотой век», да! Разве раньше было столько свободы? Каждый творит что хочет, словно нет ни императора никакого, ни Светила всевидящего над головой. Но что толку? Свободе радуются слабые, но выгоду с нее получают только сильные. Вот я, например. Архив – это мой дом. Выпусти меня на свободу – так я и помру в тот же день.

Нет, слабым свобода ни к чему, она для них обуза. Сильные все прибирают к рукам, и тогда наступает такая несвобода, по сравнению с которой старые времена кажутся раем!

– Энель Барко, да я... я... не позволю вас даже пальцем тронуть! Я сейчас вот лично пойду во дворец, брошусь в ноги... нет, я потребую, я скажу... что если с вами хоть что-то случится, то я просто откажусь ехать в Вирилан. Вот прямо так и заявлю! Не буду им ничего переводить, пусть выкручиваются как хотят. Нет, ну это же непостижимо, никакого уважения к возрасту и вашим заслугам, какая наглость! – Уни вспомнил высокомерную рожу Форзи, не соизволившего даже заметить его на совете, и от того ему стало вдвойне больно и обидно.

– Спасибо тебе, мой мальчик! – сердечно растрогался старый смотритель. – Я уже так сжился с этим клоповником, что совсем не представляю своего дальнейшего существования без него. Видит Светило, я и помру здесь, в этих стенах, вот на этом вот самом месте. И не бойся за меня, ничего они мне не сделают, как бы ни старались.

– Как же так?

– А вот так. Не пристало мне чего-либо бояться, в мои-то седые годы! Да и они... Что они вообще могут? Только орать, пугать, а сами как слизни скользкие, душонки темные, трусливые. Послал я этого Маргио далеко и надолго. Сказал, что может меня прям сейчас взять и прирезать здесь, а такой мерзости от меня не дождется.

– А он что?

– А что он? Завизжал весь, слюна только не капает. Выругался грязно, его и след простыл. Да не переживай ты так, Уни! Все будет хорошо. Давай лучше отметим твое назначение, – и Барко достал из потаенных запасников шершавый на ощупь кувшин особого «библиотечного» вина.

Этот благородный напиток смотрители чуть ли не веками аккуратно «забывали» где-нибудь в глубине особенно непроходимых полок, так, чтобы лишь далекие потомки смогли найти этот «подарок из прошлого», к вящей радости подросшего поколения архивной братии. Как правило, обнаружение такого вина становилось особым праздником на фоне бедной яркими событиями жизни смотрителей, и тем радостнее было торжество, чем древнее была находка. Старожилы утверждали, что архивная пыль придает вину такую силу, что оно буквально сбивает с ног от одной чашки, а выпивший его первым сможет впитать в себя мудрость тех рукописей, в окружении которых оно было найдено.

Уни сперва пытался было отнекиваться, объясняя, что официально указ о его зачислении в состав посольства еще не вышел и предстоит сложная встреча и собеседование с главой миссии. На это Барко с озорной старицкой искрой в глазах пояснил, что вино особое, найденное аккуратно между вириланскими свитками, так что Уни необходимо его выпить, чтобы завершить наконец полный курс обучения этому сложнейшему языку. А если он от сей процедуры откажется, то Барко просто не будет иметь никакого морального права отдать ему рекомендательное письмо для энеля Санери, чтобы у того пропали даже малейшие сомнения относительно познаний его нового подопечного.

Уни захотелось обнять старого учителя, но сделал он это только на прощанье, когда большая часть кувшина уже перекачивалась в его желудок. Барко, как всегда, пил мало, так что Уни вовсе не удивился тому, что редкое по своей крепости вино так долго оставалось нетронутым. В откровенном разговоре старик поведал ему, что увидеть Вирилан было его светлой мечтой, которой он был увлечен с детства, а позже умудрился передать и своему ученику.

– Мы, наверное, и не встретимся с тобой больше! – растроганно сказал Барко напоследок.

– Ну что вы, учитель, вы еще всех нас переживете! И куда бы я ни поехал, где бы я ни был, вы всегда будете со мной, в моих знаниях и моем сердце!

Пожилой смотритель проводил своего преданного ученика до самого выхода.

«А правда, увижу ли я когда-нибудь еще это место? – подумал Уни. – Эх, как знать, лишь одному Солнцу известно».

Он ощущал легкую, но не проходящую грусть и только сейчас стал понимать, как же много хорошего, близкого, своего он оставляет в этих холодных стенах.

– У-уни! Уни! Тебе еще нужно надеть парадную палму и уложить волосы! Ну шевелись уже, хочешь меня осрамить, что ли?

«Да иду уже, иду, – мысленно откликнулся он. Похоже, что вино вдумчиво, но неуклонно делало свою работу. – О животворящие лучи Светила небесного! Я ведь и выпиваю-то от силы пару раз в год, но зато как удачно всегда умудряюсь выбрать момент! Только бы в этот раз избежать скандала!»

* * *

Скандала избежать удалось. В присутствии матери Уни держался молодцом, а добравшись до виллы своего будущего начальника, так вообще полностью пришел в себя. Он нежно улыбнулся мраморной статуе дриады у фонтана и приветственно помахал рукой каменным львам, охраняющим вход.

– Интересно, чем их здесь кормят? – вслух озадачился юный дипломат и украдкой почесал за ухом одно из чудовищ. Лев оказался дружелюбным, но прохладным на ощупь, и это окончательно укрепило Уни в мысли, что кормят зверей, судя по всему, неважно.

«Главное – не стать их пищей по результатам собеседования», – подумал он и смело зашагал по просторному коридору навстречу своей судьбе.

А судьба эта, судя по открывшимся вокруг видам, манила совершенно удивительными перспективами. Дом равновельможного советника Онтия Санери представлял собой настоящий склад всяких чужеземных древностей, своего рода уникальное сочетание музея и той части полевого лагеря имперской армии, в которой обычно скапливается военная добыча для последующей дележки между всеми воинами. Впрочем, ни сочными цветными картинами редких художников Мустобрима, ни громадными литыми аринцильскими сосудами размером с быка хозяин помещения делиться ни с кем не собирался. Последние, кстати, по слухам, использовались для того, чтобы аринцильские вожди имели возможность принять теплую, дымящуюся ванну из крови только что убитых врагов. Уни пришла в голову крамольная мысль, а не использует ли сам Санери сей сосуд по прямому назначению? Глупость, конечно, однако будь на его месте Маргио или Форзи, юноша бы точно не удивился.

Слуга медленно открыл перед Уни громадные двери с несколько грубоватой резьбой в виде выпуклых бляшек круглой формы. Юноша узнал торгендамский стиль: «Не иначе как знаменитый каранхамский дуб. Как же это все волокли-то оттуда?»

– Вельможностремящийся муж энель Унизель Вирандо! – торжественно прозвучало почти под ухом. Уни вздрогнул и только через пару мгновений осознал, что уже повышен аж на два придворных ранга в запутанной иерархии чинов империи.

Из комнаты что-то каркнуло, и слуга сдвинулся в сторону, приглашая Уни предстать перед новым начальником. «Мда, и с этим человеком мне придется день и ночь пребывать минимум полгода. Хорошо бы сработаться, причем лучше всего – сразу. Итак...»

Человек за низеньким столиком обладал мелкими, неприятными чертами лица, да и сама его физиономия была вытянута, словно отражалась в кривизне дешевого зеркала. Скрипучий голос недовольно возвестил о том, что вошедший может приблизиться.

«Ничего себе дипломат! – подумал Уни. – Светило меня подпали, а я-то ведь по наивности думал, что все они на редкость приятные люди, способные очаровывать буквально с полуслова».

– Можете сесть, – чуть ли не через губу прошипел вытянутый мужчина, весь поглощенный чтением каких-то документов. – Изучаю тут ваше дело – ни черта не понятно! Эти гра-

мотеи в канцелярии, как всегда, все перемудрили. Так что будет лучше, если вы сами о себе немного расскажете.

– Да? Ну, что же тут рассказывать, – все происходящее вдруг показалось Уни каким-то плоским и глупым. – Родился в Яснодержавной столице в 379 году Солнечной эры. Окончил имперскую академию по курсу словесности. Работал в его Солнцеподобного владыки архиве помощником старшего смотрителя в Отделе чужеземных манускриптов...

– Не грузите меня ненужной шелухой! Если вы и переводить так начнете, вплетая отсечку, скажу вам сразу – нам такие переводчики не нужны.

– Да? А какие нужны? Вы мне наперед скажите, я пойду за угол поищу, – неожиданно услышал собственный голос Уни и слегка ошалел от такой наглости.

– Молодой человек, по-моему, вы несколько забываетесь! Чего-чего, а воспитания вам явно не хватает. Вы ведь не будете спорить, что для дипломата учтивость должна стоять на первом месте. Впрочем, я смотрю, вам просто не к кому было обратиться за уроком достойного поведения. Да, да, – горестно покивал головой вытянутый, – росли без отца, ясное дело. А был ли отец, кстати? Тут о нем что-то почти ничего не сказано.

– Мой отец был... воином! – резко выпалил Уни. – И погиб он на северной границе, защищая от варваров разного рода неучтивых личностей, что теперь с такой помпезностью поучают жизни его единственного сына. Если я ваш переводчик, это вовсе не означает, что я тут на положении слуги, ясно? Вам, в отличие от меня, есть что терять, и если я захочу, то устрою такую пакость, что сорву все посольство, а отвечать за это будете вы! Я доступно излагаю?

«О Солнце! – подумал Уни. – Неужели это я такое мог сказать? Нет, мне определенно нельзя пить. Я не просто смелею, я теряю всякий контроль. И что я только несу? Он же мне теперь такую жизнь устроит! Опять прокололся, и снова в самом начале. Нет, просто остолоп, дурак, так ничему и не научился!»

Накативший страх заставил Уни существенно протрезветь, и он сжался всем телом в ожидании начальственной кары. Но результат его опрометчивых действий был совершенно иным. Вытянутый вцепился в свой стол так, что кончики его смуглых пальцев побелели.

– Искренне прошу простить меня, энель Вирандо! Я вовсе не хотел обидеть ваших уважаемых родителей. Продолжим наше общение в радостной гармонии. Не будете ли вы так любезны ответить еще на несколько моих вопросов?

«Надо же, сработало!» – расслабленно усмехнулся в душе Уни.

– Конечно, отвечу, – вслух сказал он. – Я ведь для этого и прибыл в это прекрасно-изобильное жилище, – решил он компенсировать свою недавнюю атаку.

– Очень хорошо. Итак, с вашим благородным батюшкой мы разобрались. А матушка – Севелия Вирандо – сейчас состоит в радостном владении трактиром «Счастливый конек», я правильно понимаю?

– Абсолютно. За исключением того, что это не трактир, как вы изволили выразиться, а гостиница, – не самая худшая в нашем лучезарном городе.

– Да, разумеется, простите. Идем далее. Репутация. Очень болезненный вопрос, я вам скажу. Для дипломата умение держать себя – превыше всего! Вы же не себя будете представлять, а всю страну, самого Великого владыку, понимаете?

– Не пойму, к чему это вы клоните.

– Не поймете? Спрошу конкретнее: выпить любите?

– А что, по мне заметно?

– Нет, ну я не специалист в такого рода вещах. Однако ж про вас пишут, что имеете склонность к попойкам и учинению погромов. А вот это уже с точки зрения дипломатии настоящая катастрофа.

– Вы не один в курсе моих так называемых «погромов». Императору тоже успели доложить.

– В самом деле? – лицо мужчины вытянулось еще больше. – И что же потом?

– А потом он прислал меня сюда, чтобы вы познакомились со своим новым переводчиком.

– Мда. Ну ладно. Хм. Также несколько смущает ваш предыдущий опыт работы. Участие в дипломатических миссиях – нет. Очень, очень плохо. Я даже не знаю. А языки? Насколько хорошо вы владеете вириланским?

– Вот рекомендательное письмо от старшего смотрителя Отдела чужеземных манускриптов знеля Барко. Это лучший в империи специалист по этому вопросу.

– Ага! Рекомендация. Это уже кое-что. Так, смотрим: «Весьма знающ, глубоко освоил словарный запас... также владеет и устной речью... мой лучший и единственный ученик». Ну, с этим понятно. А почему нет личной печати начальника архива? Ну, милый мой, вы же не новичок в делопроизводстве. Претендуете на солидную должность, а сами не выполняете элементарнейших правил!

– Вам рекомендации советника Ронко мало? Утвержденной самим императором?

– Ну послушайте, это ведь к делу-то не подошьешь! Мало ли кто кому что хорошего сказал? Всякое бывает. Владыка наш светоподобный, да пошли ему Небесный повелитель здоровья и счастья на многия века, тоже ведь бывает в хорошем настроении, а потом и передумать может... А бумага, знаете ли, надежнее...

– Вы что же, всерьез полагаете, что я вас обманываю?

– Ни в коей мере! Просто хочу объяснить, что дело не такое простое, как это кажется со стороны. Нарушен ход административной процедуры, а вопрос-то крайне ответственный. Кому теперь выправлять ваши ошибки? Мне этим прикажете заниматься?

– Ну, знаете... Если все дело только в этих процедурах, то я и сам могу. Скажите только, что надо.

– Вот, вот... Теперь и вы понимаете. А требуется ведь совсем мало. Тем более у меня к вам искренняя симпатия. Приличный молодой человек, рос без отца, сам пробивал себе дорогу в жизни... Совестно заставлять вас бегать собирать все необходимые документы. Так что если вы просто компенсируете соответствующие затраты на указанные административные действия, то...

– Что?! – Уни казалось, что на него вылили ушат холодной воды, причем под утренние заморозки. – Вы, посол его Светлейшества, предлагаете мне, своему переводчику, дать взятку за оформление документов?

– Посол? – вытянутый впервые уставился на него огромными глазами, словно моллюск из раковины выглянул. – Ой, не смешите меня! – и он вдруг мелко захихикал. – Да с чего это вы решили, что равновельможный советник Санери лично опустится до беседы с вами? Вы же переводчик, можно сказать, все равно что технический инструмент или иной полезный предмет навроде рубанка. Когда вы нужны – вас используют, когда нет – лучше вам без нужды не отвлекать сиятельных персон от важных занятий!

– Что? Я – рубанок?! Ну, знаете, я сюда не за оскорблениями пришел! И кто вы вообще такой, чтобы я с вами общался? В предписании мне было ясно сказано: явиться для засвидетельствования перед сиятельным ликом посла. Вы посол? Нет. Отдайте сюда мои рекомендации! Пока не увижу знеля Онтия Санери, не уйду из этого дома. Сейчас у него не может быть дел важнее, чем встреча со мной!

– Молодой человек совершенно прав, – приятный баритон заставил Уни обернуться.

Вошедший был чуть выше его ростом, с небольшим брюшком, но его серые глаза светились удивительно спокойной и даже, – чему Уни подивился вдвойне, – действительно искренней улыбкой.

– Прошу простить мое небольшое опоздание, – между тем продолжил посол. – Я как раз выверял списки нашей миссии, и потому Гроки сделал мне одолжение и развлек вас этой непринужденной беседой. Надеюсь, он был не слишком... навязчивым? – и улыбка Санери стала еще более медовой.

– Нет-нет, что вы. Все... было просто блестяще, – только и промолвил Уни, пытаясь изобразить приличествующий такому случаю реверанс.

Санери легко ответил ему в чуть менее изощренной манере, – в полном соответствии с придворным этикетом.

– Может быть, нам удобнее будет поговорить вот в этой комнате, – и он пухловатой ручкой указал на дверь, из которой только что вышел. – Прошу вас, проходите, пожалуйста.

Уни смутился и, только войдя в новое помещение, вспомнил, что ему следовало бы сперва предложить хозяину пройти первым. Но Санери не обратил на это никакого внимания, проворно затворил двери и жестом пригласил гостя присесть на брошенные посреди шикарного красно-желтого ковра подушки.

– Вы знаете, в Мустобриме полагают, что все эти стулья только отдаляют собеседников друг от друга. А ведь в первую встречу так важно установить контакт...

– Да, разумеется, – Уни рассеянно оглядывал обстановку, отметив про себя простую белую штукатурку стен и небесно-голубую роспись на потолке. Посредине комнаты стояли четыре деревянные колонны, покрытые фигурной резьбой. Элегантные резные ширмы между ними образовывали небольшое уютное пространство, а полки внутри служили одновременно и столиками для беседующих гостей.

«Мустобримская архаика! – мгновенно определил Уни. Когда-то давным-давно он читал о чем-то подобном в одной из старых книг. – Не хватает только оружия на стенах. Хотя нет, вот парочка кинжалов. Простенько и со вкусом».

– Высокочитимый энель Санери, для меня будет превеликой честью работать с вами во имя процветания нашей империи и ее Великого владыки! Позвольте в трепетном почтении вручить вам эти рекомендации, в которых содержится подтверждение...

– А-а-а, бросьте! – небрежно махнул рукой Санери, умудрившись одним жестом отстраниться от предлагаемого свитка и пригласить Уни присоединиться к нему на подушках за ширмой. – Время только терять на эти формальности! Вас же утвердил сам император, да и другой кандидатуры со знанием вириланского у нас все равно нет. А раз так, будем работать вместе, это вопрос решенный. Я ведь не за этим вас пригласил, энель Вирандо. Хотите чаю?

– Благодарю вас, не откажусь. Можно просто Уни. Так зовут меня все мои друзья.

Санери понравился молодому переводчику сразу и безоговорочно. Он вообще не чувствовал, что имеет дело с вельможей, более высоким по рангу. Новый начальник оказался совсем не страшным. Наоборот, его крупная голова с отчетливыми залысинами и слегка оттопыренные маленькие уши делали его даже немного забавным.

– Говорят, что вино – напиток мудрецов и вкушающим его приходят высокие мысли, – рассуждал Санери. – Но не верьте! Чай – вот та чудесная влага, что приобщает человека к самым высшим тайнам бытия. Мустобримцы пьют его безо всяких трав, но очень горячим и с большим количеством сахара. Дорогое удовольствие, но оно того стоит. Прошу, попробуйте, вам понравится!

Моду на чай принесли в империю капоштийские купцы, однако родиной этого редкого напитка была Страна Единого бога. Именно там самые крепкие его сорта изначально нашли применение у фанатичных монахов как средство для всеобщего бдения и сохранения бодрости духа в ходе многодневных непрерывных молитв. В свое время Севелия Вирандо дико возмущалась тем, что капоштийцы навязывают добрым герандам свои извращенные вкусы исключительно для того, чтобы потом наполнить свои бездонные кошельки. Теперь Уни не сомневался, что его новый начальник, очевидно, внес не последний вклад в дело обогащения

капоштийской нации, цепко держащей в своих руках всю чайную торговлю, включая и розничную продажу этого напитка в империи. Тем не менее юноша с благодарностью взял двумя руками плоскую, как тарелка, пиалу и впустил в себя дымящуюся жидкость, оставлявшую во рту незнакомый, но такой характерный привкус.

– Чудесно, чудесно! – вежливо поблагодарил новоиспеченный переводчик.

– Я восхищен тем, как вы быстро усваиваете чужеземные обычаи, – заботливо похвалил его Санери. – Из вас, очевидно, получится отменный дипломат. Мне ведь сказали, что вы не только переводчик, но и вообще – большой знаток Вирилана?

– Чрезвычайно лестно слышать такую оценку моих скромных талантов.

– О, тут нет никакой лести. Поверьте моему опыту, знание обычаев и традиций народа – это ключ к его сердцу. И гарант неминуемого успеха в переговорах. Все варвары, да и вообще любые чужеземцы, склонны доверять лишь тому, в ком видят подобного себе. Без этого все пойдет насмарку. Любые доводы, искусно построенные фразы, лесть, дары – все окажется бесполезным, если не удастся стать другом тех, с кем ведешь переговоры. Это первое правило имперской дипломатии. А вы-то думали, что я, чудак такой, очумело собираю заморские вещицы, что это у меня блажь такая?

– Нет, что вы...

– Да ладно, все так полагают! А между тем предметы, которые вы можете увидеть в моем доме, играют крайне важную роль во всех моих миссиях. Вы знаете, почему у меня до сих пор не было ни единого провала? А я вам скажу. Это все они, – и Санери широко повел рукой вокруг. – Да, да. Все эти вещи – мои лучшие помощники в нашем нелегком деле. А как иначе, позвольте спросить, я еще смог бы так глубоко вжиться в чужую культуру? Надо ведь не просто знать, что думает твой партнер. Нет. Это главная ошибка всех дипломатов – пытаться все просчитать, словно люди – это какие-то фишки в настольной игре. Люди, даже самые влиятельные, прежде всего живут чувствами, эмоциями, образами, верой и много еще чем... нерациональным по сути. А это образует такую смесь в каждом из народов, что лишь Светилу милосердному дано знать об всем!

– Простите, вы хотели сказать, что эти вещи помогают вам вжиться в образ представителя каждого из тех народов, с которыми вы вели переговоры?

– Вот именно! Вы никогда не поймете, как думает торг, если сами в жизни не ощущали пальцами шкуру дикого зверя, которого он только что завалил своими руками. Невозможно понять образ мысли мустобримца, если вы ни разу не пробовали чая. Я уж не говорю про аринцилов... Хм, ну да ладно. Вы поняли меня с полуслова, и я воспринимаю это как залог нашей плодотворной работы в дальнейшем.

– Я сделаю все возможное, чтобы не разочаровать вас, будьте уверены!

– Не сомневаюсь ни на мгновение, что между нами установятся весьма доверительные отношения. Вы ведь никогда не участвовали в посольствах раньше, да? Ну, не пугайтесь – все когда-нибудь делали это в первый раз! Вот я о Вирилане не знаю практически ничего. Так что это вы будете моим учителем в данном вопросе.

– Ну что вы...

– Нет-нет, я не оговорился. В вашу задачу будет входить не только перевод. Есть и еще одна важнейшая работа – беречь всех нас от случайных ошибок.

– Вы хотите сказать...

– Ну, разумеется! У каждого народа есть свои неписанные нормы поведения. Всякого рода запреты, нарушение которых может быть естественным для чужеземца, но считаться преступлением для коренных жителей. Вот недопущение подобного рода эксцессов и будет вашей прямой обязанностью.

– Я понимаю. Кроме меня ведь этим просто некому будет заняться...

– Совершенно верно. Так что не буду лишний раз утомлять вас рассказом о том, какой груз ответственности ложится на ваши хрупкие плечи. Скажу лишь, что вам фактически предстоит быть в каком-то смысле моим вторым «я».

– Понимаю. Все это так... потрясающе... и неожиданно... Вы слишком добры ко мне, энель Санери!

– О, да вы не боитесь трудностей! Искренне надеюсь, что это следствие силы вашей молодой натуры, а не легкомыслия и отсутствия жизненного опыта. Что касается моего доверительного тона... А это еще один неписанный закон дипломатии. Все посольство должно действовать как один человек. Личные амбиции, обиды, чины и прочие регалии – все это нужно решительно оставить здесь, дома. Все мы обязаны помогать друг другу и согласованно работать для успеха нашего общего дела.

– Это так благородно, энель посол!

– Да что вы, при чем тут возвышенные порывы? Речь идет о выживании, мой друг. Вы вообще представляете себе, что такое посольство? Пара дюжин мужчин, вырванных из лона родной страны и заброшенных судьбой и чувством долга в далекие, часто враждебные земли. Одна дорога занимает многие месяцы, и все это время вы каждый день будете видеть одних и тех же людей. Представляете? Уже на вторую неделю мы все жутко устаем друг от друга. Малейший конфликт – это искра, способная сжечь все дотла. А тут еще и опасности, разбойники, холод или, наоборот, изнуряющая жара, чужая еда, болезни... и постоянная головная боль об успехе миссии! Это здесь, в нашей тихой столице, мы элегантно кланяемся равным по чину и в упор не видим тех, кто стоит ниже. А на чужбине последний слуга может спасти тебе жизнь в минуты опасности или, наоборот, протянуть руку помощи мгновением позже, когда от этого уже не будет никакого проку! Конечно, иерархия будет сохраняться, но излишние церемонии и мелкий снобизм лучше оставить дома. Или побережь для переговоров – там вы успеете пресытиться всеми этими деликатными обращениями!

– О да, вы говорите о таких важных и полезных вещах! Со своей стороны отмечу, что все мои друзья и сослуживцы всегда считали меня крайне дружелюбным и уживчивым. Ручаюсь, что не доставлю ни вам, ни кому-либо другому особых хлопот. Я всей душой стремлюсь к успеху нашей миссии и, клянусь Ясноликим светилом, сделаю для этого все, что в моих силах!

– Очень хорошо, юноша, я нисколько в вас не сомневаюсь! Мне приходилось иметь дело со многими людьми, и поверьте, я вижу и ценю вашу искренность. Мне будет приятно работать вместе с вами. Отправляемся через пять дней, так что советую как следует подготовиться.

– Пять дней? – невольно вырвалось у Уни.

– Да, меня и самого немало удивили такие сроки. Но вы же, как говорят, присутствовали на совете и должны знать о всех сопутствующих обстоятельствах...

– А-а-а... Разумеется. Вопрос государственной необходимости здесь налицо!

– Ну раз так, не будем терять времени. О дате и месте проведения торжественной церемонии вам сообщат дополнительно. Увидимся во дворце, энель Вирандо!

Посол любезно проводил его до самого выхода.

«Какой на редкость милый человек! – подумал Уни. – Словно я и не подчиненный его, а как минимум равен по должностному положению. Вот что значит настоящий дипломат, а не эти надутые пупсы из канцелярской бюрократии!»

Подогревая себя такими мыслями, он чуть ли не вскачь поспешил к дому, по ходу обдумывая подготовку к отъезду. «А за день до всего нужно будет хорошенько отпраздновать это событие. Или лучше – за два дня. Не хватало еще на церемонию прийти с похмелья. Нет уж, в этот раз такие штучки со мной не пройдут. Отныне вино в моей жизни будет только предвестником радости. Закачу гулянку и похороню “малыша Уни” навсегда. Пусть все увидят, каких высот я способен достичь в этой жизни!»

А между тем, проводив Уни, энель Санери вернулся к себе в кабинет в гораздо менее беззаботном расположении духа. Секретарь Зимий Гроки ждал его с плохо скрываемым нетерпением, теребя в руках какой-то увесистый свиток.

– Ну и что ты думаешь об этом «подарке»? – с ходу задал ему вопрос начальник. Любезная улыбка враз слезла с его лица, и даже оттопыренные уши скрылись в тени.

– Он самоуверен, энель посол. Даже слишком, должен вам сказать. Если хотите знать мое мнение, то по молодости он просто выдал себя с головой!

Санери хмыкнул и подошел к большому резному окну, выходящему в маленький внутренний дворик. Разноцветные рыбины лениво перебирали плавниками в мутной воде декоративного прудика, заключенного в объятия светло-коричневого вуравийского камня. Тени от гордых кипарисов делили пруд на несколько разновеликих участков, границы между которыми, впрочем, презрительно игнорировались его флегматичными обитателями.

– Так, значит, ты все-таки полагаешь, что сей неопытный юноша с глазами трепетной девушки – персональный шпион Ронко?

– Лично у меня не осталось в этом никаких сомнений! Расчет очевиден: у Ронко не было возможности провести на должность посла своего человека, но переводчик, при известных условиях, тоже может оказаться ключевой фигурой. Через него ведь можно не просто быть в курсе всех деталей переговоров – он способен повлиять на их результат! И я более чем уверен, что он уже получил соответствующие инструкции. Говорят, что Ронко был категорически против второго переводчика, что противоречит всем правилам дипломатических миссий.

– Мда. Не думал, что меня будет держать за жабры какой-то мальчишка. Хотя, вполне возможно, мы все же преувеличиваем исходящую от него опасность. На меня он не произвел впечатления слишком уж искушенного в интригах человека. Отсутствие опыта, возраст...

– Мне больно видеть, как вы пытаетесь усыпить бдительность какого-то юнца! Даже с учетом всего, он определенно не стоит такого внимания.

– В тебе говорит ревность, Гроки. А? Ха-ха. Нет, этот мальчик будет очень важен в предстоящей игре! Очень важен, я чувствую это. Ронко хочет использовать его? Прекрасно. А если я сам использую его против Ронко?

– Вы полагаете это возможным?

– А почему нет? Такие мягкие люди очень хорошо поддаются влиянию. Они не любят, когда на них давят, но в дружеском общении зачастую готовы раскрыть собеседнику душу. А Ронко будет уже далеко и не сможет вернуть своего протеже на путь истинный. Он задумывал это посольство как свой триумф, а получит совершенно обратный результат. Ради такого не жалко ломать комедию некоторое время.

– Лицизий Дорго в очередной раз будет очень доволен вами. Может быть, вас даже поставят во главе Посольской палаты!

– А вот это вряд ли! Дорго держит там Есения Хамри, эту старую жабу с протухшими мозгами и полным нежеланием заниматься своими прямыми обязанностями. Говорят, его даже не было на заседании совета по посольству – опять мучили боли в сердце. Зато Дорго сам вершит нашу внешнюю политику, не неся при этом никакой формальной ответственности. Нет, от такого ценного персонажа он не избавится! Не дурак ведь, понимает, что я вмиг пресеку всю эту его вольницу.

– И тем не менее вашему плану могут воспрепятствовать другие люди Ронко в посольстве.

– Если бы только люди Ронко... Ты бы знал, сколько сановных особ лично просили меня протолкнуть туда своих ставленников. Светило благое и щедрое, скоро за должность носильщика будут предлагать взятку, как за назначение на пост смотрителя гильдии! Сколько лет я служу императору за пределами его владений, но первый раз сталкиваюсь с таким ажиотажем вокруг формирования штата миссии!

– Говорят, в этот раз слишком многое на кону. Торговый договор слишком жирный кусок, чтобы не возбуждать аппетита!

– Да уж... Только как мне справиться с этим серпентарием, где ставленники различных групп будут раскачивать лодку в разные стороны, ума не приложу!

– Вам уже известно имя второго посла?

– В том-то и дело, что нет, – вздохнул Санери. – Время поджигает, но они там наверху будут собачиться до упора. Пока император не откопает где-нибудь фигуру, в равной степени всем ненавистную, чтобы сделать мою жизнь окончательно невыносимой. Вот помяни мое слово, так оно все и будет!

– И тем не менее было бы полезно заранее выявить тех, кто будет играть в свою игру.

– Полагаю, что в этом энель Вирандо нам как раз и поможет. Прибудем в Манибортиш – поставлю вопрос о найме еще одного переводчика. Те, кто выступит против, и проявят себя как ставленники Ронко. Я называю это ловлей на живца.

– Великолепный план! А как быть с остальными?

– С остальными? Ох... Ты принес списки кандидатов в посольство? Давай мне сюда. Будем смотреть и думать, что к чему.

Глава 6. Друзья

Таверна «Сонная рыбка» представляла собой заведение с весьма однозначной репутацией. Нет, не подумайте ничего плохого. Просто, скажем, какому-нибудь плотнику из Речного квартала, жаждущему набить брюхо после топорной работы, или даже уличному писцу с площади Высшего огня делать в этом храме пищи было решительно нечего. Ибо за скромной вывеской на почерневшей от времени и грязи доске начиналось истинное царство кулинарной магии, где еда не готовилась, а творилась словно по мановению могучих кудесников, и куда гости приходили даже не насладиться всеми возможными изысками двенадцати основных кухонь империи, нет, а просто для восхищения этим мистическим ритуалом вызова духов чревоугодия, к финальной стадии которого они могли быть допущены, только если заблаговременно бронировали места... и приходили с туго набитыми кошельками.

Севелия Вирандо была, разумеется, с самого начала против этой авантюрной затеи. После того как Уни сделал, в своей обыкновенной манере, весьма осторожный заход относительно того, что они с друзьями решили отметить все именно в «Рыбке», она лишь улыбнулась мудрой улыбкой любящей матери и в тон сыну осторожно поинтересовалась, чем же им не подходит ее собственное заведение. Ну в самом деле, и еда будет пусть не такая богатая, зато своя, и возвращаться ночью ниоткуда не надо – в номерах всем места хватит и... Уни лишь вежливо кивал на все ее слова, периодически вставляя уточняющие реплики, чтобы мать скорее истощила все свои аргументы.

– Понимаете, матушка, – начал он издалека, – все в точности то же самое я изложил своим друзьям, когда по самоличной инициативе сразу же пригласил их в «Счастливого конека».

– И что же они сказали? – убийственно спокойно приподняла бровь Севелия, однако за этим чуть уловимым жестом легко читалось: «Если хоть одно обидное для меня слово прозвучало, нечего тебе общаться с такими друзьями!»

– Матушка, они сказали то же, что и говорят всегда: что ваше заведение самое гостеприимное и уютное, и... желанное, в общем, мы же у вас так часто бываем, вы и сами всегда это слышите...

– И что, ты с этим уже не согласен?

– Ну что вы, я всегда на вашей стороне! Подумайте сами... Во-первых, мое назначение...

– Я думаю, – с нажимом произнесла Севелия, – что это наш общий праздник! Я одна вырастила тебя, я создавала все условия для того, чтобы ты корпел над книгами, выучился, нашла для тебя место в архиве. Наконец, тебя заметили у самого императора, ты теперь важнейший член его посольства, уезжаешь неизвестно на сколько в опасную, неведомую страну – и отказываешься последний вечер провести в заведении родной матери?!

– Матушка, ну как вы могли даже подумать такое...

– Как я могла? Это ты меня еще в чем-то обвиняешь?

– М-матушка! – Уни начал терять терпение, – Мы с-согласны провести вечер здесь. Но. Есть один момент. О котором я должен вас предупредить. Как верный сын. Во избежание. Чтобы не было проблем в дальнейшем! – этот жесткий, рубленый темп речи стоил Уни немалого напряжения, так что он даже с шумом выдохнул в конце. – В общем, матушка, с нами будет Соргий Квандо.

– Ах, Светило милосердное, а он вам с какой стати понадобился?

– Ну, репутация у него, конечно, не самая располагающая, но... он все-таки один из моих самых...

– Репутация? – Севелия посмотрела на сына с тревогой – уж не сошел ли ее мальчик с ума. – Какая вообще может быть репутация у человека, который совратил девушку, готовящую стать Солнечной невестой, и избежал смерти лишь потому, что его папенька крутит темные делишки с имперской канцелярией!

– Матушка!

– Молчи, об этом все говорят! А блевать под колеса экипажа торжественной процессии на празднике Чудесного воспарения... на выходе из моего заведения! Это репутация? И как я, по-твоему, должна относиться к этому подонку?

«Вот с этого и нужно было начинать!» – отметил про себя Уни. После того случая Соргий стал героем, – для определенных кругов, разумеется.

– Это ведь он всех вас зовет в «Рыбку», скажи мне? Обещает за всех заплатить, да? Чтобы потом все в городе говорили, что мой сын едва вступил в должность, как сразу продался этому мерзавцу?

– Нет, что вы, Соргий как раз хотел все отметить у нас. Он признает, что в тот раз слегка перебрал, но сейчас...

– Ноги его здесь больше не будет! А тебе...

– К тому же он придет с дамой...

– И шлюх его тоже! Никогда не понимала, что в нем находят женщины. Он же такой маленький, глазенки бегают, нос крючком... Ах, извини, у него ведь тугой кошелек и возможность пригласить девушку в самое дорогое заведение города, да еще и целую компанию подпевал в придачу...

– Матушка, право, вы меня обижаете! В «Рыбку», кстати, предложил пойти Вордий.

– Правда? – Севелия вновь приподняла бровь, но на сей раз в легком изумлении.

– Да, вам он всегда был по душе. У него ведь тоже свой праздник. Получил назначение на пост никорха императорской гвардии.

– Да что ты говоришь!

– Представляете, теперь он самый молодой командир своего ранга в империи!

– А я ничуть не удивлена! Вордий Онато – вот кто всего добивается в жизни. И умный, и красавец, а теперь еще и такая должность! А ты все сидишь над своими книгами, на улицу лишний раз нос не кажешь. Нет чтобы везде рыскать, связи нужные заводить, раз-раз... Когда в «Конек» достойные люди бывают, тебя не дозовешься. Где Уни? В архивах своих зарылся. Чего ты там найдешь, в архивах этих? Вот люди как карьеру делают! А глядишь, к тридцати годам и до суффекта дослужится – тогда вообще на всю жизнь обеспечен...

– Матушка, смею заметить, что праздник и у меня тоже и если б не мои архивы, то...

– Да ладно, сиди уж! Вон Вордий – и девушку себе завел, красавицу, а ты? За крысами что ли ухаживать будешь из своего подземелья? Может, хоть невесту какую привезешь из Вирилана этого...

– Кстати, насчет невесты. Чуть не забыл. Вордий хочет, в связи со своим назначением на должность и получением, так сказать, уже определенной уверенности в будущем, объявить всем о своей помолвке с Лювией.

– Да что ты говоришь! Вот с этого и нужно было начинать.

– Да. И потому он хочет сделать ей подарок. Ужин в «Рыбке» – это ведь так романтично! Кармаданские лепестки с нектаром калимри! Мустобримские шарики целу в листьях фазы со сладким соусом! А филе грабинуса – настолько тонкое, что растворяется прямо на языке! Ну скажите, матушка, разве она не достойна этого?

– А-ах! Да достойна, достойна. А вот ты чего достоин? Когда я увижу у тебя такую же вот девушку, а?

– Торжественно клянусь, – Уни встал смирно, прижав правую руку к сердцу, а глаза устремил ввысь, словно перед жертвоприношением, – что по приезде в Вирилан я, Унизель Вирандо, презрев все свои служебные обязанности, обращу свой взор на самых прекрасных девушек сего загадочного народа и не отверну его в сторону ни на миг до того счастливого момента, когда хотя бы одна из них не выразит готовности стать моей законной женой.

– Дурень! – к Севелии, похоже, вновь вернулось хорошее настроение. Она помолчала немного. – А ты уже думал о том, что наденешь на торжество? Столько событий ведь, и место дорогое, а ты заявишься как босяк. Все должны видеть, что мой сын теперь важный чиновник, а не какой-то там подвальный замухрышка...

* * *

Каждый вечер мост Ханкинлови превращался в нечто среднее между городским рынком и выставкой тщеславия наиболее привилегированных жителей столицы. Идея торговать над рекой была не нова и вполне укладывалась в нормы давних герандийских традиций. Но вот превратить мост в место паломничества самых ярких модников империи додумались лишь недавно, когда после реформы ремесленных гильдий там расположились самые дорогие портные Энтеверии. Постепенно к ним подтянулись башмачники и парфюмеры, в результате горделивая клиентура предпочитала пускать пыль в глаза друг другу прямо на мосту, не отходя далеко от места рождения своего нового щегольского стиля. Итогом стало возведение еще одной галереи, прогуливаясь по которой надменные франты в сопровождении своих прекрасных спутниц имели возможность демонстрировать окружающим свое так бросающееся в глаза превосходство с самой что ни на есть высоты положения.

Галерею тут же заняли продавцы цветов, жареных орешков, медовых пряников и другой разной снеди, что не играет в жизни никакой особой роли, но всегда может существенно улучшить настроение даже тем людям, которым по причине толстого кошелька и завидного положения в обществе мало чего осталось желать. К этой прославленной категории в полной мере можно было бы отнести и Лицизия Дорго, смачно уплетающего миндальные пирожные с тонкой рисовой бумаги. Он всегда любил сладкое и не считал зазорным открыто демонстрировать эту свою слабость. Тем более что маленькая смотровая площадка для частного любования закатом, на которой он изволил в тот момент находиться, была скрыта от посторонних глаз, а вокруг лениво шатались агенты Солнечной стражи.

Впрочем, прекрасное в своем багрово-алом наряде милосердное Светило ничуть не способствовало хорошему настроению ближайшего советника императора, и раньше-то никогда не питавшего слабости к сей романтической галиматье. Его заметно нервировало это ожидание, из-за чего несчастные пирожные зачастую оказывались раздавлены узловатыми пальцами

еще до своей жуткой, но почетной гибели в сановничьей пасти. Дорго смог принять привычный для себя самодовольный вид, лишь когда услышал за спиной упрямый стук каблуков. Из тени вынырнула знакомая фигура с распущенными длинными волосами.

Почему прирожденный кавалерист Тамето ходит скорее как моряк, словно забивая сваи каждым широким цепким шагом, всегда оставалось для Дорго большой загадкой. Однако времени решать ее сейчас, к сожалению, не было. Небрежно бросив рисовую бумагу с оставшимися на ней крошками в волны Фелы, он развернулся в пол-оборота к собеседнику и басовито поприветствовал его с нарочитым почтением в голосе:

– Мой дорогой друг Тамето, как я рад видеть вас этим чудесным вечером! Но почему, ради всей красоты заката, у вас всегда такой прелестный взгляд человека, перебравшего молочного маркутанского пойла и теперь ищущего сортир для облегчения?

– Не борзей ты, гора козлиного дерьма! – тупо огрызнулся военачальник. Выглядел он и в самом деле весьма странным образом, особенно глаза, уставившиеся в одну точку, но все равно не способные на ней сфокусироваться. Дорго списал это на *драмдалаху* – традиционное развлечение кочевников Великой Шири, которым очень быстро заболели и имперские воины на северной границе. В закрытой наглухо кожаной палатке нужно тщательно прогреть до нужной температуры камни, а затем плеснуть на них специальный отвар из букета особых степных трав. Говорят, что главное в этом процессе – вовремя остановиться, иначе душе чрезвычайно легко навсегда уйти в заоблачный мир вечного блаженства, оставив на земле лишь совершенно безумное, брренное тело.

«Надеюсь, что когда-нибудь ты перенесешься туда навечно!» – подумал Дорго, а вслух сказал:

– Полагаю, на этом обмен любезностями закончен. Так что вы имеете сказать по поводу моего вчерашнего предложения?

– Думаешь, ты умнее всех, да? – и Тамето, энергично подойдя к перилам, смачно выплюнул в реку сгусток улиньской жевательной коры. – Свое личное посольство решил направить, в обход императора? Да еще и за мой счет... Ты кого поймать решил, боров недорезанный?

– Послушай-ка меня, степная вонючка! – закипел Дорго и навис над неделикатным собеседником всей массой своей и правда весьма солидной фигуры. – Есть вещи, которые всегда будут выше твоего тупого армейского разума. Тебе мало, что я включил твоих людей в состав миссии? А чем ты мне отплатил за это? Или думаешь, я не знаю, какое задание они от тебя получили?

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – сухо ответил Тамето. Весь боевой пыл как-то вдруг разом покинул его.

– Ах, он не понимает, значит? Родной мой, здесь не степь, и стены тоже имеют уши. Мои уши, мои, испепели гром вашу долбоголовую воинскую братию! А как горячо ты ратовал за отправку посольства! Мне это сразу показалось подозрительным. Ну, теперь-то я знаю, что за всем этим стоит!

– Ты все равно ничего не докажешь! – буркнул Тамето и как-то мрачно ушел в себя.

– А я и не буду ничего доказывать. Тоже мне, напугал! Просто выкину твоего олуха из состава миссии, и счастливо оставаться. Знаешь, сколько у меня там желающих? Ну, а его Светлейшеству шепну так, чисто для сведений. Последствия усекаешь? Так что, любезный, меняться мы с тобой будем баш на баш. Я оставляю твоих людей в неприкосновенности и не стану мешать им решать твои проблемы. Ну, а ты перекидываешь моего человека через северную границу. По-моему, в твоём положении это избыточно честные и выгодные условия.

– Да провалиться в чертоги Мрака тебе и всему вашему сброду вислозадых дворцовых стукачей и прихлебателей! – взорвался Тамето. А потом, прикрыв на мгновение глаза, задал уже конкретный деловой вопрос: – Ну, а по торговле – ты ведь не против севера?

– Да подавись, милый!

– Ладно, поглядим... – зловеще посмотрел на него Тамето. – Кого и когда нужно переправить?

– Как можно скорей, друг мой, как можно скорей. Человека доставят к тебе в лагерь через две недели. Ну, может, немного позже. С письмом от меня, само собой. Выдели для дела надежных людей и проследи, чтобы ни одна живая душа об этом не болтала. Сам понимаешь, это прежде всего в твоих интересах.

– Гарантировать не могу, – хрипло сказал Тамето и, резко харкнув, прочистил горло. – Что смотришь? Мы с вириланами всего один раз виделись, не любят они чужаков. И давай сразу договоримся – мое дело только доставить. Что там с ним потом будет, за то я отвечать не могу.

– Ну, разумеется, – жирное лицо Дорго стало походить на театральную маску из доброй комедии. – Только до границы – и все. А исполнителей... это... тоже там оставить будет не лишним, а? Вот тогда мы с тобой будем полностью в расчете.

Бросив грязное ругательство вместо прощанья, Тамето мотнул головой и зло утопал прочь. Дорго проводил его насмешливым, полным презрения взглядом.

«Ну разве не дети! – подумал он. – Какие же все-таки идиоты меня окружают...»

* * *

– Даг, дружище, ты все-таки успел!

Дагений Вандей пару мгновений еще пытался сохранять непробиваемую серьезность во взгляде, но потом все же растаял, улыбнулся и заключил Вордия в объятия.

– У меня еще оставались важные дела за городом, но когда сразу у двух моих лучших друзей такие события...

Он поприветствовал подошедшего следом Уни, а потом взъерошил его пшеничные волосы.

«Ну вот, – с легким недовольством подумал переводчик, – опять он со мной как с ребенком».

Капризного вида спутница Соргия сморщила носик и шепотом спросила своего кавалера:

– А он точно из вашей компании? А то по виду как на поминки пришел.

«Так поминки и есть, ибо помолвка – первый шаг в могилу», – хотел было сострить маленький вуравиец, но вслух сказал:

– Если бы мрачный взгляд был товаром, Даг бы давно озолотился. И тогда, может быть, бросил бы эту хлопотную и бесперспективную работенку адвоката всяких оборванцев, которая мешает ему встречаться с друзьями так же часто, как раньше.

– И тебе привет, пиявка на народной шее!

Вандей уже протянул ладонь, чтобы по герандийскому обычаю сжать предплечье Соргия, но тот ловко нырнул вниз, обнял друга за талию и попытался оторвать его от земли. Даг только глубокомысленно закатил глаза, а потом в свою очередь легко поднял вуравийца в воздух.

– Бери его за ноги, Ворик, макнем мерзавца в чан с пивом!

Вордий слишком серьезно воспринял призыв повторить эту их старую забаву, так что Уни стоило больших усилий рассадить наконец всех гостей по местам, не дав превратиться почти что официальному мероприятию в балаган, причем с самого начала.

– Быстро нашел? – спросил он Вандея, чтобы перевести разговор на нейтральную тему.

Тот кивнул:

– Да! Хотя, как ты понимаешь, я в такие заведения обычно не ходок.

– А вы знаете, почему это место называли «Сонная рыбка»? – и Соргий Квандо обвел присутствующих своим хитрющим заговорщическим взглядом.

– Нет. Расскажи! – и Лювия Токто улыбнулась, радуясь тому, что ей удалось наконец вставить свое слово на этом чисто мужском пиру, где беседы крутятся вокруг дворцовых интриг, войны и игры в кости.

Сопровождавшая Соргия рыжая девица тоже изобразила интерес, про себя ругаясь на жесткие угловатые стулья из необработанной древесины. Ее газовая накидка лисьего цвета, в тон волосам, уже два раза успела зацепиться за какие-то сучки, что доставляло девушке нестерпимые душевные страдания.

Впрочем, именно такова была цена, которую неизбежно платили все посетительницы (да и посетители!) этого славного заведения. Человек, впервые попавший в «Рыбку» (непреренно по рекомендации одного из постоянных гостей), первое время был занят тем, что привыкал к крайне непритязательной и более чем безыскусной обстановке. Мебель из древней, небрежно струганной древесины серо-черной расцветки, полумрак коптящих светильников и пол местами чуть ли не земляной – все это выглядело хуже, чем в последней забегаловке в районе Речного порта. К сказанному стоит добавить тесноту помещения, так что трапезничавший посетитель имел все шансы периодически пихать локтем под ребра соседа, который, правда, вполне мог оказаться членом совета гильдии судовладельцев, обговаривающим очередную сделку, или даже судьей Ясноликого престола, расслабляющимся на закате дня с бокалом фиранского крепленого. Да-да, изнеженная имперская элита, возвращенная на перинах из пуха сирамских лебедей и привыкшая к нежным объятиям лучшего улиньского шелка, обрела неожиданный вкус к этой грубой, неотесанной реальности, которую так кстати сумел предложить им уловивший конъюнктуру хозяин.

– Ну вот, – продолжал Соргий, – когда Махнум Яликус только открыл это заведение, была у него жена, мустобримка. Звали ее, ммм... ну, не помню, не важно. Так вот, жена эта была на редкость замороженной особой, что для обслуживания посетителей, согласитесь, довольно паршиво. Представьте, со всех сторон крики, ругань – где мое рагу...

– Где моя рыбка! – сострил Вордий.

– Да, точно, ну и посреди этого океана кулинарных страстей плывет так себе неспеша эта матрона с подносом, взгляд строго в себя, вокруг ничего, и полнейшее, таки убивающее спокойствие на физиономии. Вот и повадился муж звать ее ласково: «Моя сонная рыбка». А потом и повелось говорить: «Куда идешь?» – «К сонной рыбке». Так заведение со временем и прозвали.

– Ха, а я думал, мустобримки, наоборот, такие все горячие, знойные женщины, – озорно улыбнулся Вордий, косясь на подругу.

– И откуда у тебя такие обширные познания о мустобримских женщинах? – тихо и очень серьезно спросила его Лювия.

– О, это как раз таки типичное заблуждение человека, знакомого с прекрасной половиной Мустобрима только понаслышке! – Соргий энергично пришел на помощь другу, не дав тому подразнить свою принцессу и в полной мере насладиться этой маленькой провокацией. – Кровь у южан и правда горячее, однако ты даже представить не можешь, что делает с этими людьми их вера!

– А ты, я вижу, представляешь это весьма неплохо, – улыбнулся Уни. В своей новой палме он чувствовал себя непривычно, но мать все-таки настояла на покупке. Возражения, что у него уже есть почти точно такая же церемониальная, недавно приобретенная специально для посольской миссии, были отвергнуты на том основании, что на пиру он может перепачкаться и тогда ехать будет совсем не в чем.

– Ну, я, конечно, не прочитал столько книг, сколько ты, малыш, так что руководствуюсь своим личным опытом. А он подсказывает мне, что нет ничего хуже, чем сдерживать природные инстинкты постами, бдениями, обетами, усмирением плоти и прочими неестественными препонами. Если это и способно что-либо породить, так только злобное, беснующееся суще-

ство, разгневанное на то, как замечательно живет другим, и потому истово мечтающее превратить их жизнь в аналогичный кошмар.

– И скольких мустобримцев ты встретил за свою не такую уж продолжительную жизнь?

– Достаточно, поверь мне!

– Ну, мустобримцы верят в Незримого бога. То есть бог в их представлениях не имеет лица или формы и пронизывает все сущее, причем не только предметы, но и явления, события нашего мира и те действия, что мы совершаем.

– Да, нелегко им живет, – сочувственно вздохнула рыжеволосая спутница Соргия. – Вот нам, к примеру, если захочется согрешить, достаточно просто спрятаться от ока Великого светила, и греха точно и нет. А мустобримцам нигде, значит, нельзя укрыться? Как же они там живут, бедные? Вот я, скажем...

«Как все-таки хорошо, что мы собрались не в “Конеке”! – подумал Уни, украдкой разглядывая эту рыжую красотку. – Матушка бы точно долго не выдержала...»

– А вот так и живут! – отозвался Даг Вандей, до того сидевший молча. – Одна жена и один муж – и на всю жизнь.

– Ужас какой! – рыжая девица с сожалением уставилась на Лювию, словно ища поддержки, но та отреагировала с явным осуждением, лишь ближе придвинувшись к своему жениху.

– Друзья, давайте еще раз выпьем за Вордия и Лювию! – Соргий решил сгладить неловкую ситуацию, возникшую не без его активного участия. Прекрасная парочка, и до того пребывавшая в идиллии обретенной радости, сейчас просто расцвела. Вордий улыбался широко, покровительственно, но совсем по-доброму, расправив широкую грудь и встряхнув черными, как смола, кудрями. Лювия светилась мягко, как бы изнутри, словно сияющий заряд долгожданного счастья пробивал себе дорогу через стены девичьей скромности и того уникального сорта чистой добродетели, что уже так редко встречается в эти раскрепощенные времена.

– Ребята! – Соргий привстал со своей табуретки, немилосердно ткнув при этом локтем чью-то вельможную спину за соседним столиком. Спина заколыхалась в недовольстве, которое было начисто проигнорировано. – Дорогие мои! – Соргий с трудом находил слова. – Все вы знаете меня как отъявленного обормота, закоренелого бездельника и вообще крайне безответственную личность, – многообещающе начал он.

Соседствующий с ним за столиком Вордий поднял большой палец и выразительно вытолкнул вверх подбородок, выпятив нижнюю губу – мол, мощно задвинул.

– И тем не менее, – вошел в нужный ритм Соргий, – все это время, с самого нашего знакомства семнадцать лет назад, я не имел иных настоящих друзей, кроме вас. Вы единственные не хотели от меня никакой выгоды, мужественно терпели все мои выходки, а я, чего греха таить, не всегда отвечал вам взаимностью. И теперь, когда ты, Вордий, стоишь на пороге нового этапа в своей жизни, я хочу пожелать вам с Лювией того, без чего любая жизнь просто недостойна быть прожитой. Хочу пожелать вам счастья, простого счастья, а остальное приложится. Ребята, я вас всех люблю! Дайте я вас поцелую! – Соргий потянулся через стол, упав пузом в заливное из осьминога, но мощные руки благодарного Вордия незамедлительно вызволили друга из плена страшного морского чудовища.

Вино снова полилось рекой. Задача у него была отнюдь не из легких – подготовить наступление на желудки гостей главных сил, собирающихся где-то в мрачной тени владений шеф-повара. По части вин «Рыбка», по общему мнению, проигрывала только «Пещере карликов», но там ведь, кроме вина, вообще ничего хорошего не подают. Пахучее елизанское, с душистым запахом цветов, который буквально врывается в ноздри и уносит на самый край блаженства. Сладкое фиранское, настолько вкусное, что пить его можно бесконечно, только вот головная боль на утро практически неизбежна. Терпкое артишское, бодрящее в знойный день. И конечно же, «Букет Вуравии», уникальное вино двадцатилетней выдержки: полная кисля-

тина, если пить стаканами, но имеет бесподобный вкус, если смаковать буквально по капле на язык. Под вино, конечно, снова пошли тосты, и Уни в полной мере вернул себе ту часть внимания окружающих, которая до того была отведена влюбленной паре.

– За новое светило имперской дипломатии! – Соргий энергичным жестом чуть не проткнул смутившегося Уни, который, правда, тут же был надежно укрыт взметнувшимися ввысь винными бокалами.

– Ну, спасибо... – еще пару минут назад скромному архивисту всерьез начало казаться, что о нем забыли, однако теперь он буквально не знал, куда спрятать взгляд от такого переизбытка внимания.

– Да, не думал я, ох, не думал, что ты когда-нибудь отважишься выбраться на свет белый из своих подвалов, – снисходительно, но с необычайно искренней симпатией похлопывал друга по плечу Вордий. – А тут гляди ж ты, – обратился он к окружающим, – не просто выбрался, а прямо соколом в небо взмыл – только его и видели!

– Да, дружище, – вставил свое слово всегда серьезный Вандей, – чтобы вот так сразу и в Вирилан... хм... что, появилась сильная рука при дворе?

– Ну, х-ха, рука-то эта нам хорошо известна! – развязно ответил за Уни Соргий, корча гримасы своему растянутому отражению в бокале. – Манелий Ронко, говорят, приложил немало усилий, чтобы его любимец оказался в составе посольства. Хотя... когда речь идет о такой стране, как Вирилан, еще не известно, чем все может обернуться.

– Ладно, хорошо, – Уни стало жутко неудобно, и он жестом остановил друга. – Я хотел бы тут кое-что прояснить. Во-первых, для меня самого было неожиданностью, что он назвал мое имя. Хотя, если говорить честно, особого выбора у него и не было.

– Да ну? – невинно усмехнулся Соргий.

– Естественно. Вирилан – предельно изолированное от остального мира государство. Есть еще, конечно, страна колдунов, но там мустобримцы уже вовсю рыскают, так что, наверное, самое изолированное. Вы знаете, что вириланцы – жуткие ксенофобы. Общаться с кем-либо со стороны они считают ниже собственного достоинства и вообще нас за людей не держат. В результате язык их в империи практически не известен, и я один из двух ныне живущих людей, кто им хоть в какой-то мере владеет.

– Bravo, bravo! – Соргий демонстративно захлопал в ладоши. – Так да-а-вайте выпьем за дли-и-нный язык, который наконец довел нашего малыша Уни до большого мира взрослых людей!

– Дурак! Ты совсем меня не слушаешь.

– Еще как, я вообще в-весь внимание! Там еще, кажется, должно быть «во-вторых...».

– Да, и во-вторых. Я действительно неплохо знаком с Манелием Ронко. Он частенько наведывался к нам в архив, и я консультировал его, где найти книги на ту или иную тему. Чиновник, но при этом разносторонне развитый человек и интересный собеседник. Но помогать мне в чем-то я его никогда не просил, и вообще, это предложение стало для меня полной неожиданностью. Хотя, повторяю, учитывая изложенные ранее обстоятельства, все вполне логично.

– Этот Ронко и правда весьма любопытный парень, – наконец, вылез из своих обычных мрачных раздумий Даг Вандей. – Я вот до сих пор так и не могу понять, чем он конкретно занимается.

– Мой папа говорит, что Ронко интересуется только двумя вещами – сложением стихов и прекрасными женщинами, для которых он их пишет! – вставила свое веское слово Лювия.

– Дорогая, если мне не изменяет память, твой почтенный отец употреблял при этом существенно более... жесткие выражения, – заухмылялся во весь рот Вордий.

– Ага, одна история с торгендамской княжной чего стоит! – плотоядно усмехнулся Соргий. – Ее он, правда, безо всяких стихов взял – как военную добычу! Говорят, бедняжка бросилась со стены крепости после того, как он ее обесчестил...

– Ну, не знаю, – со смесью сомнения и подозрения произнесла его спутница. – Однако ухаживает Ронко, как говорят, и правда по высшему разряду! – и она с легким скепсисом глянула на своего кавалера.

– Ой, да ладно! – ответил тот. – Ты-то откуда знаешь?

– Да уж знаю! – ответила девица с оттенком легкого превосходства.

– Послушай, Соргий, – обратился к нему Даг Вандей, – ты ведь в курсе всех последних сплетен при дворе. Как думаешь, только серьезно, Ронко и правда имеет большое влияние на императора?

– Хм, серьезно... Ну, официально Ронко – просто советник Солнцеподобного престола. Сама по себе эта должность, прямо скажем, абсолютно неприбыльная, хотя и весьма почетная. Идеальное место для ссылки чиновников на пенсию.

– До пенсии ему, прямо скажем, далековато.

– О да, особенно если судить по тому, что о нем рассказывают прекрасные дамы. Кроме того, поговаривают, что он фантастически, до умопомрачения богат.

– Да что ты? Неужели?! – с преувеличенным интересом воскликнула рыжая спутница Соргия.

– Да. Причем богатство его не того рода, что обычно выставляют напоказ. По слухам, он обедает в самых замызганных уличных забегаловках за Речным портом и годами носит одну и ту же одежду, однако в узких кругах Ронко известен как коллекционер антиквариата и редких рукописей, которые скупает за совершенно дикие деньги, причем исключительно подлинники. У него два дома в Энтеверии, один – совершенно рядовое строение с банальной архитектурой и простой отделкой, зато второй – настоящий музей сокровищ, которые сделали бы честь даже императорскому дворцу.

– И что, его до сих пор не обокрали? – искренне поинтересовался Вордий.

Соргий только ухмыльнулся:

– Представь себе, даже не пытались. Говорят, у него большие связи в преступном мире. Но это всего лишь слухи.

– Мой папа как-то говорил, – вновь вмешалась Лювия, – что Ронко был близко знаком еще с отцом нынешнего Великого владыки. Тот очень ценил его советы и помощь в реорганизации императорской почты.

– Императорская почта, да... – ухватился за новую идею Соргий. – Это же ведь «золотое дно»! Можно провезти через всю страну что угодно без проверок и таможенных сборов. Ну, тогда все ясно...

– Кто о чем, а Соргий о деньгах, – презрительно сморщился Вандей. – Императорская почта – это ведь и еще кое-что...

– Ладно вам, надоело! – Уни оглядел друзей с жалобным раздражением. – В самом деле, я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать всякие домыслы о моих хороших знакомых. Имейте же совесть, в конце концов!

Соргий лишь ухмыльнулся, но после реплик девушек, также вставших на сторону Ронко, только приобнял свою спутницу и брякнул очередной напыщенный тост.

Уни откинулся назад на шатком табурете. Только сейчас он с удивлением заметил, как душно в этом помещении. И как только люди могут сидеть здесь часами? На лбу выступил пот, Уни качнуло так, что пришлось схватиться за край стола.

– Ну вот, наш малыш уже готов, да? – откуда-то издали донесся голос Соргия.

– Мне нужно на воздух!

Уни с трудом оперся о стол, подмяв ладонью тарелку с хлебом. Один кусочек смешно перевалился через край и рухнул на пол, как в пропасть.

– Тут есть очень милый балкончик, специально, чтобы любоваться закатом! – прошептала рыжая девушка.

– Я провожу тебя! – сказал Дагений Вандей, мрачно поднимаясь из-за стола.

Уни с трудом удержался, чтобы не усмехнуться этой маске гипертрофированной серьезности на лице своего одержимого политикой друга. Даг был красавчик, что и говорить – грациозный и стройный, отчего казался еще выше своего и так приличного роста. Однако довольно узкий подбородок, тонкие губы и телячьи серые глаза слишком плохо вязались с тем загадочно-героическим образом, который он предпочел избрать для представления себя обществу.

Балкончик, а точнее деревянный навес с перилами, представлял собой достаточно шаткое сооружение, выходившее на глубокий овраг между элитным районом знати Триказинцо и улицей Щедрого изобилия. Императорские архитекторы, расширявшие древнюю столицу герандов для нужд подмывшей под себя треть континента державы, из поколения в поколение проклинали эту досадную дыру в продуманном плане аккуратных кварталов Энтеверии. По самым радикальным задумкам предполагалось засыпать овраг ко всем демонам Мрака, однако денег на решение вопроса не могли собрать вот уже почти четыре столетия. Точку в проблеме мог бы поставить специальный декрет императора, однако тот предпочел внять своей фаворитке Овалию, «опекавшей» гнездившихся в овраге певчих птиц. В результате перед Уни и Вандеем раскинулась вполне себе пейзажная местность с натуральным запахом свежей травы, треском цикад и прощальными теплыми лучами заходящего солнца.

– Ну как? Такое бывает от духоты. Вдохни пару раз полной грудью, и все пройдет.

– Надеюсь.

Уни стало чуть лучше, но вечерний ветерок охлаждал застывшую на его лбу испарину. Он облокотился на хрупкие деревянные перила, закрыл глаза и впустил в себя дыхание уходящего дня.

Его компаньон, однако, по-прежнему оставался равнодушен к красотам окрестной природы. Помявшись немного для проформы и проводив взглядом покидающую балкончик парочку, Даг Вандей напряженно осведомился:

– Ты скоро уезжаешь, и я хотел бы узнать: ты решил что-нибудь по нашему делу?

– Дружище, помилуй, я и ознакомиться-то толком не успел, – вяло отреагировал Уни. Неделию назад Вандей наведалься в архив и принес книгу, заявленную как «вся соль наших прошлых бесед и дискуссий».

– Я понимаю, у тебя поездка... Но мне почему-то казалось, что судьба родной земли всегда была для тебя на первом месте.

– Слушай, я ведь далек от политики. И знаешь почему? Потому что трезво оцениваю свои возможности. Чтобы на что-то влиять, нужны деньги, положение, связи... Что толку во всех этих рассуждениях? Да, можно написать очень толковые книги, и люди будут зачитываться ими – из-под полы... в качестве своего рода умственного развлечения. Но потом, спрятав рукопись в тайник, они будут все так же славить Солнцеподобного владыку, как славили раньше и как будут славить впредь. И не потому, что слабы или лицемерны. Это естественный порядок вещей – человеку хочется стабильности, порядка и гармонии.

– Назвать нынешние порядки в империи естественными – это то же самое, что признать образцом гармонии трапезу людоеда! – Вандей словно воспрянул духом, оседлав своего любимого конька соревновательной риторики. – Уни, ты хоть представляешь разницу между сутью громогласных державных рескриптов и тем, как реально живут люди? Ты, ни разу в жизни не покидавший пределы столицы, которая, словно пиявка, сосет кровь всей империи?

– Сосет, как пиявка, ну да. Обычное брюзжание провинциалов, ничего оригинального. Ты, Вандей, очень хороший, но при этом очень легковверный человек. Гордишься тем, что, в

отличие от меня, похороненного заживо в архиве, объездил полстраны. Жил в крестьянских семьях, видел их быт и нелегкий труд от зари до зари. Я, конечно, не такой искушенный в жизни, но ведь книги на то и даны, чтобы донести до нас опыт прошедших поколений.

– И что ты там узнал, в своих книгах?

– Многое, очень многое. Но самое главное, пожалуй, я узнал, что аналоги всего происходящего ныне можно легко отыскать в прошлом. Зачем тратить время, страдать, терпеть лишения – и все ради того, чтобы прийти к тем же выводам, до которых уже дошли наши предки и так логично изложили все на бумаге? Зачем изобретать колесо, когда весь мир уже давно ездит на быстрых повозках?

– Я все же не понимаю, куда ты клонишь...

– А клоню я к тому, что ваша «борьба», как вы это называете, обращена против исконно присущих человеку пороков, которые суть неискоренимы. Да, многие живут плохо. Как это вы там пишете – у одного алмазов с гору Эрамео, а у десяти тысяч долговая яма до чертогов Мрака глубиной? Так вот, да не будет для тебя это убийственным откровением, но так было всегда. И везде. И будет. И любая борьба против этого, чем яростнее она, тем к еще большей нищете одних и богатству других приводит в конечном счете. Ты знаешь жизнь крестьян, а я прочел все исторические труды в нашем архиве. И потому знаю, о чем говорю.

– Прочел? Может быть... – голос Вандея приобрел угрожающий тон. – Но видно, в памяти у тебя отложилось не так уж много. Или напомнить тебе, как родилась империя?

– Империя родилась по тем же законам, что и все империи задолго до нее. Сначала есть много мелких царств, которые вечно грызутся друг с другом. Во взаимной борьбе они ослабляют себя и не воспринимают всерьез какого-нибудь соседа на периферии, который все это время копил силы и исходил слюной на их богатства. Этот сосед начинает потихоньку прибирать к рукам их земли, а когда мелкие цари наконец замечают угрозу, становится слишком поздно. В последней попытке спастись разрозненные ранее царства создают единый союз против поднявшего голову захватчика, – Уни театрально задрал вверх правый рукав своей нарядной палмы, – но бывшие раздоры и мелкий эгоизм владык оказываются сильнее очевидной опасности. Поражение, падение, плен – и вместе с этим рождение новой, уже единой державы на костях незадачливых побежденных.

– Да, все так. Но это лишь часть правды. Старые империи прирастали завоеванными территориями и удерживались только силой объединившего их оружия. Когда его победный блеск тускнел, а руки повелителей становились изнеженными и неспособными крепко сжимать рукояти мечей, всегда находился кто-то, готовый бросить им вызов. Людям не очень-то нравится жить в рабстве, а?

– Не нравится? Я бы поспорил. У раба нет многих удовольствий жизни, но он лишен и главного проклятья сильных – мук свободы выбора. И страха ответственности за принятое решение.

– Да, большинство не хочет быть сильными. Люди хотят просто жить, растить детей и получать от жизни простые маленькие радости, без которых и жизнь владык скучна и бессмысленна. Ради этого они готовы честно трудиться, даже отдавать сильным часть урожая, если это нужно для того, чтобы их никто не трогал. Вот это и есть истинный закон жизни, на котором стоит любое царство.

– Да, да. Маленький скромный обыватель, соль земли, опора и хлеб империи.

– Тебе смешно?

– Ничуть. Просто все это только подтверждает мои слова. Тот, кто не прочь отдать хотя бы ноготь с пальца сильному лишь потому, что он сильный, должен быть готов к тому, чтобы отдать всю руку. Это тоже закон, выходящий из того, что с такой торжественностью огласил ты.

– Законы пишутся людьми. Человек наделен разумом, в отличие от всех прочих животных тварей, чтобы самому делать свою жизнь счастливой. Но работа ума неизменно приводит

к мысли о том, что храм личного счастья можно воздвигнуть лишь сообща, создав такой мир, где будут счастливы все.

– Это фантазии. Звучит красиво, но... неосуществимо. И история это подтверждает.

– История подтверждает, что Солнечная империя была создана как царство справедливости, призванное навсегда изгнать из мира людей голод, алчность и насилие!

– Ха! Я, конечно, знал, что ты романтик, Вандей, но чтобы до такой степени...

– Я знал, что мозги у наших придворных книжников прочищены, но чтобы до такой степени? Нет, я понимаю, что последние триста лет из свободного обращения исчезли все книги с изложением истинного взгляда на события прошлого. Но ты, Уни, ты же в архивах сидел, ты ведь должен был все это читать...

– Ой, да читал я! Дело ведь не в том, что написано, а в том, как к этому относиться.

– А как можно относиться к тому, что истинно? Что просто есть, очевидно и потому не может быть оспорено? «Солнце щедро дарит свой божественный свет всем и каждому – воде, земле, лесам и растениям, гадам ползучим, птицам и диким зверям. Но прежде всего Солнце несет свои лучи человеку, чтобы тот установил жизнь свою по его высочайшему повелению. Мужчина или женщина, взрослый или ребенок, с кожей белой, как молоко, или красной, как медь, богач с тысячью *ффернов* земли или нищий – все с восторгом встречают рассвет, своего Великого владыку, что сотворил жизнь и столь щедро и безответно дарит свой свет каждому из них. И пусть, как все мы живем под одним солнцем, благоговейные дети его, так и в нашем новом, едином царстве каждому найдется пропитание, мир и уверенность в грядущем дне. Как Ясноликое светило никому не отказывает в своей божественной милости, одаряя каждого равно по нужде его, так и я, ваш новый император, буду впредь иметь сердечную заботу о каждом из моих новых подданных. Не войны и голод, а согласие, свет и счастье несет людям империя герандов. Отныне да не будет богатых и бедных, а изобильные радости нашей обширной державы да будут открыты для всех. За то я несу личный ответ перед Солнцем – отцом и прародителем всего сущего».

– Браво, браво! Я и не сомневался, что ваша братия заговорщиков избрала Солнечный манифест гимном и символом своей деятельности. Только вот незадача – еще двести лет назад было достоверно доказано, что это – фальшивка. Не провозглашал Норея Основатель никаких манифестов. Это сказка, которую придумали намного позднее.

– Сказка, говоришь? А как Герандии удалось так быстро объединить вокруг себя другие народы? Многие сдались без боя и были помилованы. Пашни и другое имущество не пострадали от грабежей, а жители сохранили свои жизни и упорным трудом заложили основу «золотого века» империи.

– Ну, я не знаю, в книгах же все написано. Силу всегда уважают, осознают бесполезность борьбы...

– Да ладно, тебе ли не знать, что Герандия отнюдь не считалась могущественнейшей из двенадцати царств? Вуравия была гораздо изобильнее, Улинь культурнее, Серегад сильнее... Что могли геранды бросить на чашу весов? У нас было нечто, что легче лебединого перышка, и это переломило ход истории в нашу пользу. Не улавливаешь, а, Уни? Это идея, то, что ты называешь сказками. Это и впрямь звучало как сказка, но в силах людей было сделать ее былью. Тысяча двести лет непрерывных войн. Разруха, голод. Немногочисленные богатства в руках узкой кучки знати, которая сама рискует всего лишиться в любой момент. Люди устали от всего этого. Всем хотелось только двух вещей – мира и такого общества, где не нужно каждый день бороться за кусок хлеба. Пойми же, Уни, Солнечная империя – это не страна, не армии и не правители в высоких палатах. Это идея, как жить в гармонии друг с другом по законам Светлого создателя, в царстве мира, справедливости и братской любви!

– Ну так в чем же дело? Разве мы и так не живем по этим легендарным заветам? Разве империя вот уже четыреста лет не хранит мир в своих пределах? Нет, конечно, были и внешние

войны, нашествия варваров, мятежи в отдельных провинциях, но все это не идет ни в какое сравнение с тем хаосом, который творился до этого.

– Мир? Да, нашу землю не топчет нога завоевателя. Но у кого сейчас осталась эта земля? Свободные крестьяне – самый жалкий, забитый сброд во всей империи. Солнцеликий престол выжимает из них все новые и новые налоги, и они закладывают землю богачам, чтобы было чем расплатиться. Никто не угоняет людей в рабство? Да они живут хуже рабов! Раба хозяин хотя бы кормит, а у крестьянина весь урожай заложен-перезаложен на годы вперед. Нет, лично он свободен – не нравится, так иди умирай с голода, тебя никто не держит! Ты свободен, если умеешь обходиться без еды! И чтобы не умереть с голоду, люди продают самих себя. Нет, не в рабство, оно у нас вроде как запрещено, а в «добровольные помощники», как это деликатно теперь называют в документах. Которые «работают на благо всего общества». В лице отдельных, особо жирных, его членов. Вы кладете в рот куски мяса толщиной с лист бумаги, что тают на языке за несколько мгновений. А сколько детей умрет с голоду за это время, вы никогда не задумывались? Вы поставили народ в такие условия, что он добровольно обрек себя на самые худшие, извращенные формы рабства, насилия и издевательств, и это делает вашу власть вдвойне, в тысячу раз более гнилой, подлой и достойной полного уничтожения!

– Да успокойся, чего ты так разошелся?

– Я не успокоюсь, я должен тебе это сказать, пока еще есть возможность! Вы называете свою власть «Солнечной благодатью», но она не имеет ничего общего с заветами Норея Основателя. Манифест – фальшивка? Вранье! Что, просто так, наверное, все его копии уже давно изъяли даже из императорского архива? Они хотели уничтожить и подлинник, но пока не смогли этого сделать. По слухам, он хранится в одной из частных коллекций. Мы скоро найдем его и тогда сможем повести народ за собой. Мир? Нет, такой мир нам не нужен. Пусть лучше война, жестокая и беспощадная, которая дикой метлой выметет всю эту присосавшуюся к престолу нечисть! Мы восстановим Солнечную империю, сделаем такой, какой хотел видеть ее Норей и о какой мечтали наши далекие предки!

– Даг, дружище, не обижайся! – Уни поймал себя на мысли, что реагирует на его слова вовсе не так, как следовало бы, исходя из их содержания.

Свежий воздух вернул его к жизни, а раскинувшиеся вокруг просторы словно звали вперед, к неведомым берегам загадочной страны. Только сейчас, кажется, Уни стал реально ощущать разницу между тем узким мирком своего недавнего замкнутого существования и тем щедрым букетом чудесных возможностей, который так неожиданно подарила ему жизнь.

– Не сердись на меня, ладно? – обратился он к другу еще раз. – Ты пойми, я сейчас только телом в Герандии, а душой уже там, за морями... Ну представь, годами заниматься каким-то бредом, как говорили все вокруг – и вдруг оставить с носом всех этих подлых насмешников! Из заточенья архивных подвалов взмыть, как птица, вверх, к Солнцу! Воочию увидеть мир, о котором знал только по паре истлевших пергаментов! Ну разве это не сказка, разве не чудо? Да меня как бревном по голове ударило, я без вина пьянее, чем все в «Рыбке», вместе взятые!

Вандей посмотрел на него хмуро и с недоверием, но уже через мгновение дружелюбно усмехнулся:

– Какой же ты еще ребенок, Уни! Ладно, вернешься домой – тогда и поговорим. Повидаешь мир, может, научишься понимать кое-что поболее архивной крысы, – и, хлопнув друга по плечу, увлек его обратно в шумный мир праздного веселья, который так искренне ненавидел всем сердцем.

Своих приятелей они нашли изрядно захмелевшими и весьма далекими от таких высоких проблем, как вопросы вселенского братства и справедливости. Тем более что Уни с Вандеем, увлекшись острой беседой, совершили фатальную ошибку и пропустили горячее, ради которого, собственно, и стремились в «Рыбку» многочисленные посетители. Впрочем, особого разочарования проигравшие не выказали: Вандей уже откровенно перестал скрывать свое

искреннее отвращение к пиршеству, а Уни ощутил упорное нежелание собственного желудка принимать даже самых изысканных гостей. Поковырявшись для порядка в маринованных угрях, свернувшихся вокруг гигантского яйца из улинского риса, он подпер подбородок кулаком и расслабленным взором уставился на своих друзей, которые проявляли куда больше энтузиазма в увлекательном забеге по скоростному уничтожению заморских деликатесов. Соргий оживленно угощал присутствовавших какими-то трубочками из длинных зеленых листьев, из которых наружу сочилось белое клейкое содержимое.

– Ну как, дорогая, вкусно? Я знаю, ты сможешь это оценить! – подначивал он свою рыжую спутницу. Девушка с опаской попробовала малюсенький кусочек, и Соргий тут же с умилением повторил на публику ее движение, превратив в интимное проявление чувств. Его дама, ничуть не смутившись, вошла во вкус и сжевала уже половину таинственной трубочки.

– А что это вообще такое? – спросил Вордий, уминая уже третью порцию нового деликатеса.

– О, это, друг мой, самое изысканное блюдо нынешнего сезона, родившееся на стыке кухонь двух злейших врагов – унгуру и аринцилов.

– Не томи. Я плохо разбираюсь в географии, хотя сердцем чую, что здесь что-то не чисто.

– Это паштет из сердца новорожденного лакробуса в слизи гусениц макабу, завернутый в виноградные листья. Листья, правда, отечественные, так как ингредиенты традиционного рецепта вызывают у жителей империи острое пищевое отравление.

Увлекательное объяснение Соргия было прервано энергичной вспышкой протеста Лювии, нежная душа которой не смогла вынести мысли о такой зверской расправе над милым животным:

– Ну он же такой маленький, беспомощный, ну как же вы можете!

Все это отразилось на дальнейшем поедании деликатесов не в лучшую сторону. Бывший неизменной душой компании Соргий все больше замыкался на своей девушке, Вордий утешал Лювию, Уни предавался мечтаниям, а Даг Вандей, похоже, получил еще один веский повод для обвинения имперской знати в кровожадности. Не удивительно, что и отклонялся он первым, сославшись на то, что ему дольше всех добираться до дома.

Спутнице Соргия также, видимо, уже изрядно надоели все это общество и здравницы в честь совершенно незнакомых ей личностей. Она стала дуть губки, кокетничать и всем своим видом подталкивать кавалера к продолжению вечера в более уединенной обстановке.

– Да, нам тоже пора! – засобирался и Вордий после того, как рыжей бестии все же удалось восторжествовать над крепкой мужской дружбой. – Хочешь, проводим тебя? – Вордий явно ощущал двойную ответственность: за Лювию, как за свою невесту, и за Уни перед его строгой матерью.

– Куда ж я денусь? – буркнул юный дипломат, и троица устремилась из храма еды на опустевшие улицы, где тени от масляных фонарей в панике шарахались от припозднившихся путников. Шляться по ночному городу было не самым благородным развлечением. Конечно, районы вроде Триказинцо, где жили знать и высокопоставленные чиновники, охранялись по первому разряду, но там были в основном жилые дома и виллы. И даже богачам приходилось развлекаться в заведениях, пусть и престижных, но уже давно, вопреки всем правилам, густо разбросанных по городу. «Рыбка», к примеру, была расположена почти в центре Энтеверии, но не в самом удобном месте, на отшибе между Большим оврагом и кварталами ремесленников. Здесь идеально ровный план районов столицы давал изрядный сбой в своей геометрической гармонии, и, чтобы вернуться домой, приходилось делать большой крюк.

– Можно было бы взять экипаж, – небрежно бросил Уни.

– Э, да ты, никак, переел! – снисходительно улыбнулся Вордий и вдруг осекся. Его друг бледнел буквально на глазах.

– Мне что-то совсем плохо! – только и успел простонать Вирандо, как вдруг мешком упал на землю, словно кто-то пристегнул тяжеленные свинцовые гири к его рукам, ногам и даже к шее.

– Да что же это, Мрак меня раздери! – кинулся к нему Вордий и застыл в неожиданной беспомощности. Лювия осторожно прикоснулась ладонью ко лбу Уни.

– Он совсем холодный! – испуганно прошептала девушка.

– Будь с ним, я мигом! – Вордий сорвался с места и кинулся назад, где у входа в «Рыбку» обычно коротали время наемные колесницы и команды носильщиков. Драли они по-хамски, учитывая отдаленность места и уровень посетителей, но сейчас было не до экономии...

Глава 7. Нельзя просто взять и уехать

Когда Уни открыл глаза, ему показалось, что мир расположен где-то в вышине, а сам он – погребен под горой песка на дне какого-то огромного таинственного кувшина. Из песка чудом высывалась лишь одна голова, уши с трудом улавливали звуки снаружи, гулкие и пугающие.

– Он, кажется, очнулся, – одними губами прошептала Лювия.

– Благословенно будь Светило исцеляющее, щедрое, любовь и жизнь приносящее! – сорвался в запальчивом жаре своей простой, но искренней веры Вордий.

Он подошел и присел на краешек кровати. Уни стало казаться, что гора песка накренилась и стала резко ссыпаться в какую-то воронку на левом боку. В страхе, что его засосет этот поток, он попытался ухватиться за края кувшина, но только дернулся и сразу же опал непослушными конечностями.

– Лежи тихо, тебе нельзя двигаться! – и Лювия нежно провела подушечками пальцев по его лбу.

Кувшин ощутимо потрескался, кусочки с его горловины стали постепенно отваливаться, и окружение начало приобретать реальные очертания.

Незнакомый мужской голос вдали возвестил, что нужно принять питье.

– Позволь, я сама, отец, – и чуткие нежные руки поднесли ко рту Уни чашу с чем-то травяным и горьким на вкус. – Помоги ему приподняться, – обратилась Лювия к Вордию.

Тот немедленно исполнил просьбу, что мгновением позже не позволило Уни сдержать слабое подобие улыбки.

«Ну, по крайней мере, пью-то я сам, а значит, жив пока!» – в мыслях усмехнулся он.

– Я вообще не понимаю, как он выжил! – элегантно баритон Септинеля Токто ощутимо дрожал, выдавая как искреннее волнение врача, так и столь же глубокое изумление одного из виднейших представителей этой профессии в империи. – Если при отравлении *цистризой* больному не дать противоядие до того, как он потеряет сознание, то девять из десяти, что он больше никогда не вернется в мир живых. И это здоровые, сильные воины! Я сам знавал лишь одного человека, который прошел через все это и до сих пор оставляет свою тень на земле.

– И кто же это? – слабо спросил Уни, по инерции, лишь мгновением позже поймав себя на мысли, что вновь может говорить. И только тут страшное открытие с опозданием пронзило его

разум. Застыв в безмолвном вопросе широко раскрытых глаз, оно сделало излишними более членораздельные попытки узнать о случившемся – друзья поняли Уни без слов.

– Малыш, не волнуйся, прошу тебя! – очень ровным голосом проговорил Вордий. – Да, это был яд. Достопочтенный энель Токто повидал в своей жизни достаточно, чтобы делать такие выводы.

Сам бывший главный военврач империи лишь кивнул, стоя где-то в стороне от кровати.

– Симптомы слишком очевидны, чтобы быть чем-то иным. Но если ты выжил сейчас, то уже скоро неминуемо встанешь на ноги. Волноваться нечего. Но как это произошло? Или доза была минимальной? Очень, очень любопытный случай...

Вордий Онато с некоторой тревогой принял это сосредоточенное молчание на свой счет. В силу причудливой grimасы судьбы он, казалось, с рождения сочетал в себе те качества, которыми в силу тех же причин оказался обделен его ближайший друг Уни. Обаятельная, открытая улыбка этого на удивление гармонично сложенного красавца привлекала девушек, которые единодушно сходились во мнении, что та, кому такое совершенство достанется, может просто торжественно водить его за собой по улицам на зависть подругам. Однако Вордий, будучи тактично обходителен со всеми, совершенно неожиданно сделал своей избранницей скромную и совершенно незаметную на пестром и кичливом празднике жизни имперской «золотой молодежи» Лювию, которая уже благодаря одному этому событию вмиг лишилась своей ауры светской затворницы.

Впрочем, находящаяся, в силу особенностей профессии, в самом центре последних новостей и свежих сплетен Севелия Вирандо достаточно быстро просветила сына, что с чисто рациональной точки зрения Вордий принял абсолютно безупречное решение. Отцом Лювии был человек хоть и не самый известный, зато пользующийся искренним уважением как в высшем свете, так и в народе. Он занимал должность верховного жреца Сангии, Уберегающей от болезней, то есть был, по сути, главным врачом императора, а также смотрителем больниц, инспектором рынков и всех имперских водопроводов. Должность, разумеется, не самая престижная, зато приносящая несомненную пользу и расположение населения, а удаленность от центра столичных интриг делала ее залогом долгого и вполне спокойного существования. Взяток Септинель брал самую малость, просто чтобы не идти поперек традиции и не обижать хороших людей, так что слухи о его нестяжательстве давно были на устах у многих. И в самом деле, нелегко удержать в узде своих демонов наживы, когда в твоей полной власти находится Дворец тысячи изобилий, гигантский крытый рынок имперской столицы, с которого ты имеешь право изгнать любого торговца за тухлый или даже просто незнакомый и потому опасный для драгоценного здоровья жителей товар. Впрочем, Септинель Токто и был именно таким безжалостным гонителем, поскольку медицине учился не в тиши Светлой обители знаний, сиречь имперской академии, а на полях сражений, сопровождая в походах армии еще отца нынешнего Великого владыки. Человек, не понаслышке знающий о том, что целое войско может выйти из строя, попив воды не из того ручья, никогда не будет делать легкие деньги на такого рода вещах.

Дочь свою Токто держал в не меньшей строгости, чем центральный рынок, вежливо, но сурово отбивая от нее многочисленных поклонников, в искренней чистоте намерений которых он не без основания сомневался. Злые языки шутили, что сановный папаша бдит свое нежное дитя и за себя, и за почившую от семерийской малярии супругу, стремясь таким образом хоть как-то компенсировать для девочки отсутствие матери, верность которой он хранил вот уже на протяжении семнадцати лет. Впрочем, Вордий, которого в данном случае было весьма сложно упрекнуть в недостаточно трепетном отношении к девичьей чести, нашел единственно верное решение проблемы. Со свойственной ему простотой и незатейливостью он просто взял и подружился с отцом своей недоступной возлюбленной, в результате чего Токто по прошествии буквально двух месяцев сам предложил дочери обратить внимание на столь достойного молодого человека. В результате уже совсем скоро Вордий стал чувствовать себя в доме Токто

как полноправный член семьи, однако сейчас этой солнечной идиллии был брошен неожиданный вызов, поставивший под угрозу если не грядущую свадьбу, то уж точно – спокойствие и сдержанность одного из будущих супругов.

– Клянусь мечом карающим Стража Небесного престола, я доберусь до правды, чего бы это ни стоило! – и Вордий рубанул правой рукой воздух так стремительно, что этой ярости позавидовал бы и тигр, которого гвардеец так натурально изображал, бешено рыская из угла в угол. Он искренне переживал за Уни, но не меньше этого – за свои отношения со стариной Токто, которого он так некстати втянул во всю эту темную историю с ядом.

«Ну надо же было такому произойти! – в панике кусал губы Вордий. – Кто ж его знал, что все так обернется!»

Впрочем, будущий тесть воспринимал происходящее сдержанно, как профессионал, прошедший в жизни через массу не менее серьезных испытаний, и ни словом, ни жестом не выдал своего неудовольствия тем печальным обстоятельством, что его трепетное дитя оказалось втянуто в криминальные события. Вместо этого он просто встал ни свет ни заря и в нарушение всех правил приличия без всякого предупреждения навестил в столь ранний час неприметную аккуратную виллу в тенистой рощице молодых дубков на самой окраине Триказинцо. Осушив для бодрости в преддверии наступающего дня со старым другом по торгендамским походам кубок молодого улиньского вина, он получил искренние уверения в том, что безопасность его и его дочери отныне находятся в руках специалистов не менее искусных, чем он сам в делах хирургии и борьбе с болезнями. А посему домой Токто вернулся лишь для того, чтобы снисходительно похлопать по плечу Вордия в ответ на его искренние извинения за причиненные неудобства, поцеловать дочь и неспешно удалиться на службу, удостоверившись на прощание, что с его новым и неожиданным пациентом ничего плохого сегодня уже не случится.

Для беспокойства опытейшего врача империи, похоже, и вправду не было каких-либо серьезных оснований. Проведя во сне почти двенадцать часов, Уни почувствовал себя значительно лучше. Болезненная слабость все еще тянула голову к подушке, однако силы уже постепенно возвращались к нему, к нескрываемому удивлению Токто и горячей радости друзей.

Наплевав на службу, Вордий успел сбегать за Севелией Вирандо и сообщить о плачевных последствиях злоупотребления ее сыном непривычными для его нежного желудка креплеными торгендамскими винами. По взаимному уговору истинные причины едва не сведшего Уни в могилу отравления решено было хранить в тайне вплоть до выяснения всех обстоятельств, чем и решил незамедлительно заняться новоиспеченный офицер императорской гвардии. Дождавшись ухода хозяйки «Счастливого конека», так кстати заставшей сына спящим и потому недолго обременявшей своим хлопотливо-беспокойным присутствием, Вордий провел детальный допрос будущего тестя на предмет точного установления причины и источника отравления.

– Токто свято убежден, что это циструза! – вещал он едва проснувшемуся Уни, который свернулся калачиком на левом боку и, чуть прикрыв глаза, пытался разместить в голове первые результаты начавшегося расследования. – Она действует где-то через час-два после приема внутрь. Если так, то яд тебе подсыпали в «Рыбке». Вот Мрак! Я разнесу эту харчевню по бревнышку, поглоти их Темная бездна!

– Не думаю, что скандал – это то, что нам сегодня нужно, – Уни с усилием перевел дух. – Вспомни, какая у них клиентура. Там такой надзор, что подкупить обслугу, скажем, просто нереально. Злодеи только бы раскрыли себя. Да и потом, – слабым голосом продолжал он, – каким образом сделать так, чтобы отравился именно я? Просто нереально!

– Ну да, видел бы ты, как забегали эти уроды! Они даже колесницу мне оплатили, деньги на доктора предлагали, чтобы мы только не болтали обо всем вокруг. Клиент поужинал в «Рыбке» и тут же помер на ступеньках заведения... Да там такие люди собираются, они эту корчму враз закрыли бы!

– Вот именно. Так что я просто убежден, что это сделал кто-то из своих.

– Что?! Из друзей?

– Ох. Ну а кто еще, посуди сам. Трудно, конечно, все это признавать, но если мы не ошиблись и это действительно яд, тогда других вариантов просто нет.

– Да? Но меня с Лювией ты, надеюсь, исключашь?

– Исключаю, – слабо хмыкнул Уни. – У тебя и так было полно возможностей меня прикончить, что до того, что после.

– Ну-ну. И на том спасибо.

– Значит, остаются трое: Дагений Вандей, Соргий Квандо и эта его сомнительная рыжая девица.

– Да, мне она тоже как-то с самого начала не понравилась. А что касается Дага, то он с приветом, конечно, но чтобы вот так ни с того ни с сего травить друга детства...

– Ну, как минимум один мотив у него вполне может быть.

– О чем ты?

В комнату неслышно вошла Лювия. Скрестив на животе пальчики с перламутровыми ноготками и слегка закусив губки, она жалобно, с вопросом в глазах уставилась на Вордия, тот после секундной паузы снисходительно кивнул головой в сторону мягкой низенькой банкетки в углу комнаты.

– Видишь ли, я не хотел это тебе говорить, но в свете произошедших событий... – замялся между тем Уни. – В общем, Даг в последнее время активно вербовал меня в свое тайное общество борцов за справедливость, которые явно замышляют недоброе в отношении нашего любимого императора. В последний раз он говорил со мной об этом именно в «Рыбке», когда мы стояли на балконе. Ну, я, в общем, был не в духе, чтобы вести дискуссии, и возможно, он стал опасаться, что я просто сдам его братию Солнечной страже.

– Х-ха, Даг – заговорщик? Да он просто мелкий брызга! Вечный нытик, коллекционирующий всякие неблагозвучные сплетни.

– Ну не знаю... Вообще-то он многое по делу говорит. Хотя думаю, что на практике осуществить его теории совершенно невозможно.

– Слушай, ты же меня знаешь. По делу не по делу... И ему говорил, и тебе скажу: приказ дадут – любого уроем! Эти книжники совсем обнаглели, народ мутят, а чуть что – простачками прикидываются. Но Даг-то – идиот! Работаешь себе адвокатом – и работай, речи толкать у него здорово получается, но зачем со всякой гольтьбой якшаться? А впрочем, он всегда был с придурью, сколько его помню.

– Насколько я слышал, Даг не просто адвокат. Он бедняков бесплатно защищает. Нет, что-то не складывается тут. Он, конечно, фанатик, но благородный и честный, а не какой-то там подлый убийца.

– Здесь я согласен, подлецом он никогда не был. Да и откуда бы он яд взял, если причина отравления – его неосторожные с тобой откровения? С собой носил на всякий случай? И правда, бред!

– Идем дальше. Соргий. Он, конечно, раздолбай, каких свет не видывал, но назвать его убийцей просто язык не поворачивается. Да и мотивов у него никаких нет, мы с ним вообще в разных мирах живем...

– А девица? Забыл, как ее зовут... Кто она вообще такая?

– Не знаю, я тоже как-то пропустил мимо ушей.

– Ну ладно, это как раз легко выяснить.

– Это да. Только я все равно не понимаю главного – кому я вообще понадобился?

– Вспомни всех своих врагов. Может, кому дорогу перешел, случайно даже?

– Да нет, не было ничего. И кто я вообще такой? Наследство что ли имею, положение?

– А твое назначение в посольство? Ты не думал о том, что кому-то это могло прийти не по нраву?

– Кому? Что, многие могли претендовать на мое место? Я же говорил уже: кроме меня и старика Барко, нет в империи живых носителей вириланского языка.

– Ты это точно знаешь?

– Да, точно! Конечно, они могли бы нанять капоштийца. Среди их купцов, торгующих с Вириланом, есть немало знающих тамошний язык. Но, х-ха, цель нашей миссии настолько секретная, что они не рискуют доверить содержание переговоров чужестранцам.

– Значит, если тебя убить, то посольство не состоится? – неожиданно подала голос Лювия.

Друзья на мгновение замерли и одновременно уставились на девушку. Вордий даже перестал ходить из угла в угол и только широко раскрыл рот от неожиданного озарения:

– Ну ты даешь, милая! Как же нам сразу это в голову не пришло?

– Действительно, – Уни перевернулся на спину и со скептическим, немного глуповатым выражением лица принялся разглядывать потолок, расписанный под кроны вечернего леса. – Это ж проще пареной репы! Меня, конечно, и раньше немного сместила вся эта непонятная секретность вокруг нашей миссии, но я считал это паранойей нашей бюрократии и не думал, что все действительно настолько серьезно.

– Серьезно? Да не то слово! Ты стал пешкой в большой дворцовой игре, пребывая в своем счастливом детском неведении относительно реального хода событий.

– Ну, меня всегда удивляло, почему посольство в Вирилан сподобились снарядить только сейчас. Видимо, при дворе кому-то очень не хочется установления прямых отношений с этим царством. И я даже, наверно, знаю, кому именно. Но почему, какой смысл так ожесточенно сопротивляться воле самого императора? Боязнь ухудшить отношения с Капошти – это ведь просто прикрытие, глупые страхи старика Форзи. Двор не упустит бы возможности заполучить свой жирный кусок от прямой торговли, да и союзники против аринцилов нам бы тоже пригодились. Ох, интересно было бы во всем этом разобраться!

– Нет, ну вы только поглядите на него! Уни, очнись, ты теперь живешь в реальном мире, а не в призрачном царстве книжных свитков! Тут и убить могут, ты что, до сих пор этого не понял? Тебе сейчас спрятаться нужно хорошенько, пока эти мерзавцы не пронюхали, что ты жив, а не за дворцовыми тайнами гоняться!

– Ты и правда думаешь, что они осмелятся проникнуть в дом главного имперского лекаря?

– О Солнце всемогущее, да неужели ты так ничего и не понял? Если они решились пойти на убийство, значит, загнаны в угол и способны на все! Раз уж они открыто скатываются к примитивной расправе, значит, исчерпали иные способы добиться своего!

Вордий с шумом выдохнул и скрестил руки на груди. Его взгляд охватил беспомощного Уни на кровати и милый силуэт Лювии, смотрящей так жалобно, словно это она причина всех так неожиданно свалившихся на друзей несчастий.

– В общем так, – Вордий покусал губу. – Токто на службе, вам сидеть тихо, слугам скажу, чтоб никому не открывали. Я в казармы, возьму там пяток своих людей, перенесем тебя ко мне до отплытия. Так надежнее.

– Я еще должен повидать матушку, – подал голос Уни. – И вообще, ей же надо как-нибудь объяснить, что тут происходит.

– С эмель Вирандо я поговорю сам. Ничего лишнего ей знать не следует.

– Да? Очень мне было бы интересно на это посмотреть. И что ты ей скажешь?

– Не знаю, придумаю что-нибудь. Она ко мне всегда была до крайности мило расположена.

– Ну еще бы, ведь ты так самоотверженно защищал ее единственного сына от всяких там уличных хулиганов.

– Вот видишь, как-нибудь справлюсь. Ну, ха, даже если нет, то в казармы ее все рано не пустят.

– Вордий, это жестоко! – возмутилась Лювия. – Может, я сама с ней поговорю, а?

– Брысь, тихо сидеть! – строго цыкнул на нее будущий супруг. – Чтоб из дома носа не казалась, ясно? А матушка твоя мне потом еще спасибо скажет, – буркнул приятелю Вордий и стрелой вылетел из комнаты.

Уни сложил руки за головой и скорчил Лювии жалобную мину. В который раз жизнь доступно объясняла юноше, что он в ней пока еще совсем ничем не управляет. Даже самым собой.

* * *

Таверна с совершенно идиотским названием «Пролежни» была тем не менее одним из главных украшений южного портового района Энтеверии. Секрет этого, прямо скажем, не самого высокорангового заведения был отнюдь не в безвкусной лепнине и совершенно пошлых драпировках с претензией на подражание интерьерам Ясноликих чертогов. Просто если, скажем, вы, как честный и нравственно безупречный торговец или чиновник средней руки, твердо уверены, что измена супруге в пределах домашнего очага есть страшнейшее преступление в ее глазах и глазах всевидящего Солнечного ока, то стопы сами несут вас именно в это место. Ибо, во-первых, в плебейском районе вы останетесь неузнанным, во-вторых, солидное заведение гарантирует безопасность, и в-третьих, что самое главное, район порта населен в основном чужестранцами и наполнен их чудными кумирнями, так что Небесный владыка, видимо, в силу естественного отвращения к неверным заглядывает сюда гораздо реже. Впрочем, целомудренные столичные жены также не оставались в долгу по части богобоязненного поведения, тем паче что «Пролежни» занимали стратегически важное положение, находясь в удобной близости от целого ряда рынков, посещение которых входит в обязанности каждой хозяйки. Единственный риск заключался в том, чтобы не допустить трогательного единения членов семьи в этом, предназначенном для совсем иных свиданий, заведении. Впрочем, учитывая, что мужчины чаще предпочитают отдыхать на закате трудового дня, а жены – в самом его разгаре, серьезные проблемы возникали разве что у нарушителей этого негласного правила.

К категории любителей риска, вероятно, могли бы отнести и миниатюрную, закутанную в коричневое покрывало дамочку, искусно прокладывающую дорогу в дефилировавших на долгожданный вечерний отдых плебейских массах. С явно не соответствующей статусу зрелой матроны поспешностью она ловко огибала не склонных уступать дорогу развязных горожан, вызывая своими маневрами нахальные комментарии идущей позади разношерстной публики. Доселе неизвестно, успели ли местные острословы сделать ставки относительно пункта следования этой целеустремленной персоны, однако ее в общем-то логичный заход в «Пролежни» вызвал дружную волну грубоватого хохота.

Каких более острых приключений двинулась искать на свою голову эта припортовая шпана, история умалчивает, чего не скажешь о женской фигуре в коричневом. Хозяин «Пролежней», сальный низенький тип откровенно неприятной наружности, получил от нее какой-то неопределенный жест в свою сторону и тут же потерял интерес к этой, видимо, уже знакомой посетительнице. Дамочка стыдливо вцепилась в свое покрывало и, еще глубже запрятав в нем свое личико, резво застучала башмачками по деревянным ступеням. Семенить ей пришлось весьма основательно, ибо заведение насчитывало аж четыре этажа, коим были присвоены образные имена земли, воды, леса и неба. Однако очевидное нежелание хозяев обременять посетителей дорогих «небесных» апартаментов подъемом по лестнице привело к оригиналь-

ному расположению уровней вверх тормашками, в результате чего путь нашей торопливой знакомой в наиболее дешевые «земные» комнаты парадоксальным образом лежал на самый верхний этаж здания. Ворвавшись в полумрак освещенного коптящими сальными свечами коридора, бесстыже вопившего со всех сторон о непростительно тонких стенах, матрона в своем неудержимом порыве споткнулась о вдрызг обкуренного оборванца, почему-то с ходу обозвавшего ее «вареной шлюхой». Проинформировав этого хама, что вынуждена говорить с потомком свиньи в семнадцатом поколении, женщина буквально высадила плечом дверку соседней комнатухи, еще более чернильный полумрак которой уже давно ожидал ее прибытия.

Своей откровенной неприязнательностью помещение напоминало даже не вертеп, а какое-то стойло. На скрипучих, с подозрительными подтеками досках валялся набитый соломой тюфяк, на котором, закинув ногу на ногу, расположился седой мужчина лет пятидесяти с красиво изогнутыми к переносице светло-зелеными глазами и тонкими чертами лица потомственного аристократа. Глаза эти лениво покосились на вошедшую, словно хозяин делегировал им свой протест в связи с отрывом от такого архиважного занятия, как использование в качестве зубочистки засохшей во времена сотворения мира травинки. Впрочем, эта достойная имперского театра Хонто пантомима была начисто проигнорирована гостьей, которая резко уселась на единственный в комнате низкий плетеный стул и, словно вдруг расслабившись после бешеной уличной скачки, неспешно и аккуратно опустила свое покрывало. В голубых, прищуренных глазах женщины одновременно сквозили и злоба, и равнодушие, и усталость, которые, слившись воедино, готовы были вырваться в виде жесткого, уничтожающего вопроса своему собеседнику. Впрочем, последний хорошо это уловил и незамедлительно перешел в контрнаступление:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.